

БИБЛИОТЕКА АНАЛИТИКИ

ЛУЧШИЕ АНАЛИТИКИ РОССИИ – НАШИ СОВРЕМЕННОКИ

Выпуск 1

**Москва
Российский университет дружбы народов
Ассоциация «Аналитика»
2021**

УДК
ББК
Л87

Утверждено
на расширенном заседании
Исполнительного комитета
Ассоциации «Аналитика»

Серия «Библиотека аналитики»

**Редакционный совет первого выпуска сборника
«Лучшие аналитики России – наши современники»:**

Председатель – *Н.Н. Бордюжа*

Координаторы – *А.И. Агеев, В.А. Алешин*

Члены Совета:

*С.А. Батчиков, А.В. Кузнецов, В.Ю. Волчков, А.В. Емельянов,
В.Б. Исаков, Б.Н. Порфирьев, Г.И. Осадчая, П.В. Тулаев*

**Л87 Лучшие аналитики России – наши современники : на-
учно-популярное издание / коллектив авторов. – Москва :
РУДН ; Ассоциация «Аналитика», 2021–. – [Библиотека ана-
литики].**

ISBN 978-5-209-10488-9

Вып. 1. – 349 с. : ил.

ISBN 978-5-209-10492-6

Этот сборник уникален. В нем представлены семь образцов работы по семи направлениям научной аналитики: социально- и технико-экономическая, правовая, военно-философская, социогуманитарная, аналитика международной безопасности и международных отношений. В этих текстах анализируются важнейшие проблемы на основе самых фундаментальных парадигм в соответствующих отраслях знания. Авторы этих текстов – лучшие аналитики России. Среди них профессора ведущих университетов России, доктора наук, академики и генералы, высокопоставленные руководители, химики, экономисты, международники, разведчики, юристы... Уникальность личностей лучших аналитиков России раскрывают те, кто знает или знал их лично.

Из огромного множества созданных ими научно-аналитических произведений отобраны те, что в относительно сжатой форме дают самое компетентное знание о том, что делать с экономикой, информацией, идеологией, преступностью, внешней политикой и т.д. После изучения этой книги у читателя любого уровня квалификации и эрудиции возникает комплексное и новое знание об очень важных вопросах, касающихся всех нас. А знание, как известно, – сила.

УДК
ББК

ISBN 978-5-209-10492-6 (вып. 1)
ISBN 978-5-209-10488-9

© Коллектив авторов, 2021
© Российский университет дружбы народов, 2021
© Ассоциация «Аналитика», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
<i>Н.Н. Бордюжа.</i> АНАЛИТИКА В УПРАВЛЕНИИ РАЗВИТИЕМ	4
<i>В.М. Филиппов.</i> УМЕЮЩИЕ МЫСЛИТЬ	6
<i>А.И. Агеев.</i> КВИНТЭССЕНЦИЯ АНАЛИТИКИ	8
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АНАЛИТИКА	11
<i>А.Г. Аганбегян.</i> Новой России 30 лет. Достижения и упущения	13
Выдающиеся аналитики: академик РАН А.Г. Аганбегян (<i>Б.Н. Порфирьев</i>)	72
ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АНАЛИТИКА	77
<i>С.Ю. Глазьев.</i> ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ СМЕНЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УКЛАДОВ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИК	79
Человек будущего. Штрихи к портрету... (<i>С.А. Батчиков</i>)	117
ВОЕННО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ	123
<i>И.С. Даниленко.</i> ВСЕМ ИЗВЕСТНАЯ, НО ВСЕГДА НЕЗНАКОМАЯ	125
Игнат Семенович Даниленко (<i>П.В. Тулаев</i>)	159
СОЦИОГУМАНИТАРНАЯ АНАЛИТИКА	163
<i>С.Г. Кара-Мурза.</i> АНАЛИТИКА: НАУКА, ТЕХНИКА, РЕАЛЬНОСТЬ, ИДЕОЛОГИЯ	165
Человек яркой судьбы (<i>Г.И. Осадчая</i>)	200
ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ АНАЛИТИКА	205
<i>В.Н. Кудрявцев.</i> СТРАТЕГИЯ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ	207
Нравственное завещание В.Н. Кудрявцева (<i>В.Б. Исаков</i>)	223
АНАЛИТИКА МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	229
<i>Н.С. Леонов.</i> ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА В ЗАГРАНУЧРЕЖДЕНИЯХ	231
Аналитическая работа в Центральном аппарате	252
Выдержки из выступления Н.С. Леонова на собрании депутатской группы «Союз»	267
У нас нет ответа на вопрос: «Куда идет Россия?»	272
Краткая биография Н.С. Леонова	282
Аналитическая служба и служение аналитике Николая Леонова (<i>В. Волин</i>)	283
АНАЛИТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	289
<i>В.М. Фалин.</i> ЧТОБЫ ЗНАТЬ, ЧТО БУДЕТ, НАДО ЗНАТЬ, ЧТО БЫЛО	291
Излучение Фалина (<i>А.И. Агеев</i>)	338
ПРИЛОЖЕНИЕ. КОДЕКС РОССИЙСКОГО АНАЛИТИКА	345

ВВЕДЕНИЕ

АНАЛИТИКА В УПРАВЛЕНИИ РАЗВИТИЕМ

Н.Н. Бордюжа,

*председатель Исполкома
Ассоциации «Аналитика»*

Ассоциация содействия развитию аналитического потенциала личности, общества и государства «Аналитика» учреждена в октябре 2014 года. Казалось бы, зачем представители экспертного сообщества и государственных органов создали такую структуру? Ведь существует целая сеть академических и отраслевых, ведомственных НИИ, всевозможных «мозговых центров», в конце концов к тому времени на едва ли не все вопросы стали отвечать поисковики Интернета! Но упрекнуть учредителей Ассоциации в легкомыслии и странном желании добавить к этому списку «мыслящей материи» еще один пункт невозможно никак. Следовательно, была сильная мотивация этой инициативы. Она не утратила своей силы и сейчас. Это – глубокая неудовлетворенность состоянием научно-экспертной работы в стране в целом.

Как следствие – неудовлетворенность качеством научного обоснования принимаемых в стране решений по широкому кругу проблем национальной безопасности, научно-технического и социально-экономического развития. В настоящее время в сфере аналитической деятельности отсутствует системный подход в подготовке кадров специалистов-аналитиков, в изучении и пропаганде опыта передовых аналитических практик, в том числе и зарубежного.

Это не был вопрос о том, кто виноват. Это потребность в совершенствовании всей системы управления развитием, в которой должны быть качественные предвидение, прогнозирование, экспертиза, подготовка и обоснование управленческих решений, оценка их последствий, оценка рисков и т.п. Для того чтобы все это было качественным, требуется независимость суждений и оценок, дабы избежать зависимости от лиц, принимающих решения. Мы прекрасно знаем, как зачастую подчиненные стараются «угодить» начальству, угадать, что оно хотело услышать, вместо того, чтобы сказать обоснованную и непредвзятую правду.

Но главное было не в этом. Мы ясно осознавали, что имеются лакуны в осмыслении государством и обществом всего диапазона проблем развития, так сказать – «бесхозные проблемные зоны», за анализ которых формально не отвечает никто. И Ассоциация взялась за эту непростую работу. Делает ее, как нам представляется, самоотверженно, достойно и на началах доброй воли. Это удивительное сочетание.

В этой связи мы решили основать серию публикаций «Лучшие аналитики России – наши современники». Она охватывает тех, кто продолжает трудиться на поприще аналитики, и тех, кто ушел от нас, оставив след в истории развития аналитики самой высокой пробы. Это – наш «Зал славы». Мы кратко представляем и личности тех, на кого можно равняться начинающим аналитикам, и примеры их произведений.

УМЕЮЩИЕ МЫСЛИТЬ

В.М. Филиппов,

*Президент Российского университета
дружбы народов,
председатель Высшей аттестационной
комиссии Минобрнауки России,
доктор физико-математических наук,
профессор, академик РАО*

Жанр и формат подготовки изданий «КТО ЕСТЬ КТО» является трудным выбором «лучших из лучших». Характер и уровень достижений, достаточных для включения человека в этот список, можно определить лишь приблизительно: для каждой из областей духовной и материальной культуры есть свои ориентировочные критерии. Например, исключительно важная роль в развитии искусства, или науки, или образования, или истории, или культуры России и мира.

Наше понимание окружающего мира в расцвет века технологий и междисциплинарного знания – все это является результатом творчества многочисленных одаренных и талантливых людей. Мы сегодня живем в таком мире, который развивается и изменяется с очень большой скоростью. Все, чем мы пользуемся, является результатом творчества по открытию и внедрению новых знаний и технологий современных интеллектуалов. А если говорить о том, кто нам помогает лучше понять мир и ориентироваться в быстроизменяющейся картине международных и межгосударственных отношений, социальной жизни общества, безопасности в ситуации с пандемией и другими «болезнями века», то очевидно, что речь идет о тех, кто умеет мыслить (то есть *анализировать*), причем – «масштабно».

Настоящая работа является важным этапом по созданию научно-просветительской серии «Лучшие аналитики России». Как известно, в переводе с греческого «анализ» оз-

начает «разложение целого на составные части». Вместе с тем важнейшей компетенцией специалистов в различных областях анализа является умение раскладывать составляющие информационных волн «по полочкам» и способность конструировать на основе, казалось бы, всем известных фактов, явлений и данных статистики новое оригинальное и глубокое понимание проблемы, а также готовить и предлагать наиболее эффективные способы или пути решения. Пытающихся приобщиться к аналитике немало, но талантливые «генераторы идей» ценятся буквально на вес золота, особенно когда речь идет по «гамбургскому счету».

Должен сказать, что сама по себе задача отбора немногих лучших из многих десятков тысяч достойных – нетривиальна. Россия исключительно богата талантами, тем более в сферах духовной культуры и науки. Чтобы выбор был более-менее объективен, в нашем проекте применены прозрачные методы обеспечения точности и надежности выбора. Во-первых, пространство аналитики было разделено на ряд категорий – от военно-исторических до технико-экономических и правовых тематик. Во-вторых, проект не ограничится одним выпуском. Он долгосрочен – можно даже сказать, что существовать он будет до тех пор, пока не иссякнет поток интеллектуалов в данной области. Поэтому маловероятно, что можно спрогнозировать конечное количество выпусков в проекте. В-третьих, мы исходили из значимости рекомендации. О каждом нашем аналитике, вошедшем в «Зал славы», свое слово говорит тот, кто лично знал и знает рекомендуемого, кто входит в число уважаемых им лиц. В-четвертых, создан экспертный совет проекта, позволяющий принимать окончательные решения максимально компетентно. В-пятых, мы стремимся к предельной открытости процедуры отбора и окончательного решения. А главное – о качестве решения свидетельствуют сами труды наших лучших аналитиков, нашей аналитической элиты, публикуемые в настоящем сборнике.

КВИНТЭССЕНЦИЯ АНАЛИТИКИ

А.И. Агеев,

*заместитель председателя Исполкома
Ассоциации «Аналитика»,
председатель Экспертно-
дискуссионного клуба «Аналитика»,
доктор экономических наук, профессор,
директор Института экономических
стратегий*

Решение Ассоциации «Аналитика» о создании серии «Лучшие аналитики – наши современники», своего рода «Зала славы» Ассоциации, не могло состояться в первую пятилетку ее жизни. Должно было пройти время, наработан опыт, чтобы, с одной стороны, Ассоциация приросла не просто компетенциями, но и энтузиазмом российских и зарубежных аналитиков, составив ее главную – кадровую основу, и чтобы определились приоритеты и нормы деятельности самой Ассоциации. Спустя 5 лет оба этих процесса достигли определенности. И вполне естественно возник вопрос об образцах аналитического творчества и, соответственно, авторах превосходных образцов аналитики.

Это был непростой выбор. Очевидно, что критерии выбора не могли не включить: 1) причастность к деятельности сообщества аналитиков, либо непосредственно, в личном качестве, либо через учеников и последователей, активно действующих в современной Ассоциации; 2) неиссякающую актуальность и значимость таких образцовых произведений, даже если они созданы не вчера; более того, «настоянность» качества трудов временем – неперенное условие признания их классикой жанра; 3) охват разных направлений аналитической деятельности (философии, права, экономики, научно-технического развития, политики, истории, безопасности).

Никто из тех, кто представлен в первом выпуске проекта, при всей своей формальной научной специализации не может считаться и не является «узким» профессионалом.

Каждый из нашей первой блистательной «великой семерки» – энциклопедичен, универсален, каждый, по сути, развивает метанауку – методологию, обобщая – не теряет доказательную базу, приводя конкретные примеры – не упускает из виду общее.

И есть еще одно общее свойство: каждый из них – гражданин нашей Родины, посвятивший служению ей свой талант, ум, знания, опыт, и совсем глобально – свою жизнь. Тем самым аналитика приобретает в их творчестве особое измерение. Его в XX веке пытались не совсем корректно называть «партийностью». Имелось в виду не только то, что «истина конкретна», но и ее подчинение интересам достижения целей передовой общественной силы. Отчасти это выражалось известной формулой о «всесильности учения». В такой постановке есть свои основания и оправдания, но все риски утрирования, упрощения, профанирования этого тезиса показывают современные войны диффамаций, фейков, весь круг явлений, обозначаемых как «постправда». Она о том, что претендует никак не учитывать истины, а выражать якобы свободную игру ума, не отягощенную ничем, особенно интеллектуальной ответственностью. Круг героев первого выпуска «Лучшие аналитики России – наши современники» связывает воедино именно приверженность истине и правде, готовность следовать этому кодексу чести даже тогда, когда большинство думает иначе.

Непростой задачей для составителей настоящего издания было отобрать из обстоятельного корпуса опубликованных трудов наших выдающихся аналитиков самые представительные. К счастью, сегодня «всемирная паутина» позволяет каждому желающему продолжить изучение трудов авторов. В итоге первый выпуск серии подобрал квинтэссенцию раздумий о природе нашего общества и эпохи, технико-экономических закономерностях и подлинной истории геополитического противостояния и, в частности, о социальном и экономическом развитии России, а также о том, как работать с информацией, чтобы она становилась аналитикой.

К какому жанру отнести родившуюся книгу? Формально – это сборник аналитических материалов. Но этот термин слишком механистичен, не отражает единство замысла, и в нем, по сути, два потока материалов – самих авторов и об авторах. Кажется, перед нами коллективная монография, но так характеризовать её было бы натяжкой. Вспоминается такой забытый жанр, как хрестоматия, но он также не улавливает специфику книги. Рискну предположить, что перед нами «рабочие тетради» в том их смысле, что они – рабочий, настольный инструмент для нашей нынешней повседневной и неутомимой аналитической работы. Они многоаспектны и междисциплинарны, выражают методологию и отличаются уместностью в смысле соответствия эмпирически наблюдаемым фактам, реальности.

В любом случае эта книга претендует на то, чтобы быть прочитанной от корки до корки с карандашными пометками читателя («NB», «важно», «!!!», «великолепно», «проверить», «перечитать» и т.п.). А более всего книга претендует на то, чтобы стать настольной у всех поколений аналитиков, особенно подрастающего.

И последнее. Историю часто представляют как более или менее закономерное или случайное нагромождение процессов и событий. Но историю творят люди и их биографии.

**СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
АНАЛИТИКА**

НОВОЙ РОССИИ – 30 ЛЕТ. ДОСТИЖЕНИЯ И УПУЩЕНИЯ

А.Г. Аганбегян

В 2021 г. исполняется 30 лет новой России, организованной на базе основной республики Советского Союза – РСФСР. В 1991 г. был провозглашен суверенитет Российской Федерации, выбран новый парламент и Президент России – Б.Н. Ельцин, организовано самоуправление, во многом независимое от распадающегося Советского Союза. И хотя формальное прекращение деятельности советского государства, объединяющего 15 республик, произошло в декабре 1991 г., реально они превратились в суверенные государства до этого шага.

По численности населения, объему валового внутреннего продукта и промышленности Россия составляла около 60% от показателей всего Советского Союза. Немного меньше доля России была в сельском хозяйстве, но значительно больше по территории и наличию природных богатств. Как и СССР, Россия осталась самой крупной по территории страной мира.

За 30-летний период в своем социально-экономическом развитии Россия прошла три этапа, каждый из которых имел продолжительность примерно по 10 лет: период трансформационного кризиса (1991-1998/1999 гг.), второй период – восстановительный подъем (1999-2008 гг.) и третий период – от кризиса 2009 г. и стагнации к кризису 2020-2021 гг.

Десятилетний **трансформационный кризис** новой России явился продолжением возникшего кризиса дефицита и внешнего долга последних двух лет существования Советского Союза. Он завершился двухлетним финансово-экономическим и социальным кризисом 1998-1999 гг. Причем нижняя точка по экономике была пройдена в 1998 г., а по со-

циальным показателям – в 1999 г. ВВП России сократился в 1,8 раза, а реальные располагаемые доходы населения – в 1,9 раза. Возникла крупная депопуляция населения и безработица.

Восстановительный подъем (1999-2008 гг.) начался во многом благодаря четырехкратной девальвации рубля по отношению к доллару, что привело к сокращению импорта и подъему импортозамещающих отраслей. Дальнейший рост был подхвачен ежегодным значительным повышением цен на нефть и природный газ, составляющим 70% нашего экспорта. ВВП России в этот период увеличился в 1,9 раза, а реальные располагаемые доходы населения – в 2,3 раза. Втрое сократилась безработица и размер депопуляции населения.

Этот подъем был прерван с четвертого квартала 2008 г. глобальным циклическим кризисом, поразившим и Россию. Начался третий период – **период кризисов и стагнации**, продолжающийся до настоящего времени. В 2010-2012 гг. основные докризисные социально-экономические показатели удалось восстановить. С 2013 г. в России наступила семилетняя стагнация с рецессией в основном по социальным показателям в 2015 г. Стагнация переросла в глубокий структурный кризис 2020-2021 гг., связанный с глобальной коронавирусной пандемией, а также с нефтегазовым кризисом.

В целом за 30-летний период валовый внутренний продукт увеличивается на 15% (2019 г. в процентах к 1990 г.) Для сравнения: за эти годы экономика Евросоюза возросла в 2 раза, США – в 2,5 раза, **а развивающихся стран во главе с Китаем – в 7 раз.** В связи с этим рейтинг России по уровню экономического и социального развития сократился. По размеру ВВП Россия в составе СССР в 1980 г. уступала только США, опережая Японию, а потом стала опускаться вниз.

Если сравнивать размер ВВП России по рыночным ценам, то в 2019 г., по данным Всемирного банка, она занимала 11-е место, уступая также Великобритании, Франции, Италии, Бразилии и Канаде. Вплотную за Россией расположились Южная Корея, Мексика и Австралия.

В составе ВВП резко сократилась доля фондов накопления и вооружения и, соответственно, увеличилась доля фонда потребления населения. В связи с этим средний уровень реальных располагаемых доходов населения возрос за 30 лет примерно на 35%. В подавляющей части этот рост был связан со значительным увеличением доходов 20% относительно богатых людей. При этом примерно у половины семей реальные доходы не повысились, а численность бедных, чей доход ниже прожиточного минимума, возросла до 20 млн человек. Социальное неравенство по доходам (коэффициент фондов) namного возросло – с 3 до 15 раз, а коэффициент неравенства Джини повысился с 0,2 до 0,4. После преодоления депопуляции населения, которая продолжалась 20 лет (с 1992 по 2012 г.), наблюдался небольшой естественный прирост населения в 2013-2016 г. С 2017 г. начался второй демографический кризис.

Однако **жизнь большинства россиян существенно изменилась в лучшую сторону**: был ликвидирован дефицит и предоставлен обширный выбор платных товаров и услуг, даны широкие возможности для проявления своих способностей, поездок и жизни за рубежом и многое другое. Заметно улучшились жилищные условия.

1. Трансформационный кризис (1991-1998/1999 гг.)

К 1991 г. в результате брежневского застоя, который длился с начала 1970-х гг., а затем после кратковременного периода руководства страной Ю.В. Андроповым и К.У. Черненко, экономика и социальная сфера были ослаблены неудачно проведенной «перестройкой» при М.С. Горбачеве. Лучшими годами с наивысшим международным рейтингом СССР и России среди стран мира были конец 1950-х и 1960-е гг. В середине 1950-х гг. после смерти И.В. Сталина под руководством Н.С. Хрущева и Г.М. Маленкова были осуществлены подъем сельского хозяйства и серьезный поворот экономики России к приоритетному производству продовольствия и потребительских товаров в промышленности. Началось также массовое жилищное строительство и

поквартирное расселение миллионов россиян в панельные дома.

Огромный рывок наша страна сделала с конца 1940-х гг. после **прорыва в решении атомной проблемы и освоения космоса**. Все это стало возможным благодаря мощному подъему научно-технологического комплекса и системы образования. Президент США Джон Кеннеди тогда сказал: «Россия решила первой проблему космоса за школьной партой», оценив тем самым первенство России перед США в системе образования. В те годы в международном рейтинге образования Россия занимала третье место. Она тратила на образование 11% национального дохода, а США – только 4%.

В 1964-1965 гг. Россия вошла также в первую десятку стран по ожидаемой продолжительности жизни, превзойдя здесь по среднему показателю 70-летний рубеж. На 1-2 года отличалась Россия по ожидаемой продолжительности жизни в это время от Японии, США и самых передовых стран Европы.

Мало мы уступали в те годы США и не уступали больше никому по развитию полупроводников, компьютерной техники, программированию, развитию самых передовых технологий того времени.

Нашей **лучшей стала восьмая пятилетка 1966-1970 гг.** со средним годовым ростом экономики в 7%, удвоением темпов роста реальных доходов, сельского хозяйства, производительности труда. Этому способствовал мартовский Пленум ЦК КПСС 1965 г., приняв стимулирующие меры для нового подъема сельского хозяйства, и сентябрьский Пленум 1965 г., одоббивший косыгинскую реформу с предоставлением значительной самостоятельности промышленным предприятиям, что привело к ускоренному росту и повышению эффективности.

В начале 1970-х гг. эта самостоятельность постепенно стала отбираться, административные методы возобладали над экономическими, парткомы КПСС получили право контролировать дирекцию, и **темпы социально-экономиче-**

ского роста в начавшемся периоде брежневского застоя начали угасать. Девятая пятилетка – уже 5-процентный рост экономики, 10-я – 4-процентный, 11-я пятилетка – 3-процентный, а реально близкий к нулю, по мнению многих исследователей.

В сфере образования расходы сокращались и СССР стал спускаться здесь вниз в международном рейтинге. Сокращается и показатель ожидаемой продолжительности жизни, поскольку мы все больше стали отставать в развитии здравоохранения, которое недофинансировалось. В мире началось производство и использование высокотехнологичных методов лечения, стала быстро развиваться биотехнология и появились качественно новые, более эффективные лекарственные препараты. Ожидаемая продолжительность жизни, спустившись до 67-68 лет, стагнировала, а страны мира поднимались вверх и по образованию, в том числе подхлестнутые примером СССР, и по здравоохранению.

Н.С. Хрущев провел реформу Академии наук, отобрав у нее многие институты технологического профиля и передав их в подчинение отраслевым министерствам. Академики смещались с должностей директоров отраслевых институтов, научный состав институтов ухудшался, у министерств возникло желание копировать западные достижения по компьютерной технике, перенимать западные программы, и мы стали прогрессивно отставать и по этому важнейшему технологическому направлению. Отдельные предприятия и коллективы пытались угнаться за Западом, и некоторым это удавалось. Но их достижения растворялись среди многих все более отстающих предприятий. Так что высокие рейтинги России и по экономическому потенциалу, и по общему индексу социального развития ООН, когда мы максимально приблизились к показателям США и передовых стран Европы, были потерянны. По рейтингам здравоохранения и образования, по ожидаемой продолжительности жизни мы также с каждым годом теряли позиции, достигнутые ранее.

Ряд руководителей это осознавали, и время от времени делались попытки активизировать научно-технологическое

развитие. Но без стимулов и перестройки экономических отношений попытки решить эти проблемы административным путем серьезного результата дать не могли.

После некоторого всплеска в темпах социально-экономического развития страны в 1985-1987 гг. благодаря смене старых кадров на руководящих постах более энергичными молодыми кадрами, дополнительным финансовым вложениям в отдельные отрасли был достигнут определенный эффект. **Начавшаяся непродуманная экономическая реформа в период перестройки ухудшила положение.** Был потерян контроль над зарплатой, сохранены материально-техническое снабжение и централизованные цены, стал нарастать дефицит, и все это привело к кризисным явлениям. Пытаясь погасить дефицит, правительство распродало около 800 тонн золота (осталось 80 тонн) и начало брать крупные внешнеэкономические кредиты, увеличив долги с 25 до 135 млрд долларов.

В 1989-1990 гг. начался полномасштабный кризис – с всеобщим дефицитом потребительских товаров, чрезмерным государственным долгом, возрастающим бюджетным дефицитом и обесценением рубля. Повсюду возникли «черные» рынки с увеличивающимися ценами, снизился уровень жизни людей, возникли массовая спекуляция, мафия и организованная преступность. Стихия «свободы», а точнее вседозволенности, захлестнула страну. Пропаганда дискредитировала за прошлые преступления и свела на нет действенность силовых органов. Возрастающие политические разногласия, особенно между республиками и общесоюзным центром, ослабили государство. Началось падение экономики и социальной сферы. Таков безрадостный последний период существования СССР, который вскоре развалился.

Так что первому правительству новой России, которое фактически сформировал и возглавил Егор Гайдар, досталось плохое наследие. В печати новое правительство Гайдара называли «правительством камикадзе». Пресса писала: зиму люди как-то переживут впроголодь и в холоде, а когда пого-

да потеплеет, они, возмущенные, выйдут на улицы и сметут власть.

Ничего этого не произошло. Члены правительства Е. Гайдара в основном были выходцами из созданного Е. Гайдаром в 1990 г. Института экономической политики в Академии народного хозяйства при Совете Министров СССР. Институт полтора года изучал опыт соцстран по переходу к рыночной экономике и исследовал пути перехода к рынку в наших конкретных условиях. Они имели достаточно четкую программу перехода к рынку, которую незамедлительно пытались осуществить. Это давалось с трудом, потому что председателем правительства был Б. Н. Ельцин, и он не давал несколько месяцев добро на либерализацию цен, первой и основополагающей реформы, с чего начинается переход к рынку. Е. Гайдару, который пришел в правительство осенью, удалось это осуществить только 2 января 1992 г. Тут же повысились цены на зерно, его сразу стали сдавать на элеваторы, большую часть зерна удалось сохранить. Скота порезали не так много, как могло быть. И корм ему был обеспечен с заводов по производству кормов при элеваторах. Все забыли про шахтеров, поскольку полки магазинов наполнялись товарами, деньги приобретали цену, и на них все можно было купить. Цены на уголь сильно поднялись, стало крайне выгодным его добывать, и шахтеры ударно трудились, чтобы возместить потерянные доходы, и сумели все-таки с колес обеспечить и котельные, и электростанции углем, и зима не была холодной.

К тому же после «парада суверенитетов» республик, который начался в 1990 г., отдельные автономные республики России тоже потребовали самостоятельности, выдвинув идею заключения договора между руководством республики и России. Они потребовали оставить им часть налогов, дать дополнительные права, разрешить в рамках посольств России иметь своих представителей за рубежом и многое другое. Но все это было в период, когда им центральная власть была не особенно нужна, поскольку деньги обесценились, и важно было иметь натуральный продукт, который можно было ме-

нять на другие продукты. А как только деньги вернули свою цену, автономным республикам и другим субъектам Федерации нужно было платить своим пенсионерам, оплачивать деньгами коммунальные услуги и т. д., они за деньгами пришли к центральному правительству и стали зависимы от него. Так что «спесь самостоятельности» с них довольно быстро сошла. А ведь уральские области хотели создать свою Уральскую республику, дальневосточные области и края – возратить бывшую в 1920-е гг. Дальневосточную республику. Все это было забыто. Либерализация цен укрепила слабую в то время государственную власть, которая была лишена возможности применить карательные меры к тем, кто не исполняет указания.

Но все это далось дорогой ценой, поскольку никто и никогда не осуществлял либерализацию цен в условиях всеобщего дефицита. Цены взлетели сначала в разы, а потом и на порядок, пока удалось сбалансировать спрос и предложение. При таком взлете цен обесценились все сбережения и граждан, и предприятий, и организаций, хранящиеся в банках в рублях. Правительство не стало индексировать эти сбережения. Е. Гайдар считал, что это трудно сделать, так как реальных средств в Сбербанке и в других банках, где население хранило деньги, не было. Они все были потрачены в предшествующий период. Но поскольку Россия – законный преемник РСФСР, индексацию, на мой взгляд, надо было осуществить, как это сделал другой реформатор, можно сказать, самый знаменитый и самый первый из реформаторов – Людвиг Эрхард, с именем которого связано возрождение Западной Германии после войны. Во время денежной реформы он провел такую индексацию, но не разрешил во избежание гиперинфляции сразу использовать эти счета. Вначале он дал возможность снимать, к примеру, 10-20%, если нужно, но не больше. И только через несколько лет, когда экономика поднялась, счета были разблокированы. Дело не столько в том, что лишить людей своих сбережений – колоссальная несправедливость. Из-за отсутствия сбережений вся последующая приватизация не могла быть удачно проведена.

Чтобы избежать экономической катастрофы, правительство жестко регулировало объем денежного обращения, и деньги стали дефицитными. Это позволило наполнить полки магазинов буквально за 3-4 месяца и резко снизить месячную инфляцию. Но для этого пришлось сдерживать рост зарплат, пенсий, строго следить за расходованием бюджета и т.п. Из-за дефицита денег возникли трудности с выплатой зарплаты на предприятиях. Обесцененных денег на счетах предприятий не хватало на оплату материалов, поставляемых узлов и деталей. И значительная часть предприятий просто остановилась, не имея денежных ресурсов. Стали бастовать учителя – не было денег, чтобы им выплатить средства за летний отпуск. Зарплаты врачей не хватало на жизнь. Все это потребовало существенного реформирования, которое в летние месяцы осуществило правительство Гайдара. Были зачтены и списаны взаимные долги предприятий, выданы минимальные денежные суммы, чтобы они начали работать, повышены зарплаты врачам, учителям, пенсионерам. И к осени реальные доходы, которые упали почти вдвое за первые полгода 1992 г., частично восстановились. Предприятия начали работать, а инфляция с каждым месяцем снижалась.

Е. Гайдар решил 1993 г. объявить безинфляционным годом, видя своей главной задачей – сдержать инфляцию. Так поступали соцстраны Европы, которые раньше России начали переходить к рыночной экономике. Им было намного легче, потому что многие из них, например, Польша или Венгрия, не имели системы материально-технического снабжения, которая стояла между производством и потребителем. У них цены частично были либерализованы, не было такого глубокого кризиса, всеобщего дефицита, как в России. Во многом сохранилась еще частная собственность в сфере услуг, в ряде случаев – в сельском хозяйстве. И, естественно, доля оборонной продукции в составе валового продукта у них была намного меньше, чем в России. Так что вслед за годом либерализации цен постсоциалистические страны и страны Прибалтики, к ним примкнувшие, начали сдерживать инфляцию, прикрепив национальные деньги к конвертируе-

мым валютам. Это был тяжелый, малоинфляционный год у всех стран с переходной экономикой. Увеличилась безработица, экономика, естественно, не выросла. Но она прекратила падать, как это было в первый год. И постепенно созрели предпосылки, чтобы с третьего или четвертого года реформ начать бы оживление и развитие. Так, Польша в 2,5 раза увеличила валовый внутренний продукт в сравнении с 1990 г., быстрее всех в Европе.

В России же все пошло вопреки планам Е. Гайдара. Его правительство просуществовало 11 месяцев, и было заменено правительством опытных хозяйственников во главе с В.С. Черномырдиным. В отличие от Е. Гайдара и его команды, которая изучала рынок, на практике научилась его регулировать, команда В. Черномырдина при всей их опытности, умении управлять и организовывать не знала условий функционирования рыночного хозяйства. В. Черномырдин с самого начала заявил, что правительство Гайдара – это «правительство завлабов», и оно на первый план выдвинуло монетаризм и занималось не производством, а регулированием финансовых потоков, дефицитом бюджета, сдерживанием зарплаты. Новое правительство провозгласило, что если наладить производство, то все остальное само придет в норму. Члены его правительства стали ездить по регионам и запускать заводы, выясняя, почему они стоят, что надо сделать, чтобы они работали, конкретно разбирались. И на каждый пуск предприятий требовались деньги. Они стали печататься. Месячная инфляция подскочила, и вместо 5%, как она была у Гайдара в последние месяцы, поднялась до 15%. Но предприятия заработали и неплохо провели весну и лето 1993 г. И вдруг к осени вся промышленность встала. Правительство в замешательстве. Они пришли к Б. Н. Ельцину – что делать? Ельцин ответил: «Звать Гайдара. Он понимает, а вы не понимаете». Гайдару дали пост первого заместителя председателя правительства, обязались не вмешиваться во все, что он делает. И он вместе с министром финансов, в прошлом сотрудником его института Б. Федоровым, довольно быстро запустил промышленность, проведя взаимозачет задолженности

и т.д. И многие руководители поняли, что с рынком надо считаться. Условия изменились и нельзя так управлять, как в советское время.

Еще одно ключевое дело начал Е. Гайдар – массовую приватизацию, которую возглавил его близкий соратник А. Чубайс. Приватизация – это главное средство против возможности возврата к старой советской системе, на которой в то время во многом настаивали коммунисты и поддерживающие их «левые» партии, мечтая о национализации, во всяком случае значительной части промышленности. Это окончательно привело бы нашу страну к катастрофе в условиях слабого государства.

По моему мнению, **Е. Гайдар допустил немало ошибок**, главную из которых я назвал. Можно было не доводить до развала промышленность перед летом 1992 г., обойтись при либерализации цен с их меньшим повышением. Ведь правительство тогда считало, что цены повысятся максимум в 5 раз, а на деле они увеличились в 26,1 раза. В бывших соц-странах Европы они выросли до 4 раз, а в отдельных странах, например, в Венгрии и Чехословакии – менее чем в 2 раза.

Но если **оценивать деятельность Е. Гайдара и его команды по «гамбургскому счету»**, то они предотвратили **грозящую нам экономическую катастрофу**, не поддающуюся регулированию гиперинфляцию, а главное – не допустили распада страны в связи с центробежными трендами.

Критикуя Гайдара, многие отмечают поспешность его действий, осуждают «шоковую терапию», на которой он настаивал. Думаю, что здесь критики неправы. Решать нужно было немедленно. Есть противоположный эксперимент – Украина, где не провели столь стремительные рыночные реформы. И вот результат – Украина намного отстала от России по экономике и социальному уровню, хотя в советское время ее опережала и имела благоприятные условия для осуществления реформ.

Е. Гайдар ответственен за первые 11 месяцев. К тому, что произошло в 1993-1998 гг. под руководством правительства В.С. Черномырдина, Гайдар отношения не имеет.

В самом трудном 1992 г. промышленность сократилась на 22%, а при новом правительстве за 1993-1994 гг. рухнула на 32%. При этом инфляция выросла в 9,4 раза в 1993 г. и еще в 3,2 раза в 1994 г. Трансформационный кризис продолжался после Е. Гайдара еще 7 лет.

Я уверен, что если бы во главе правительства оставался Е. Гайдар, экономический рост начался бы в 1994, максимум в 1995 г., как это было в Казахстане при Н. Назарбаеве, которого я знаю как хорошего экономиста. Гайдар, по моей оценке, был выдающимся экономистом и реформатором.

Постепенно В.С. Черномырдин понял необходимость поддерживать баланс в области рыночных отношений, стал привлекать экономистов в свою команду, и с 1995 г. кризис стал затухать. И, наверное, с 1996 г. можно было бы выйти на экономический рост. Но экономика, увы, как это было в СССР не раз и не два, повторяется и сейчас в России, и в этот раз была принесена в жертву политике.

Б. Ельцин растерял авторитет в ходе своего президентства, а коммунисты, которые остро его критиковали за все упущения, этот авторитет набирали. Была избрана Дума, где значительная часть депутатов не поддерживала ельцинскую политику и, скорее, симпатизировала коммунистам. Рейтинг Ельцина сильно упал, и без крупных денежных средств и энергичных действий он не смог бы избраться на следующий срок. Пришлось прибегнуть к ГКО (государственным краткосрочным облигациям), распространяемым Минфином. Они стали раскупаться банками и крупными организациями, которым предоставлялись определенные льготы. И эти средства, минуя бюджет, штаб Б. Ельцина использовал в своей избирательной кампании. К этому времени стали появляться большие банковско-экономические группы во главе с олигархами, близкими к власти. Они объединились вокруг Ельцина и его команды, поскольку не могли согласиться с национализацией, выдвигаемой коммунистами.

Б. Ельцин провел энергичную избирательную кампанию, раздавая направо и налево разные льготы и преференции крупным компаниям, в которых работали десятки и сот-

ни тысяч его будущих избирателей. На службу была поставлена пресса. Огромную роль сыграл А. Чубайс, который возглавил штаб его избирательной кампании. И в результате Б. Ельцину удалось получить больше голосов в первом туре. Но избранным с первого тура он не стал. На второй тур они вышли с Г. Зюгановым, третье место занимал генерал А. Лебедь, который свои голоса отдал Б. Ельцину, обратившись к своим избирателям. И Ельцин во втором туре превозмог Зюганова и вновь был избран президентом.

Будучи нездоровым, с пораженной сердечно-сосудистой системой в ходе напряженной избирательной кампании Ельцин серьезно заболел, и потребовалась срочная операция – шунтирование на открытом сердце. Такую операцию провели, и несколько часов вместо него руководителем страны был В.С. Черномырдин.

Очнувшись после операции, Ельцин «не узнал» страну: несколько месяцев не выплачивалась зарплата бюджетникам, до полугода отдельные регионы задерживали выплаты пенсий, недофинансировались социальные пособия, здравоохранение и образование. Причина – не выполняются доходы бюджета, поскольку во время избирательной кампании Б. Ельцин сокращал налоги одним компаниям, освобождал от пошлин по импорту другие, давал деньги третьим компаниям. И это подорвало государственные финансы.

После выздоровления Б. Ельцин в марте 1997 г. обратился с Посланием к Федеральному Собранию России **«Порядок во власти – порядок в стране»**. Это Послание подготовили А. Чубайс и Е. Гайдар. Б. Ельцин призвал предприятия и организации, которые не полностью заплатили налоги или таможенные пошлины, вернуть средства в бюджет. Он также объявил о реорганизации правительства и назначении двух первых заместителей председателя правительства – «молодых реформаторов», как их называли тогда: А. Чубайс назначен одновременно министром финансов, Б. Немцов – министром топлива и энергетики. А. Чубайс возглавил комиссию по возвращению долгов, и, жестко действуя при поддержке президента, в короткий срок заставил Газпром, круп-

ные олигархические структуры, другие компании вернуть долги государству даже путем заимствования этих средств в кредит у иностранных инвесторов. В результате бюджет пополнился, были выплачены все задолженности и по зарплатам, и по пенсиям.

В итоге 1997 г. – был самым первым успешным годом новой России. Увеличились валовый внутренний продукт и **объем промышленности**, значительно поднялись и реальные доходы населения. Фактически это был первый год стагнации после кризисных годов с падением основных социально-экономических показателей. Была достигнута минимальная инфляция в размере 11% в год. Столь благоприятные условия позволили разработать бюджет подъема экономики и социальной сферы на 1998 г.

Однако Государственная Дума по инициативе коммунистов заблокировала принятие этого бюджета и потребовала от Б. Ельцина освобождения от должностей реформаторов, обвинив их в ошибочной приватизации и самообогащении за счет получения гонорара от изданной ими книги с положительной оценкой переходного периода, в том числе приватизации. Их протесты были поддержаны значительной частью прессы, во многом оплачены государственными и олигархическими структурами, недовольными изъятием у них средств для «затыкания дыр» в бюджете.

Страна вступила в 1998 г. впервые без утвержденного бюджета и должна была ограничиться в государственных затратах низкими показателями бюджета первого квартала 1997 г. Это опять привело к недофинансированию бюджетников и пенсионеров, в котором депутаты обвинили не себя за непринятие нового бюджета, а «молодых реформаторов». В качестве протеста против действий президента, который их поддерживал, Дума начала процедуру его импичмента, обвиняя в развале экономики, Вооруженных Сил и многом другом. Б. Ельцин был вынужден освободить А. Чубайса от обязанностей министра финансов, а Б. Немцова – от обязанностей министра по топливу и энергетике. Через некоторое

время президент назначил новое правительство во главе с С. Кириенко.

Между тем, социально-экономическое положение страны с каждым месяцем ухудшалось, так как к трудностям бюджетирования прибавилась массовая продажа ГКО со стороны иностранных инвесторов. Им было разрешено купить 29% от общего объема ГКО, но реально они скупили, по видимому, более 40%, используя предоставление кредита российским банкам. Причина массовой продажи ГКО – потери 5 трлн долларов крупнейшими банковскими и инвестиционными компаниями США, Великобритании, Германии и ряда других стран в связи с обвалом бирж Японии, Южной Кореи, Индонезии и других юго-восточных стран, где разразился глубокий финансовый кризис. ГКО, как внутренняя российская ценная бумага, котировалась в рублях и, получив от их продажи миллиарды рублей, иностранные компании на валютном рынке России обменивали эти рубли на доллары, поскольку должны были переводить деньги в свои центральные офисы для возмещения потерь. В то время размер золотовалютных резервов России был равен 17 млрд долларов, а цены на главный наш экспортный товар – нефть были на низком уровне (12 долларов за баррель). На валютный рынок были направлены и валютные ресурсы с бюджетных статей, но этого оказалось недостаточно, ведь курс рубля был заниженным (6 руб. 20 коп. за один доллар). Он жестко поддерживался правительством и Центральным банком, которые считали эту поддержку залогом устойчивого социально-экономического развития и не допускали даже мысли о девальвации рубля. Это было трагической, на мой взгляд, ошибкой. А. Чубайс был послан в Международный валютный фонд, где он занял крупную сумму, но она тоже была растратчена. **В результате государство потеряло способность оплачивать ГКО и поддерживать валютный курс рубля, и 19 августа объявило дефолт.**

Это уникальный случай в мировой финансовой практике, чтобы из-за внутренних государственных облигаций, номинированных в национальной валюте, объявлялся государ-

ственный дефолт. Ведь этого дефолта легко избежать – нужно девальвировать курс. Если бы в первой половине 1998 г., когда стали катастрофически нарастать суммы предъявляемых к оплате ГКО, курс был бы девальвирован даже до 10 руб., золотовалютных резервов в стране хватило бы на оплату этих ГКО, продаваемых иностранными фирмами. И можно было обойтись без дефолта. Последствия девальвации, естественно, привели бы к соответствующему повышению импортных цен и увеличению общей инфляции, но это было бы намного меньше, чем после объявления дефолта в условиях острой нехватки валюты и перехода к свободно плавающему валютному курсу рубля. Этот курс к концу 1998 г. увеличился в 4 раза – до 25 руб. за доллар. Соответственно, цены на импортные товары тоже повысились примерно в 4 раза, а за ними устремились и цены на наши товары, и инфляция (потребительские цены) увеличилась на 84% в 1998 г., еще на 37% в 1999 г. и 20% в 2000 г. Вдвое в 1998-1999 гг. повысились производственные цены промышленности.

Как и в 1992 г., опять была допущена крупнейшая ошибка – не были индексированы банковские вклады населения и предприятий, не говоря уже о зарплате и доходах граждан. Поэтому реальные располагаемые доходы населения сократились в 1998 г. на 16% и в 1999 г. – еще на 12%, достигнув дна за 10-летний период новой России. А в целом за 1998-2001 гг. розничные цены увеличились в 3,6 раза и более чем втрое обесценились все сбережения россиян, а также суммы финансовых средств на банковских счетах предприятий и организаций страны в рублевом выражении.

Государственный дефолт, естественно, распространился и на российские банки, которые поощрялись до этого в приобретении ГКО и скупили их на миллиарды рублей. К тому же, пытаясь дополнительно заработать, ведущие банки застраховали ГКО многих зарубежных фирм, будучи уверенными, что государство выполнит свои финансовые обязательства. Все крупнейшие банки, кроме Альфа-Банка, в результате обанкротились. Кто теперь помнит Инкомбанк,

Банк Менатеп, Онэксим-Банк, Банк Империял, Столичный банк сбережений, Мост-Банк, Мосбизнесбанк, Автобанк? Все эти банки имели активы от миллиарда долларов и выше. На их счетах сберегались средства миллионов человек и десятков тысяч предприятий и организаций, которым они не могли их возвратить. В подавляющем большинстве случаев никакой компенсации от потерянных средств не было, поскольку вклады не были застрахованы. Начался финансово-экономический и социальный кризис. Самым глубоким был кризис по доходам населения.

Нижняя точка трансформационного кризиса по экономике пройдена в 1998 г. **С 1999 г. в связи с импортозамещением начался экономический подъем.** При этом социальные показатели сильно ухудшились, и в 1999 г. до рекордного уровня поднялась безработица в истории новой России – до 13% (9,1 млн человек безработных).

Также максимальных значений достигла депопуляция населения, превышение смертности над рождаемостью в 1999 г. возросло до 930 тыс. человек в год. В целом в трансформационный кризис в связи с депопуляцией население сократилось со 148,2 млн человек в 1990 г. до 145,6 млн человек в 1999 г. Суммарная депопуляция за 1993-1999 гг. была выше, но она частично была компенсирована притоком миграции из бывших союзных республик – ныне самостоятельных государств.

Так безрадостно завершился длительный трансформационный кризис. Вероятно, **это самый глубокий и продолжительный кризис среди крупных мировых держав за всю историю в мирное время.** Ведь объем валового продукта за кризисное десятилетие сократился в 1,8 раза, промышленности – в 2,2 раза, сельского хозяйства – в 1,9 раза, инвестиций в основной капитал – в 4,8 раза, втрое сократилось финансирование науки, образования, здравоохранения, развалилась военная мощь страны, и огромный потенциал – самые квалифицированные кадры во многом были растрочены.

Реальные располагаемые доходы населения снизились в 1,9 раза, возникло вопиющее социальное неравенство.

10% богатых имели средний душевой доход в 13-15 раз выше, чем 10% бедного населения, в то время как в 1980-е гг. этот разрыв был равен 3, а к 1990 г. он увеличился до 4 раз. Около 45 млн человек населения (30%) пребывали в абсолютной бедности, имея доходы ниже прожиточного минимума. Богатая страна стала страной с преимущественно бедным населением.

Больше половины высокотехнологичных предприятий страны по тем или иным причинам были закрыты или куплены иностранными компаниями, прежде всего в машиностроении и особенно в приборостроении, фармацевтике, авиационной промышленности, кораблестроении, подорвано машиностроение. Страна перешла на преимущественный импорт зарубежной техники. Значительная часть интеллектуальной элиты страны уехала за рубеж. Особенно это коснулось высококвалифицированных специалистов по естественным наукам и технологиям. И уехали не столько потому, что вдвое упал уровень жизни, а прежде всего из-за отсутствия условий для эффективной работы. Подавляющая часть отраслевых институтов и крупных конструкторских бюро были закрыты или резко сокращены. Не обновлялось оборудование, не приобретались современные материалы для опытных работ. А главное – не было востребованности в таких специалистах. Поэтому мы сильно отстали даже в самых наших передовых отраслях, в частности, космической сфере. Фактически на нет была сведена полупроводниковая промышленность и производство компьютерной техники – все стало завозиться из-за рубежа. Практически прекращено было производство собственных гражданских самолетов, современных кораблей и многого другого.

В то же время возник слой сверхбогатых людей, в основном близких к власти, которым власть передала общенародные недра и природные богатства – землю, лесные угодья, наиболее крупные предприятия. И все за бесценок.

Хуже всего, что в первом десятилетии усилия больше направлялись на разрушение созданного в годы советской власти, а не на преобразование экономики в направлении

инновационного развития, эффективности, социальной направленности. Эти прогрессивные тренды были заторможены.

Переход к рынку в первое десятилетие не был полным и цивилизованным, а, напротив, заложил основы его некомплектности, незавершенности, неэффективности. В результате приватизации не был обеспечен обещанный взлет страны. Возникли вертикально интегрированные монополистические компании олигархического типа, подавляющие конкуренцию. Не было сколь-нибудь заметного развития малого и среднего бизнеса. Им было занято не 50-60% работающих, как в развитых странах, а 10-15% – преимущественно в торговле, а не в реальном секторе.

Главное – не был создан рыночный механизм, нацеленный на социально-экономический рост. **За 10 лет не был сформирован рынок капитала, нормальный фондовый рынок, не создана система воспроизводства «длинных» денег, не сформирована конкурентная среда.** Даже в банковской сфере подавляющую часть заняло краткосрочное кредитование, и совершенно не была развита система инвестиционного кредитования в основной капитал. Кредитование человеческого капитала попросту отсутствовало, даже для профобразования граждан.

Тем не менее сохранилась страна с большой территорией, самыми крупными природными богатствами среди других стран, со значительным населением, причем весьма образованным и квалифицированным.

2. Восстановительный подъем экономики и социальной сферы (1999-2008 гг.)

Кризис 1998-1999 гг. был структурный и по происхождению финансовый, связанный с крупной девальвацией национальной валюты – рубля. Благодаря этому были созданы условия и сильные стимулы для восстановления и развития экономики. Увеличение вчетверо импортных цен в связи с девальвацией валютного курса рубля привело к значительному сокращению импорта. С 72 млрд долларов в 1997 г. он

упал до 58 млрд долларов в 1998 г. и 40 млрд в 1999 г. Потом немного вырос в 2000 г. (до 45 млрд) и только после этого стал более быстро восстанавливаться. С 2003 г. он достиг и превысил уровень 1997 г.

Сокращение импорта в 1,8 раза освободило ниши в ряде ключевых отраслей промышленности, где импорт доминировал. Эти ниши заняли российские предприятия с неиспользованными мощностями. В кризис наши предприятия обнищали, и у них не было средств приобретать импортную продукцию по сверхвысоким ценам. Они были вынуждены покупать отечественную продукцию по вдвое более дешевым (в среднем) ценам, правда, менее качественную. Ведь внутренние цены в годы кризиса поднялись не в 4 раза, как на импортные товары, а примерно в 2,5 раза по потребительским ценам за 1998-1999 гг. и почти вдвое по производственно-промышленным ценам. И эта **разница в импортных и внутренних ценах сильно стимулировала импортозамещающую деятельность** наших предприятий.

Промышленность после падения в кризис на 5,2%, в 1999 г. резко увеличилась на целых 11%. А в 2000 г. она поднялась даже на 11,9% до рекордного показателя за все 30 лет новой России. Вряд ли когда-нибудь снова подобное произойдет. Прирост импортозамещения в 2000 г. в среднем по объемам был примерно таким же, как и в 1999 г. Промышленность в 2000 г. выросла главным образом из-за повышения цен на нефть и нефтепродукты примерно вдвое, что вызвало значительное увеличение объемов нефтедобычи и нефтепереработки. С минус 1% в 1998 г. нефтедобыча немного возросла на 0,4% в 1999 г. и 5,9% в 2000 г.

Валовый внутренний продукт, который сократился на 5% в 1998 г., сразу восстановился в 1999 г., а в 2000 г. достиг рекордных плюс 10%. Никогда ни до, ни после 2000 г. прирост валового внутреннего продукта не приближался к столь высокой цифре. Значительно стали увеличиваться и инвестиции в основной капитал.

Такое увеличение доходов позволило предприятиям и организациям значительно поднять заработную плату, в то

время как индекс потребительских цен (инфляция) с 37% в 1999 г. стал расти намного меньше: 20% – в 2000 г., 18,6% – в 2001 г., 15% – в 2002 г. и 12% – в 2003 г. В результате реальные доходы с 2000 г. стали быстро увеличиваться: 12% – в 2000 г., 9% – в 2001 г. и в 2002 г. – на 11%, компенсировав падение на 27% за 1998-1999 г. и существенно превысив максимальный их уровень, достигнутый в 1997 г. Развитие промышленности и всего народного хозяйства позволили уже к 2001 г. значительно сократить безработицу. С 2000 г. стал прирастать и ввод жилья в эксплуатацию, что позволило наращивать продажу жилья населению.

Заоблачный курс доллара в рублях – 25 руб. за доллар, до которого он взлетел в 1998-1999 гг., был чрезмерным и в дальнейшем постепенно немного снижался до 2008 г. А внутренние потребительские и промышленные цены ежегодно увеличивались. И в 2002 г. они достигли импортных цен, увеличившись в сравнении с 1997 г. тоже в 4 раза. Поэтому импорт с 2001 г. стал возвращаться к докризисному уровню с 40-45 млрд долларов в 1999-2000 гг. до 61 млрд в 2002 г. и 76 млрд – в 2003 г. Рост импорта стал вытеснять российские менее качественные товары с рынка, особенно интенсивно с 2001 г.

Возрастающий импорт замедлил в 2-3 раза темпы роста нашей промышленности и ее отраслей, которые сыграли столь важную импортозамещающую роль для подъема экономики в 1999-2000 гг. Их средние темпы после 2000 г. были относительно невелики.

Объем валового внутреннего продукта увеличивался в 2001-2002 гг. примерно по 5%, поскольку в эти годы сократилось импортозамещение, и немного снизились цены на нефть после их удвоения в 2000 г. И поэтому объем экспорта в эти годы практически не увеличился. С 2003 г. экспортные цены на нефть ежегодно стали увеличиваться на 20% и более, поэтому объемы экспорта стали расти по экспоненте. В 2008 г. цена на нефть взлетела выше 40%, и объем экспорта достиг 472 млрд долларов. С 1998 до 2008 г. цены на нефть выросли примерно в 8 раз. В результате положитель-

ное сальдо внешней торговли с 17 млрд в 1998 г. увеличилось до 180 млрд долларов – в 10,5 раз.

Увеличение объемов экспорта за годы подъема более чем в 6 раз принесло стране огромную суммарную выручку – более 2 трлн долларов. Из них **около 1,5 трлн долларов были «даровыми»**, связанными не с увеличением физического объема экспорта, а с повышением цен в основном на нефть, газ и другие виды сырья и материалов. Около 1,1 трлн долларов из этой «даровой» суммы поступило на счета государства в виде налогов и сборов. 180 млрд пошло на обслуживание огромного внешнего долга России, который нам оставил бывший президент Б. Ельцин (158 млрд долларов, который превышал объем ВВП того времени). Выплата процентов и «тела» долга сократила его до 38 млрд долларов. Золотовалютные резервы в кризисные годы достигли минимума в 10 млрд долларов и ежегодно пополнялись, достигнув максимума в 597 млрд долларов в августе 2008 г.

Оставшиеся средства от экспортной выручки, доставшиеся государству, пополнили в основном доходы расширенного консолидированного бюджета, включающего внебюджетные государственные фонды – пенсионный, страхование, здравоохранения и социальный. В связи с этим бюджет рос в среднем по 11% в год. Его доля в валовом внутреннем продукте повысилась с 25% в кризисные годы до 40% к концу восстановительного периода. При этом в период подъема бюджет был все время профицитным, опять-таки за счет валютных поступлений. В 2008 г. этот профицит составил 60 млрд долларов (более 1,4 трлн руб.).

Другим главным драйвером социально-экономического роста в это время был прирост торговли – розничной, оптовой и внешней, а также продажи платных услуг и жилья населению. Ведь значительная часть экспортной выручки в конечном счете и по линии государства, и по линии экспортных компаний пошла на зарплату, пенсии, пособия и другие выплаты населению. Те 900 млрд долларов, которые получили в годы подъема экспортные компании, пошли на зарплату собственным работникам, а также на оплату услуг транс-

портникам, строителям, поставщикам оборудования, труб и материалов, сервисным компаниям, которые в свою очередь из этих средств повышали доходы своим работникам и акционерам. Нефтедолларами, которые поступили в бюджет, правительство рассчитывалось с учителями, врачами, госслужащими, военными. И все эти деньги тратились для покупок в сферах розничной торговли, платных услуг и для покупки жилья. При этом доля торговли, платных услуг и покупки жилья в валовом продукте составляла около 30%. И ее такой стремительный рост тянул за собой ВВП, который за эти годы увеличился на 90%.

Нужно также учесть, что большие валютные поступления, по крайней мере наполовину, а, скорее всего, на 2/3 были источником инвестиций. Инвестиции в период восстановительного подъема, как известно, увеличились в 2,8 раза и тоже явились важным драйвером социально-экономического развития.

С учетом всего этого Всемирный банк рассчитал, что **наполовину общеэкономический рост страны в 1999-2008 гг. (рост ВВП) был обеспечен за счет восьмикратного повышения цен на нефть** и увеличения цен на другие виды сырья и материалов в рассматриваемом периоде. В целом за 10 восстановительных лет среднегодовой темп ВВП составил 6,6%.

В наибольшей мере в составе валового внутреннего продукта увеличилась сфера услуг, прежде всего бюджетных (до 40%) в составе ВВП, затем торговых (до 20%) в ВВП, и в третью очередь операций с недвижимостью (11%). Повысился удельный вес здравоохранения и образования, которые суммарно поднялись с 5 до 6% ВВП.

Социально-экономический потенциал страны за 10-летие восстановительного роста увеличился вдвое. Устойчивость этого роста многократно возросла в связи с накоплением огромных резервов, по объему которых мы опередили США и крупные европейские страны, а уступали только Китаю и Японии. Эта увеличенная мощь страны позволила нам

относительно безболезненно преодолеть глубокий циклический кризис 2008-2009 гг.

Особенность восстановительного подъема экономики состоит, во-первых, в его **социальной направленности**. Реальные располагаемые доходы населения за 9 лет выросли в 2,3 раза, т. е. больше, чем валовый внутренний продукт. Кардинально сокращена численность бедных. Абсолютная бедность, когда доходы ниже прожиточного минимума, сократилась с 44 до 15 млн человек (в процентах ко всему населению с 30 до примерно 10). Но социальное неравенство практически при этом не сократилось. Коэффициент фондов в 2008 г. составил около 15 раз. Это в 1,5 раза выше социального неравенства в Европейском союзе и в 2-3 раза выше, чем в странах социал-демократической направленности и в Японии. При наличии столь избыточного финансирования можно было бы существенно сократить социальное неравенство хотя бы до уровня Западной Европы, а еще лучше – до уровня Германии, где коэффициент фондов – около 8. Уровень Японии – 4,6 – для нас он пока недостижим.

Улучшились результаты демографии и здравоохранения, но отставание было столь катастрофическим, что, несмотря на успех, Россия по-прежнему намного отстает по показателям здоровья и ожидаемой продолжительности жизни не только от развитых стран, но и от постсоциалистических стран Европы и продвинутых развивающихся стран. К сожалению, при этом общее недофинансирование здравоохранения в сравнении с другими странами не было преодолено. Оно было несколько смягчено, но все же оставалось еще очень большим. И нужна одна, а, может быть, две подобные программы в предстоящем будущем, чтобы поднять наши показатели жизни сначала до уровня новых членов европейского сообщества – постсоциалистических стран, которые достигли средней продолжительности жизни 77 лет (а не 73,6, как в России в 2019 г.) лет, а затем до уровня развитых стран мира, где средняя ожидаемая продолжительность жизни превысила 80 лет. Пока же по ожидаемой продолжитель-

ности жизни мы поднялись в международном рейтинге стран мира до 90-100-го места.

Меньше, чем в здравоохранении, было сделано в образовании. Здесь не было существенных программ и мало что восстановилось. В значительной мере образование в этот период переходило на платную основу. Без радикального улучшения качества прирастали количественные показатели – численность населения, получающего высшее и среднее профессиональное образование. Планы подъема НИОКР и удвоения его финансирования с повышением доли в ВВП в этот период не были выполнены. Финансирование составило около 1% ВВП, вдвое ниже, чем в Китае, и втрое ниже, чем в США и других развитых странах. В советское время наука развивалась приоритетно, и ее доля в национальном доходе достигала 3%, правда, в значительной мере за счет затрат на оборону. Не были восстановлены отраслевые прикладные институты, опытные производства, конструкторские и проектные организации, которые были упразднены в тяжелые 1990-е годы. Фундаментальная наука, финансирование которой сократилось в 3-5 раз, не может из-за этого успешно продвигать полученные инновационные результаты в хозяйственную практику.

Другая позитивная особенность восстановительного подъема – отмеченный выше **приоритетный рост инвестиций в основной капитал** – рост 2,8 раза. Это увеличение инвестиций больше всего было направлено на расширение добычи нефти и газа – 13% от общего объема всех инвестиций в народное хозяйство, что почти равно инвестициям во все отрасли обрабатывающей промышленности. Было построено несколько крупных заводов обрабатывающей промышленности и инфраструктурных объектов, прежде всего трубопроводный и другие виды транспорта.

К сожалению, имея огромные финансовые средства, **мы не приступили к массовому технологическому перевооружению** устаревших и отставших действующих производств прежде всего по базовым отраслям. Не возродили потерянную авиапромышленность гражданского назначения,

полупроводниковую промышленность, поздно и неэффективно занялись фармацевтикой, еще меньше биотехнологией, не восстановили потерянные отрасли машиностроения. Наши инвестиции базировались в значительной мере на импортном оборудовании, доля которого в импорте выросла до половины при огромном увеличении общего размера импорта. Так что производственные фонды, к сожалению, существенно не обновились, коэффициенты выбытия и обновления этих фондов, в том числе машин и оборудования, остаются крайне низкими.

За счет притока валютных средств нам удалось к середине восстановительного периода преодолеть банковский кризис 1998-1999 гг. Но во многом это было сделано за счет постепенного огосударствления банковской системы, которая целиком себя посвятила не задачам социально-экономического развития страны, а самообогащению за счет высокопроцентных коротких кредитов и широкого кредитования населения и малого бизнеса фактически под ростовщически высокие проценты. Особенно это касается быстро развивающихся микрофинансовых организаций. Доля инвестиционных кредитов в основной капитал в России осталась самой низкой в мире – со стороны отечественных банков 1-1,5% от банковских активов и до 5% от общей суммы инвестиций. Мы не смогли благодаря притоку огромных средств реформировать нашу финансовую систему, создав в ней фонды «длинных денег», рынок капитала, нормальную фондовую биржу за счет долговременных взносов приобретения акций. Наша биржа осталась спекулятивной, мало влияющей на социально-экономическое развитие. Прямо говоря, мы так и **не создали механизм экономического роста на рыночной основе** – не создали рынок капитала и не преодолели монополизацию многих сфер деятельности, не воссоздали конкурентную цивилизованную среду.

Олигархический капитал намного вырос и окреп на фоне огосударствления экономики в этот период, приобретая за выгодные кредиты, которые предоставляют олигархам прежде всего государственные банки, все новые и новые

объекты. Огосударствление началось со значительного увеличения доли госбюджета, затем стали создаваться корпорации под госконтролем. В итоге предприятия и организации, подчиненные государству или им контролируемые, стали производить не 35% ВВП, как в 2003 г., а до 70% (по оценке Всемирного банка). При этом большая часть государственных предприятий и организаций не выполняют никаких государственных функций (оборонных, инфраструктурных, социальных, функций по безопасности и других), а занимаются самообогащением на базе обычной коммерческой деятельности во многом благодаря своему монопольному государственному или полугосударственному статусу, зачастую получая к тому же помощь из бюджета.

Главный недостаток восстановительного подъема – **отсутствие структурных реформ**. В деятельности Министерства финансов, которое подмяло под себя правительство, **восторжествовал фискальный подход**, была потеряна стимулирующая и распределительная функция налогов. Постепенно **развилось накопительство**. Увеличивающиеся резервы не использовались даже на возвратных условиях на внутреннем рынке, а вкладывались в надежные зарубежные ценные бумаги, прежде всего США. Но вкладывались частично, а частично обесценивались – до 20 млрд долларов в год, поскольку лежали втуне. В стране **возобладало авторитарное управление**, которое на первых порах после полуразвала страны в трансформационный кризис было, по нашему мнению, необходимо. Но необходимо для того, чтобы более тщательно подготовить структурные реформы по развитию, движению страны к цивилизованному рынку и социальному государству с сильной демократической властью. Этого не произошло. Мы **не завершили рыночных реформ**, поскольку ограничились частичной либерализацией цен (далеко не полной) и приватизацией, неудачно проведенной и породившей слой сверхбогатых собственников и возрастающее социальное неравенство.

В итоге при удвоенной мощи экономики, накопленных золотовалютных резервах, значительном повышении уровня

жизни, радикальном сокращении безработицы и преодолении депопуляции **возможности подъема во многом не были использованы** – сохранилось чрезмерное социальное неравенство, усилилась монополизация, произошло крупное огосударствление. Не удалось преодолеть сильное отставание всей сферы «экономики знаний» – НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение. Сохранилась отсталая, по международным меркам, финансовая система, не воспроизводящая «длинные» деньги. Центральный банк вместе со всей банковской системой отвернулись от задач социально-экономического развития и тоже занялись самообогащением, как и значительная часть коммерческих структур, подконтрольных государству. У страны появились многие «черные дыры», которые ярко выявились в наступившем глобальном циклическом кризисе, обрушившемся на Россию в 2008-2009 гг., который стал самым глубоким среди держав мира, представленных на мировом саммите.

3. Период кризисов и стагнации (2009-2021 гг.)

Восстановительный подъем завершился в третьем квартале 2008 г. Четвертый квартал 2008 г. и 2009 г. были временем глубокого финансово-экономического и социального кризиса.

Наш кризис стал частью циклического общемирового кризиса. Подобный предшествующий кризис общемирового значения был в 1970 г., но менее глубоким, затронул меньшее число стран и не привел к падению общемирового ВВП. Так что кризис 2007-2009 гг. является вторым по глубине и обширности после самого глубокого в истории кризиса 1929-1933 гг., начавшегося с «великой депрессии» в США.

При доле России в мировом ВВП более 3% доля ее внешнеэкономического оборота в мире составляла около 2%. Активы западных банков в составе банковской системы России были относительно невелики, впрочем, как и доля западных производителей. Поэтому кризис в Россию пришел позже. Он начался с обвала российского фондового рынка, зна-

чительную часть акций которого приобретали западные инвесторы, наживаясь на растущих акциях этого рынка. В условиях кризиса они стали в массовом масштабе продавать эти акции. Рынок стал падать, особенно после того, как и российские участники этого рынка, вложившие, как правило, «короткие» спекулятивные деньги в фондовый рынок, тоже стали реализовывать свои акции. В результате с 1,5 трлн долларов этот рынок обвалился примерно в 4 раза. Последовало уменьшение валового внутреннего продукта.

Из 20 крупнейших стран мира кризис в России стал самым глубоким. Больше, чем в других странах, сократился ВВП – на 7,8%, внешнеэкономический оборот упал на 40% во многом из-за снижения экспортной цены на нефть – с 95 до 65 долларов за баррель. А мировая внешнеэкономическая торговля упала только на 20%, вдвое меньше.

Мировой валовой продукт сократился на десятки доли процента, в том числе в развитых странах на 3%, в Японии – на 6 (прежде всего из-за цунами и катастрофы АЭС), в Великобритании – на 5, в ЕС – на 4, в США – на 3%. В развивающихся странах сокращения валового продукта не было, но темпы его ежегодного роста упали с 6 до 2%. Бразилия прошла кризис на нулевой отметке. Меньше всего из крупных стран в кризис снизились темпы в Китае и Индии, оставаясь довольно высокими (6-8%) в самом кризисном 2009 г.

Сильнее всего **на первом этапе кризиса пострадала банковская система.** Довольно высокий курс рубля, который почти не менялся с 2000 г., несмотря на высокую двузначную инфляцию в России, достигнув 24 руб. за доллар в 2008 г., вначале снизился до 36 руб. Это вызвало панику среди населения в октябре 2008 г.

В кризис банки понесли большие убытки из-за падения акций, невозврата кредитов, сокращения операционной деятельности. Государство пришло на помощь. Оно дало льготный кредит под 8% годовых Сбербанку, ВТБ и другим госбанкам. На короткий срок был введен беззалоговый кредит банкам со стороны Центрального банка. И в отличие от 1998 г., когда крупнейшие российские банки обанкротились,

на этот раз банковская система уцелела. Из золотовалютных резервов было потрачено 211 млрд долларов. А всего в банковскую сферу было вложено до 5 трлн рублей.

Во главе правительства в это время находился В.В. Путин, и **в целом правительство действовало умело в отличие от действий в кризис 1998-1999 гг.**, когда не была разработана даже антикризисная программа. В этот кризис такая программа была разработана и утверждена Государственной Думой. При этом правительство в 2008 г. наметило серьезные меры по увеличению доходов населения, обещая повысить пенсии, индексировать заработную плату госслужащим, ввести ряд пособий. Свои обязательства правительство выполнило в кризисном 2009 г. Ни в России, ни в других странах, ни до, ни после такого не наблюдалось. Реальные доходы населения в этот кризис не снизились, а даже возросли на 2%, что также было необычным делом. Но население в кризисный период сократило объем покупок и увеличило сбережения.

Специальные меры правительство приняло, чтобы не допустить крупной безработицы, поразившей все развитые страны. Чтобы строители не увольнялись, правительство профинансировало значительное увеличение капитального ремонта жилья. Поэтому удалось ограничить прирост безработных в размере 1,9 млн человек, доведя уровень до 8,2% в сравнении с 5,7% в 2007 г. Уровень безработицы при этом был ниже, чем в США и Европейском союзе. Он во многом сдерживался административным путем. Если безработицу в России считать с учетом частичной безработицы, то она, вероятно, превысит 10-процентный уровень, как во многих развитых странах. Была оказана помощь крупным промышленным предприятиям, а также тем, кто имел большой внешнеэкономический долг.

При высокой позитивной оценке действий правительства нельзя пройти мимо часто необоснованно преувеличенного финансирования близких правительству олигархических структур. Наше правительство выдавало средства без каких-то жестких обязательств для их получателей.

Суммарно российское правительство затратило на антикризисную программу 10,9% валового внутреннего продукта 2009 г. В целом уровень 2008 г. по основным социально-экономическим показателям был достигнут за 1,5-2 года – в 2010-2011 гг. Третий год потребовался только для восстановления сократившихся на 16% инвестиций в основной капитал, объема строительно-монтажных работ, а также для полного восстановления занятости.

Что касается реальных доходов населения, за 3 года подъема они повысились более чем на 10%. Правительство, судя по всему, крайне внимательно отслеживало этот показатель и принимало меры, чтобы обеспечить столь значимый рост. Это было непросто, поскольку среднегодовой рост потребительских цен в 2008 г. составил 13,3%, а в 2009 г. – 11,7%. И нужно было обеспечить двузначный рост зарплаты и денежных доходов, чтобы увеличивать их реальные размеры. Я специально подчеркиваю этот факт, поскольку в последующие годы закономерное внимание к динамике реальных доходов населения было утрачено. Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума, составившая в 2009 г. 18,5 млн человек, сократилась к 2011 г. до минимума – 15,6 млн человек (с 13,2 до 10,9% по отношению к населению). К сожалению, это не сопровождалось снижением социального неравенства. Доходы богатых возросли, и коэффициент фондов в эти годы не снизился, составив 16,4 раза в 2012 г.

В среднем в год валовый внутренний продукт России возрастал по 4%. И если в 2010 г. он не достиг мирового показателя 5,4%, то в следующие два года Россия увеличивала ВВП немного больше, чем мир в целом. Среднегодовые темпы в это трехлетие составили около 4%, а в развитых странах – 2%. Развивающиеся страны тоже сократили темп социально-экономического роста, но при весьма высоком исходном уровне – 7,5% в 2012 г., а затем – 6,2 и 5,1%. Китай с 10,4% к концу трехлетнего периода снизил темпы до 7,7%, Индия – с 10,3 до 4,7%, Бразилия – с 7,5 до 1,0%.

В России трехлетний **восстановительный подъем превзошел докризисный уровень, что создало благоприятные условия для развития.** В конце срока своего премьерства В. В. Путин поручил Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и Высшей школе экономики совместно с министерствами и ведомствами разработать стратегию социально-экономического развития страны до 2020 г. Было выделено 23 основных направления и по каждому из них созданы рабочие группы, которые подготовили серьезные, обоснованные доклады объемом около 300 страниц. Темы докладов – по топливно-энергетическому комплексу, по здравоохранению, образованию, инвестициям, бюджету, разным аспектам повышения уровня жизни, жилищному строительству и другим вопросам. На этой основе был подготовлен обобщающий развернутый прогноз с предложениями и рекомендациями, исходя из которого готовились доклады и записки для Президента, Правительства, Минэкономразвития, Министерства финансов. Эти материалы использовались при подготовке целой серии указов вновь избранного Президента РФ В. В. Путина, которые он подписал 7 мая 2012 г. Они были нацелены на достижение 5-процентного социально-экономического ежегодного роста при форсированном увеличении инвестиций в основной капитал. Норму этих инвестиций в ВВП, составляющую 21% в 2012 г., по Указу Президента РФ «О долгосрочной государственной экономической политике» намечено было поднять до 25% к 2015 г. и 27% к 2018 г. Увеличение удельного веса инвестиций до предусмотренных размеров могло быть достигнуто при их среднегодовом росте по 12,5%.

Высокие показатели развития были предусмотрены по здравоохранению, образованию, жилищному строительству, уровню жизни, развитию международных связей.

На наш взгляд, это были обоснованные и реальные показатели. Ведь мы разогнали в предшествующие годы главный драйвер нашего развития – инвестиции в основной капитал. Его среднегодовой темп в 2010-2012 гг. превысил 8%,

а в 2011 г. инвестиции увеличились на 10,8%. В эти годы страна нарастила золотовалютные резервы с 383 млрд долларов их минимального размера в мае 2009 г. после крупных затрат в кризисный период до 529 млрд долларов на 1 января 2013 г.

Это был период, когда наша страна активно использовала мировой финансовый рынок для привлечения иностранных вложений по дешевым процентным ставкам. Всего за эти годы было привлечено 262 млрд долларов. С 1 января 2010 г. по 1 января 2014 г. наш долг увеличился с 467 до 729 млрд долларов. При этом в связи с заметным повышением цен на нефть, газ и другие виды сырья на 57 млрд долларов увеличился экспорт страны, достигнув в 2012 г. объема в 529 млрд в сравнении с 472 млрд в 2008 г. При столь значительном приросте валютных ресурсов в дополнение к возросшим золотовалютным резервам это давало возможность вкладывать необходимые средства в инвестиции в основной капитал, в человеческий капитал (в сферу «экономика знаний»), в жилищное строительство и в развитие экспортных производств — главные источники социально-экономического роста.

Подъему экономики способствовала рекордно низкая инфляция – 5,1% и минимальная для России ключевая ставка Центрального банка, которая в 2012 г. была на уровне 5,5%. Банки не просто выжили в кризисные годы благодаря небывалой поддержке со стороны правительства и Центрального банка, но и серьезно нарастили свои активы за 3 года подъема. Этот главный «денежный мешок» в стране достиг на 1 января 2013 г. 49,5 трлн рублей, из которых инвестиционный кредит в основной капитал составил 0,8 трлн рублей и мог быть увеличен в разы, если бы это потребовалось. Намного увеличились доходы и расходы государственного бюджета за эти годы. Доходы федерального бюджета выросли с 9,3 трлн в 2008 г. до 12,9 трлн в 2012 г., а консолидированного бюджета страны – с 16,2 до 23,4 трлн рублей.

И вдруг с первого квартала 2012 г. по отношению к соответствующему периоду прошлого года квартальные пока-

затели валового внутреннего продукта стали катастрофически снижаться. С 4,7% прироста в первом квартале они сократились до 2,0 в четвертом квартале и даже 0,7 – в первом квартале 2013 г., т.е. за год почти в 7 раз. **Началась стагнация.** Промышленность практически остановилась. Транспорт приподнялся на 0,5%, строительство – на 1,4%, остановился внешнеэкономический оборот, а экспорт даже снизился на 1,2%. Совсем не увеличились инвестиции в основной капитал после столь высоких темпов роста в предшествующие годы. Как ни странно, выросла среднегодовая инфляция с 5,1% в последний год подъема до 6,8% в год стагнации. Подчеркиваю удивительную особенность нашей экономики с точки зрения динамики инфляции. В глубокий кризис 2009 г. при падении спроса она вдруг выросла в 1,5 раза. При переходе к стагнации, когда экономика практически встала, опять видим заметное увеличение инфляции. А ведь считается, что Центральный банк таргетирует инфляцию. Он считает это своей главной задачей. И как же он ее таргетирует в противоположном направлении от динамики спроса?

Интересно, что это коренное изменение динамики страны, когда социально-экономический рост остановился вопреки всем планам, составленному бюджету, рассчитанному на подъем экономики, вопреки подрыву всех задач, поставленных в указах президента, все это не стало предметом анализа на высоком уровне. Во всяком случае, этот вопрос не обсуждался на уровне президента, правительства, в Государственной Думе, даже на официальных общероссийских форумах. Не было и публикаций в общероссийской прессе, что случилось, почему на «пустом месте» остановилась экономика огромной страны? Ведь наша экономика обладает, как и экономика других крупных стран, значительной инерцией развития.

На какое препятствие натолкнулось успешное, растущее народное хозяйство страны, когда перестали расти промышленность, инвестиции, внешнеэкономический оборот? Чем «заболела» наша экономическая система, окрепшая, обладающая нетронутыми резервами, запасами золота и валю-

ты, хорошим человеческим капиталом? Нельзя вылечить болезнь, тем более такую серьезную, не поставив диагноз. Официально он не был поставлен даже спустя годы. К этой теме почти никто не возвращается. Для человека, занимающегося макроэкономикой, как я, это удивительно и непонятно. Возможно, руководители нашей страны предполагали, что это случайность. Если и были такие надежды на случайность, то они обрушились после первого квартала 2014 г., когда прирост к 1 кварталу 2013 г. оказался 0,6%. Да и за весь 2014 г. прирост ВВП был вдвое ниже, чем в 2013 г.

Стагнация возникла за 1,5 года до присоединения Крыма, до санкций, до последующего снижения цен на нефть со второй половины 2014 г. И все это – при благоприятных внешнеэкономических и политических связях нашей страны с другими странами, при допуске нашей страны к мировому финансовому рынку, где в год стагнации мы заняли более 90 млрд долларов в 2013 г. Темпы роста других стран остались такими же, как и в предыдущий 2012 г. Причем, по развитым странам, включая страны G-7, они даже несколько ускорились. В Китае остались на одном уровне (7,7% за год), в Индии и Бразилии темпы возросли с 4,7 до 5 и с 1 до 2,5%. То есть внешние условия были весьма благоприятны, как и в предшествующие годы подъема.

В конце первого квартала 2014 г. к России был присоединен Крым, в ответ последовали **санкции**. Сначала они касались отдельных лиц и организаций и не влияли на общее социально-экономическое развитие страны, а с августа 2014 г. санкции стали системными. Был ограничен допуск российских предприятий и организаций к мировому финансовому рынку. Не рекомендовано поставлять России товары, которые могли иметь двойное назначение. Был дан запрет на продажу России нефтегазового оборудования и оказание услуг при добыче на шельфе, при разработке сланцевых пород и других трудных месторождений.

В результате – прирост валового продукта в четвертом квартале 2014 г. сократился вдвое по сравнению с третьим кварталом до минимума – 0,4% к соответствующему периоду

2013 г. А с первого квартала 2015 г. эти санкции наряду с негативными трендами развития самой российской экономики привели к **рецессии с сокращением валового внутреннего продукта**.

С третьего и особенно с четвертого квартала 2014 г. наряду с санкциями негативное воздействие на объем валового продукта и его динамику стало оказывать **сокращение нефтяных цен** почти вдвое, спровоцированное Саудовской Аравией и странами ОПЕК для того, чтобы сбить быстро растущую добычу нефти в США из сланцевых пород (за год она увеличилась на 171 млн тонн), которая значительно сокращает размеры импорта этих стран. Ведь США до этого времени были главной страной, которая завозила до полумиллиарда тонн нефти главным образом из Саудовской Аравии и стран ОПЕК. Казалось, Саудовская Аравия и страны ОПЕК победили. Но не тут-то было. Ведь бюджеты этих стран формировались в значительной мере за счет доходов от продажи сырой нефти. И такое небывалое снижение цены в 3-4 раза привело к рекордным дефицитам в бюджетах этих стран. В частности, годовой дефицит Саудовской Аравии увеличился до 95 млрд долларов и сразу «съел» четверть ее нефтедолларовых запасов. Пришлось искать компромисс. Саудовская Аравия и страны ОПЕК заключили соглашения с Россией, Ираном и рядом других нефтедобывающих стран о заморозке и даже сокращении нефтедобычи, с тем чтобы приподнять цены на нефть до приемлемого уровня. Россия в этом была заинтересована, поскольку как нефтедобывающая страна понесла огромные убытки из-за этого непредвиденного падения цен на нефть, которое усугубило инфляцию и рецессию в стране. К концу 2016 г. и в 2017 г. цены на нефть поднялись до 60-65 долларов и на этом уровне держались до первого квартала 2020 г. США умили темпы добычи нефти из сланцевых пород, но все же продолжая их увеличивать. Вскоре США вышли на 1-е место в мире по объему добываемой нефти. До этого они поднялись благодаря сланцевой добыче природного газа тоже на 1-е место в мире, обойдя Россию.

В годы рецессии валовый внутренний продукт снизился менее чем на 3%, и только в 2018 г. был превзойден уровень 2014 г. В то же время валовое накопление основного капитала сократилось в 2014 г. на 2,1%, а в 2015 г. – еще на 10,6%. Падение этого показателя было столь значительным, что он не смог восстановиться до уровня 2013 г. даже за четыре года – до 2019 г. включительно.

Рецессия обвалила реальную зарплату и доходы населения, сократила розничную торговлю и конечное потребление домашних хозяйств. Реальные доходы начали снижаться еще с 2014 г. – на 1%, в 2015 г. они упали еще на 6%, в 2016 г. – дополнительно на 5,9% и даже в 2017 г. – на 0,2%. А всего, как видим, они снизились на 11%. Реальная зарплата упала только в 2015 г., правда, сразу на 9,5%. Это произошло из-за того, что прирост средней зарплаты в годы стагнации все время падал. В то же время потребительские цены увеличились с 6,8% в 2013 г. до 7,8% в 2014 г. и до 15,5% в 2015 г. из-за значительной девальвации рубля вдвое (с 31 до 60-65 рублей за доллар) и значительного повышения из-за этого импортных цен, за которыми последовало и увеличение внутренних цен.

С 2016 г. цены на нефть стали расти, рубль немного укрепился, инфляция значительно сократилась. Возросли и темпы денежной заработной платы, так что реальная зарплата с 2016 г. продолжила свой рост, постепенно восстанавливаясь до наивысшего уровня 2014 г.

В 2017 г. ВВП подрос на 1,8%, промышленность ускорила рост до 3,7%, грузовой транспорт в связи с экспортом угля скакнул до 5,6% – наивысший рост в период стагнации. Сильно ускорились инвестиции в основной капитал – они возросли до 4,8%, в то время как в предыдущие три года они значительно снизились. Больше всего вырос внешнеэкономический оборот из-за значительного повышения цен на нефть вдвое: в 2017 г. – на 25%, а в 2018 г. – на 17%. Экспорт поднялся еще больше – в 2017 г. на 25%, а в 2018 г. даже на 26%. А всего за 2 года на 56%. Импорт вырос так же,

как и экспорт, только в 2017 г., а в 2018 г. его рост составил всего 4%.

Лучшим годом стагнации стал 2018 г. – валовый продукт впервые за годы стагнации поднялся на 2,5%, а инвестиции – на 5,4% и рекордно увеличился объем экспорта. Кажется, еще небольшой рывок и мы перейдем к социально-экономическому росту хотя бы в размере 3-4% в год. Но этого не случилось. Мало того, в 2017 и 2018 гг. не был создан даже задел для более успешного развития на следующий 2019 г., который стал провальным.

Все еще раз убедились, насколько **трудно выйти из стагнации**. Даже увеличение нефтяных цен в 2-3 раза, небывалый рост экспорта, значительный прирост инвестиций, минимальная инфляция в 2017 г. (2,5%) и 2018 г. (4,2%) не смогли преодолеть стагнацию и вернуться хотя бы к минимальному социально-экономическому росту. Нужны более крутые меры, переход к форсированным инвестициям в основной и человеческий капитал, а также в жилищное строительство, которые являются главными факторами экономического роста.

Похожая ситуация с начала 70-х гг. прошлого века сложилась в США в сочетании стагнации со стагфляцией и продолжалась целое десятилетие. Мероприятия, которые проводил Президент Г. Форд, не улучшили ситуацию. Его победил Дж. Картер, выдвинув крупную программу преодоления стагнации. Эта была фактически антикризисная программа и она не сработала, потому что стагнация намного хуже кризиса, и его тоже не выбрали на второй срок. В 1980 г. Президентом США был выбран Р. Рейган, который подобрал выдающуюся группу советников, разработавших знаменитую программу «**рейганомика**» с серьезными стимулами для перехода к инновационному развитию за счет технологического перевооружения при сокращении вдвое сроков амортизации. В этот период депрессии США Япония, Южная Корея и Тайвань сделали крупный рывок вперед и технологически обошли США. Благодаря «рейганомике» США удалось вернуть лидирующую роль, и она успешно развивалась без зна-

чительных кризисов с повышением уровня жизни населения в течение целых 25 лет, вплоть до кризиса 2007 г.

В 2019 г. прирост ВВП упал почти вдвое. 2019 г. стал одним из худших за 7 лет стагнации.

Рассмотрев ход семилетней стагнации, в заключение остановимся на ее причинах и экономических последствиях. Главная причина неожиданного начала стагнации в 2013 г. и ее усугубления в последующие годы – **значительное сокращение государственных инвестиций**. Государственные инвестиции (включая бюджеты всех уровней) в 2013-2015 гг. снизились на 31%, а крупные корпорации (Газпром, Роснефть, РЖД, Ростехнологии и Росатом) сократили инвестиции в это время на 30%. На 26% уменьшился инвестиционный кредит в основной капитал со стороны государственных банков, занимающих доминирующее положение в банковской системе. Как видно, структуры государственной власти, как бы сговорившись на рекордную сумму, снизили объем инвестиций в основной капитал более чем на четверть. Суммарно все эти инвестиции составляли в те годы около половины от их общего размера в России. И хотя частные инвестиции в это время возросли на 10%, их общий объем упал на 11%.

Столь значительное снижение общих инвестиций наложилось на сокращение ввода в действие основных фондов. Основные фонды в 2013 г. снизили свой предшествующий рост по 10-15% за год до 1%, в 2014 г. даже сократились на 2,7%, а в 2015 г. – еще на 5,5. Это было связано с тем, что инвестиции на ввод в действие этих фондов осуществлялись в значительной мере в период кризиса 2008-2009 гг., когда они уменьшились на 16%, и через ряд лет, когда стали вводиться фонды, на которые шли эти инвестиции, ввод фондов был минимальным. Сокращающийся размер вводимых фондов уже в 2012 г. вызвал значительное снижение в темпах роста промышленности – она увеличилась только на 2%, и ВВП, который вырос на 3,4%, в то время как за два предшествующих года – по 4,3-4,5% за год. Объем общественного продукта поэтому сократился и потому, что перестали расти

основные фонды и одновременно с этим снизились инвестиции в основной капитал, которые являлись главным драйвером социально-экономического роста в России.

Но беда не приходит одна. Сказался и значительный отток капитала из России, начало которому положил кризис 2008-2009 гг. Этот отток начался с 2008 г. со 133 млрд долларов. В целом за 2008-2013 гг. суммарный отток капитала из России составил 419 млрд долларов, что сокращало ресурсы России для социально-экономического развития. При этом накопленные золотовалютные резервы государство при обвале темпов роста не вложило в инвестиционный рост. Только с 2014 г. и особенно в 2015 г. эти резервы стали использоваться (размер использования – 142 млрд долларов за эти два года).

Предприятия и организации, которые заняли еще 272 млрд долларов с мирового рынка за 2010-2013 гг., тоже в основном только относительно небольшую часть вложили в экономическое развитие, а в значительной части, опасаясь дальнейшей девальвации рубля, перевели эти средства на счета отечественных, но больше зарубежных банков, особенно в офшоры. Никаких мер, противостоящих переходу к стагнации и ее усугублению в 2013-2015 гг., правительство в это время не предпринимало. Только в 2015 г., когда уже на дальнейшее снижение стали оказывать все большее воздействие санкции и падение цен на нефть, государство использовало заметную часть золотовалютных резервов, тем самым смягчило экономический спад в рецессию в 2015 г. Именно поэтому ВВП упал менее чем на 3%, а промышленность – только на 3,4%. Без использования этих средств падение экономики могло бы быть значительно большим. Но эти средства не использовались, к сожалению, для поддержки социальных показателей и прежде всего доходов населения. Поэтому в период с 2014 по 2017 г. снижение реальных располагаемых доходов, розничной торговли и конечного потребления домашних хозяйств было катастрофически высоким – в размере 12-15%, в пять раз больше, чем сократились ВВП и промышленность.

Выйти из стагнации намного труднее, чем из кризиса, внутри которого возникают движущие силы «отскока от дна» (послекризисного подъема). Поэтому мудрые китайцы кризис обозначают двумя иероглифами, первый из которых означает «Беда», а второй – «Шанс». У стагнации такого механизма нет. Напротив, **стагнация всегда вызывает негативные тренды.** И с каждым дополнительным годом стагнации выйти из нее становится все труднее и труднее.

Первый тренд мы назвали **сокращение инвестиций в основной капитал.** В России из-за специфической системы налогов, где наибольшая их часть взимается с нефтегазовой промышленности, в 2014-2019 гг., когда цены на нефть стали снижаться со 115 до 60-65 долларов за баррель, доходы и федерального, и консолидированного бюджетов уменьшились. Из-за этого упало финансирование образования – важной составной части человеческого капитала, который тоже вслед за инвестициями в основной капитал стал уменьшаться. А ведь это – один из главных драйверов социально-экономического роста. К тому же это падение цен на нефть и газ сократило экспортную выручку, что тоже затормозило рост экономики.

До 2015 г. включительно объем строительства и ввода в действие жилья увеличивался, но как только объявили о реформе финансирования строительства и прекращении предварительной оплаты жилья со стороны населения, объем жилищного строительства сразу рухнул на 10 млн кв. метров за год. И жилищное строительство, которое поддерживало рост экономики, стало тоже его тормозить.

Отток капитала начался с 2008 г. До этого в 2006 г. был приток капитала в Россию 43 млрд долларов, а в 2007 г. даже 82 млрд долларов. Отток капитала происходит каждый год уже в течение 13 лет. Суммарно он составил более 800 млрд долларов. Самый большой отток – 151,5 млрд долларов за год пришелся на 2014 г. – год ввода санкций. Сокращение инвестиций в основной капитал, с одной стороны, и нарастающий дефицит валютных ресурсов в связи с оттоком капитала – с другой, привели к недофинансированию

основных фондов. В связи с этим их выбытие и обновление снизились до минимума, и они стали прогрессивно устаревать и отставать технологически от соответствующих показателей других стран.

Коэффициент выбытия основных фондов у нас составляет 0,6-0,7% в год, так что за 10 лет выбывает только 6-7% фондов, а 93%, среди которых значительная часть машин и оборудования, устаревает на 10 лет. Износ фондов приближается к 50%, а фонды транспорта и здравоохранения, например, имеют износ 60-70%. 23% машин и оборудования работают свыше сроков их амортизации, которые в России одни из самых длительных в мире. Отсталые технологии, устаревшие фонды, полупригодные машины и оборудование снижают уровень производительности труда, эффективность производства, качество продукции, не дают возможности осваивать новые изделия, требуют повышенных затрат, непрерывных ремонтов, замены запчастей (в значительной мере иностранных). Старые машины и оборудование больше простаивают, чем работают. Все это тянет экономику вниз.

Последний негативный тренд – развивающийся **демографический кризис**. Из-за снижения рождаемости в период трансформационного кризиса спустя два десятилетия численность трудоспособных за последние 5 лет сократилась на 5 млн человек. Уменьшилось и число фертильных женщин. Из-за этого с 2015 г. перестала увеличиваться рождаемость, которая в 2016 г. сравнялась со смертностью, а в следующие годы стала падать по 100 тыс. в год. Это вызвало увеличение депопуляции населения – превышение смертности над рождаемостью. До 2017 г. положительное сальдо миграции в Россию в основном из стран бывших союзных республик превышало размеры депопуляции, и численность населения страны понемногу возрастала. А с 2018 г. размер депопуляции стал выше притока мигрантов, и население России стало сокращаться.

В 2020 г. в отличие от предшествующих лет, когда в среднем в год смертность сокращалась на 30 тыс. человек

в России, она значительно выросла. **Демографический кризис перерос в катастрофу.**

Эти негативные тренды усугубляются **незаинтересованностью частного бизнеса, который осуществляет 60% инвестиций** в основной капитал в России, увеличивать свой вклад в социально-экономическое развитие страны. Заработанные средства частные компании стараются присвоить в качестве предпринимательской прибыли, раздать акционерам или вложить на счета наших и особенно иностранных банков (включая офшоры), приобрести акции и облигации в основном зарубежных компаний. Поэтому если в целом оценить инвестиционную активность за 7 лет стагнации, то валовые накопления основного капитала (расширенные инвестиции, включая теневой сектор) сократились на 5,6%. Инвестиции в основной капитал, а также объемы строительства в связи с этим тоже немного снизились.

В годы стагнации валовый внутренний продукт в расчете на душу населения, которое значительно выросло из-за присоединения Крыма и высокого сальдо миграции в Россию, увеличился на 2%. Немного больше поднялся индекс промышленного производства и грузооборота. Пожалуй, впервые в новой России столь значительно (на 25% за 2013-2019 гг.) приросло сельское хозяйство.

Самое плохое – сокращение **реальных располагаемых доходов населения** на 10%, а розничного товарооборота на душу населения за семь лет стагнации – на 9%. Численность абсолютно бедных, чей доход ниже прожиточного минимума, повысился в годы стагнации на 3 млн человек и достиг в 2019 г. около 18,6 млн.

Со второго квартала 2020 г. на базе стагнации возник **новый структурный кризис, связанный с пандемией коронавируса.**

В целом пандемия коронавируса в России протекает легче, чем в Европе, не говоря уже о США и Бразилии. Лучше России выглядят Китай, Япония, Южная Корея и некоторые другие азиатские страны, у которых нет такой второй волны коронавирусной пандемии. По зараженности, если ис-

пользовать ежедневно публикуемые показатели, Россия занимает примерно 50-е место в расчете на тысячу человек населения среди стран мира. Но если взять всех умерших, которые были заражены коронавирусом, но умерли от других причин, то их число втрое выше, чем публикуемые показатели смерти от коронавируса в России. При этом в России наблюдается значительный рост смертности лиц, не больных коронавирусом. Прежде всего в результате сердечно-сосудистых заболеваний, где смертность значительно повысилась, в то время как в последние 15 лет она ежегодно сокращалась. А ведь от сердечно-сосудистых патологий умирает 47% россиян – в 2-2,5 раза больше на 100 тыс. населения, чем в развитых странах, и в 1,5-2 раза больше, чем в постсоциалистических странах Европы. Примерно в 25 странах мира смертность от сердечно-сосудистых заболеваний снизилась настолько, что она стала меньше, чем смертность от злокачественных новообразований. В России от рака умирает втрое меньше.

По общему показателю увеличения смертности в 2020 г. по сравнению с предшествующим годом Россия опережает США и европейские страны с показателем плюс 18%. Выше этот показатель только в нескольких странах Латинской Америки. В 2020 г. прирост общей смертности составил 323,8 тыс. человек, в то время как в последние годы у нас смертность ежегодно снижалась по 30 тыс. человек. В Германии, Японии, Южной Корее, Израиле, Швейцарии и некоторых других странах смертность практически не повысилась.

Очевидно, что увеличение смертности в 2020 г. прямо или косвенно связано с коронавирусной пандемией, которая стянула на себя значительную часть ресурсов из кардиологических и других клиник. Это касается и скорой помощи, которая не столь оперативно теперь доставляет в клиники тяжелобольных с другими заболеваниями. Наше здравоохранение оказалось неспособно работать на два фронта, борясь с коронавирусной пандемией, с одной стороны, и со всеми другими заболеваниями – с другой. Общий рост смертности

в России столь значителен, что позволяет сделать вывод о **провале нашего здравоохранения**. По нашему мнению, иначе и быть не могло, поскольку оно финансируется хуже всех других отраслей. По международному рейтингу стран мира по финансированию здравоохранения в процентах к ВВП, в котором учитываются все виды финансирования, и государственные, и частные, с 5% от ВВП Россия в рейтинге из 189 стран занимала в 2019 г. 140-е место.

В 2020 г. были выделены дополнительные государственные средства на борьбу с пандемией. И эта доля повысилась до 5,6% ВВП. Так что Россия приподнялась в рейтинге до 112-го места. В принятом федеральном бюджете на 2021-2023 гг. предусматривается примерно 15-процентное сокращение номинальных затрат по статье «Здравоохранение», а при пересчете на постоянные цены по физическому объему это падение финансирования составит 25% к 2020 г. Явно ошибочным является значительное падение финансирования здравоохранения на 2021 г., когда число зараженных граждан в связи с переходящей второй волной пандемии увеличивается. И, кроме того, ожидается третья волна. И это обоснованное предсказание, поскольку в пандемию «испанки», при азиатском гриппе в 1962 г. и при современных гриппозных эпидемиях (по птичьему гриппу и др.) всегда наблюдалось три волны.

Кризис 2020-2021 гг. от коронавирусной пандемии усугубляется начавшимся в марте 2020 г. значительным **падением цен на нефть и сокращением объемов ее экспорта**. Сократились также цены и объемы экспорта природного газа и угля, прежде всего, в связи со снижением спроса на углеводороды в мире в кризисный период и значительного увеличения добычи нефти и газа из сланцевых пород в США, и обострившейся в связи с этим конкурентной борьбы за рынки сбыта углеводородов.

На Россию также влияет санкционное давление США по газу и нефти и возникшие трудности с поставкой и переработкой газа в Китай, где наметилось серьезное отставание от заявленных показателей, с отсрочкой ввода газопровода

по Северному потоку-2, с новым введенным крупным газопроводом из Азербайджана в Турцию для снабжения Греции, Италии и других стран. Саудовская Аравия пытается увеличить экспорт дешевой нефти в Китай, а США заключают соглашение с Китаем о крупной поставке сжиженного газа с Аляски. Конкурентами России выступают Туркмени и Узбекистан, которые транспортируют все больше газа в Китай по давно построенному газопроводу. Острая конкуренция по поставкам газа развернулась в Европе, куда США тоже поставляют сжиженный газ при увеличении его поставок арабскими странами и Норвегией в наиболее эффективной форме сжиженного газа, продающегося по более гибкой, в отличие от трубопроводного газа, цене. Снизились цены и объемы поставки каменного угля с месторождений России через тихоокеанские порты.

В целом в 2020 г. экспорт нефти и нефтепродуктов России снижается на 40%, природного газа – на 50% и угля – на 30%. Доля нефти в доходах федерального бюджета сокращается с 46% в 2018 г. до 41% в 2019 г. и 30% в 2020 г. и в ближайшей перспективе. В целом в расчете на год страна недополучит доходы от нефти, газа и угля в размере 7,5 трлн рублей.

Кризис в России 2020-2021 гг. формируется не только за счет коронавирусной пандемии и нефтегазового кризиса, но также посредством переходящих **негативных трендов в связи с предшествующей кризису семилетней стагнацией**. В стагнацию снизилось валовое накопление основного капитала на 5,6%, а в 2020 г. он снизился еще на 6%. Вместе с сокращением валового накопления за 6 лет стагнации по отношению к уровню 2012-2013 гг. этот ключевой показатель, от которого в наибольшей мере зависит послекризисный подъем, уменьшится на значимые 12%. И нужен форсированный рост инвестиций в основной капитал, чтобы сначала достичь исходного уровня этого показателя и только потом двинуться вверх.

Так же обстоит дело с реальными располагаемыми доходами населения, которые в период стагнации снизились на

целых 10% и за год кризиса – еще на 4%, а в итоге – около 15% окажутся ниже уровня 2012-2013 гг. Их восстановление, по-видимому, в лучшем случае займет три года. Сказанное относится и к розничному товарообороту. Особый разговор о падении конечного потребления домашних хозяйств. Они буквально рухнули во втором квартале 2020 г. на 22,2% к соответствующему периоду 2019 г., когда были на несколько процентов ниже, чем в 2012 г.

Так что социально-экономические последствия кризиса 2020-2021 гг. намного хуже, чем мы их представляем. Ведь этот кризис только наполовину обусловлен в России коронавирусной пандемией. На треть он связан с кризисом нефтегазовой и угольной отрасли и почти на 20% (на пятую часть) обусловлен переходящими негативными трендами предшествующей семилетней стагнации.

Еще одна особенность оценки социально-экономических последствий этого кризиса. Если его считать по итогам 2020 г., то сокращение экономических и социальных показателей к уровню 2019 г. не очень большое – 3-5%, потому что первый квартал 2020 г. был весьма позитивным. И они подправят показатели неполного кризисного года.

Между тем, кризис продолжится на 2021 г., и его острая фаза в связи с более мощной и продолжительной второй фазой во всяком случае продлится весь первый квартал 2021 г. Поэтому правильнее год кризиса считать начиная со второго квартала 2020 г. и кончая первым кварталом 2021 г. включительно. Понятно, что социально-экономические результаты будут существенно хуже.

Главное – не учитываются основные потери страны в кризис 2020 г. от катастрофического роста смертности населения, который ожидается в размере 323 тыс. человек. Если эту дополнительную смертность оценить по стоимости человеческого капитала на душу населения в России, рассчитанную Всемирным банком, то сумма убытка от дополнительной смертности за 2020 г. составит около 5 трлн рублей. Заметим, что размер снижения ВВП в 2020 г. будет меньше.

4. С 2022-2023 гг. возможно начало нового четвертого периода в развитии России – ускоренный социально-экономический рост, нацеленный на повышение уровня жизни и сохранности народа.

Антикризисная программа правительства и федеральный бюджет на 2021-2023 гг. составлялись после первой волны кризиса в августе–сентябре 2020 г. Сегодня ясно, что даже если не будет предсказываемой третьей волны коронавируса, следовало бы удвоить, а лучше даже утроить объем финансирования антикризисных мероприятий. Без этого восстановление до уровня 2019 г., а тем более 2012-2013 гг. будет длиться не 2 года, а 3 и более лет. Международный валютный фонд снизил ежегодный прирост ВВП России на среднесрочную перспективу до 2,0%. Таковы прогнозы и российских экспертов. А мы нуждаемся в приросте по 3-4%. По нашим расчетам, для этого намеченное ранее финансирование совершенно недостаточно. На 2021 г. следовало бы выделить как минимум 12 трлн рублей, на 2022 г. – 14 трлн и на 2023 г. – 16 трлн рублей. Значительная часть этих средств может быть выделена в виде низкопроцентных инвестиционных кредитов.

Только в этом случае при «отскоке от дна», свойственного выходу из кризиса, можно будет подхватить и приумножить этот «отскок», «перепрыгнуть» через стагнацию и сразу перейти к социально-экономическому росту. В противном случае нас опять ждет стагнация, из которой выйти в последующие годы будет намного труднее, в чем мы убедились за прошедшие годы.

К счастью, в России в избытке есть финансовые ресурсы для крупной антикризисной программы, обеспечивающей переход к ускоренному социально-экономическому росту.

Во-первых, в 2020 г. активы банковской системы возрастают на 16% до 110 трлн рублей – больше объема ВВП. Из них отечественные банки вкладывают в инвестиции в основной капитал около 1,5 трлн рублей из 18 трлн, около

7%. Развитые страны направляют в 5-7 раз больше – 30-50%, а развивающиеся страны во главе с Китаем – в 3-4 раза больше, имея долю инвестиций в основной капитал в ВВП не 17%, как Россия, а 30-35%, что обеспечивает им ежегодный прирост ВВП по 4-6%. Доля вложений в «экономику знаний», главную составную часть человеческого капитала, в России составляет 14% ВВП, в Китае – 22, в ЕС – 30, а в США – даже 40%. А ведь эти вложения – важный и все более значимый драйвер нашего экономического роста.

Во-вторых, Россия вышла на третье место в мире после Китая и Японии по размеру **золотовалютных резервов** после приобретения за 14,6 трлн рублей золота и конвертируемой валюты за период 2017 – август 2020 г. общей суммой в 226 млрд долларов. Эти золотовалютные резервы (590 млрд долларов в январе 2021 г.) сегодня больше, чем в США, и превосходят резервы Германии, Великобритании, Франции и Италии вместе взятых. Целесообразно из 13 трлн рублей Фонда народного благосостояния направить 2/3 средств за 2021-2024 гг. на повышение доходов населения. Еще 150 млрд долларов следовало бы использовать взаимобразно в виде низкопроцентного инвестиционного кредита (под 3-5%) на цели технологического прорыва. При этом 300 млрд долларов золотовалютных резервов будут оставлены для обеспечения безопасности финансовой системы.

В-третьих, **заинтересовать крупный бизнес, предприятия и организации в инвестировании в основной и человеческий капитал**, ведь на их долю приходится до 60% всех инвестиций в стране. Это может быть сделано в виде предоставления им низкопроцентных кредитов при господдержке, освобождения от налогов части прибыли, идущей на инвестиции, увеличения амортизационного фонда, из которого черпаются инвестиции, путем сокращения в 1,5-2 раза сроков амортизации и предоставления налоговой паузы в период технического перевооружения. Предприятиям и организациям страны принадлежит 20 трлн рублей в банковских активах и значительные средства в иностранных банках,

в том числе 400 млрд долларов (по исследованию Boston Consulting Group) в офшорах. Кроме того, в 2018-2019 гг. их финансовый результат увеличился на 72%.

В-четвертых, до 1 трлн рублей ежегодно государство может получить, если начнет массовую **приватизацию предприятий и организаций, контролируемых государством**. В 2003 г. 35% ВВП создавалось в госсекторе, а в настоящее время – 71% (по расчетам Всемирного банка) и из этого: 35% – доля расширенного консолидированного бюджета в ВВП, 30% – доля крупных корпораций (Газпром, Роснефть, РЖД, Ростех, Росатом), институтов развития, объединений в оборонной промышленности и других отраслях (Аэрофлот, Связьинвест, ВАЗ и т.д.). Остальное – госбанки и банки под контролем государства (73% общих активов) и многие другие предприятия и организации в подчинении госорганов. Значительная часть этих организаций не выполняет никаких государственных функций, поэтому в подчинении государства можно было бы оставить структуры, которые производят до 45% ВВП. Из подобных структур наибольшая доля у Китая – около 30%, а в развитых странах доля государства (без госбюджета) составляет 5-10%.

В-пятых, привлечь на взаимовыгодных для населения, бизнеса и государства условиях **облигационный заем у граждан**, нуждающихся в улучшении жилищных условий, приобретении легкового автомобиля или участка земли на льготных условиях. У населения России средства есть: в банках им принадлежит 32 трлн рублей, 10 трлн – у них в «кубышках», не говоря уже о сбережениях за рубежом.

В-шестых, привлечение средств за счет **наращивания государственного долга**. У нашего государства минимальный долг по внешним и внутренним займам – около 19%. Его собираются увеличить до 21% ВВП. У стран европейского сообщества этот долг до кризиса превышал 80%, у США – 100%, у Японии – 250% и у Китая – 260%. Безопасным, по мировым рекомендациям, считается долг до 60% ВВП. Наше государство может к 2025 г. размер этого долга довести до 30%, а к 2030 г. – до 45% ВВП.

Как видно, суммарно этих средств за счет перечисленных источников более чем достаточно. При этом наибольшую часть может составить инвестиционный кредит.

В первую очередь жизненно важной задачей является повышение уровня жизни населения и сохранность народа России.

Для восстановления доходов и потребления населения сначала до уровня 2019 г., а потом до уровня 2012-2013 гг. недостаточно частичных мер по отсрочке налогов, займов и оказания помощи отдельным группам населения (мелкому бизнесу, многодетным семьям и другим), хотя это крайне важно и нужно. Ведь эти доходы нужно повысить на 15%.

Поэтому следовало бы осуществить всеобъемлющие крупные меры:

а) **увеличить минимальные размеры заработной платы** в 2021 г. с 12 до 20 тыс. рублей (с подвижкой зарплат от 20 до 30 тыс. руб.), а с 2024 г. – до 25 тыс. рублей. На 2/3 это можно осуществить за счет средств внебюджетных предприятий и организаций. От бюджета потребуется до 1 трлн рублей в год для повышения минимума зарплаты на первом этапе для бюджетников;

б) **увеличить пособия по безработице** в 2021 г. с 4,5-12 тыс. рублей в месяц до 20-35 тыс. рублей, а с 2025 г. – до 25-45 тыс. рублей. На первом этапе это потребует до 2 трлн средств;

в) **повысить размеры пенсий** из расчета увеличения их среднего размера до 22 тыс. рублей в 2022 г. и до 27 тыс. рублей – в 2025 г. Это потребует до 3 трлн рублей на первом этапе. При этом следовало бы разрешить выходить на пенсию досрочно – с 55-60 лет с пониженным размером пенсий. Ведь Россия одна из немногих стран, где ожидаемая продолжительность здоровой жизни (58,9 года в сентябре 2020 г.) существенно ниже пенсионного возраста.

Заметим, что по уровню минимальной зарплаты, пособиям по безработице и размеру пенсий Россия в 2-3 раза отстает от постсоциалистических стран Европы и развивающихся стран с примерно таким же уровнем социально-

экономического развития. Россией не выполняются также рекомендации МОТ по минимальному уровню заработной платы, пособий, пенсий;

г) **сократить часть задолженности населения по банковским кредитам**, объем которых – 21 трлн рублей (40% всех доходов за год), а число должников – 42 млн человек. Целесообразно пересчитать эту задолженность по 8-процентной годовой ставке, в то время как значительная часть этих средств выдавалась под 15-20%. И впредь следовало бы запретить выдавать подобные займы, по процентной ставке более чем вдвое превышающие ключевую ставку ЦБ;

д) **создать условия для улучшения уровня жизни наиболее многочисленной группы относительно бедного населения, проживающего на селе и в малых городах** (около 50 млн человек). Их душевой доход около 20 тыс. рублей в сравнении с 35 тыс. в среднем по России и 45 тыс. – в крупных городах. С этой целью предлагается в течение 3-4 лет организовать массовый переход в фермерство сотен тысяч относительно продвинутых подсобных хозяйств при наличии трудоспособных членов семьи, оказав им всестороннюю помощь. Фермерские хозяйства следует объединить в промысловые кооперативы, которые будут помогать фермерам, создадут тысячи мелких предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции в малых городах и селах. Эти кооперативы в рамках единой организации могли бы создать общероссийскую сеть продовольственных магазинов КООП, как во многих других странах. Для всего этого следовало бы предоставить льготы фермерским хозяйствам и промысловой кооперации в размере 2-3 трлн рублей ежегодно. Надо поставить задачу – за 5 лет увеличить средние доходы жителей села и малых городов на этой базе до 30 тыс. рублей;

е) следовало бы также в 2022 гг. **реформировать подоходный налог, отменив его с низких доходов и введя прогрессивный налог на доходы свыше 100 тыс. руб.** в месяц от 20 до 30%. При этом надо освободить от налогообложения

все полученные средства, которые вкладываются в развитие производства и фонды, из которых черпаются инвестиции.

Одновременно предлагается снизить налоги для предприятий и организаций, предоставляющих товары и услуги, которые доступны бедному населению и среднему классу, и, напротив, повысить их на производство товаров и услуг для богатых.

Все эти мероприятия (от А до Е) позволят **вдвое сократить абсолютную бедность** и снизить коэффициент фондов – разницу в среднедушевых доходах 10% бедных (8 тыс. рублей) и 10% богатых (120 тыс. рублей) с 15,4 раза в 2019 г. до 8-10 раз (как в Германии и странах ЕС) к 2025 г. и до 5-6 раз к 2030 г., как в странах социал-демократической направленности (Скандинавия) и Японии. При этом в СССР в 1980 г. эта разница составляла 3 раза. **Коэффициент социального неравенства Джини по доходам сократится** с 0,4 вначале до 0,3, а потом и до 0,2.

Подъем жилищного строительства необходим не только с позиции улучшения жизни населения, но и как важный драйвер социально-экономического развития. Жилищное строительство обладает серьезным мультипликативным эффектом. Его увеличение тянет за собой развитие стройиндустрии, коммунальное и инфраструктурное строительство, порождает крупные денежные потоки. По расчетам, при 10-процентном увеличении ввода жилья прирост ВВП в стране возрастет на 2%. Следовало бы организовать задачу ввода 120 млн кв. метров жилья в 2025 г. и 200 млн кв. метров – к 2030 г. Для этого целесообразно сделать ставку на массовое строительство малоэтажного жилья (до 70%). Следовало бы организовать сотни домостроительных баз для создания готовых блоков такого жилья. Целесообразно снизить до минимальных размеров налоги при постройке малоэтажного жилья с относительно низкой стоимостью.

Самое сложное, но крайне принципиальное дело – **сохранность народа**. Это, на наш взгляд, можно обеспечить к 2030 г. за счет принятия экстример, прежде всего по демографии и здравоохранению, включив их в соответствующие

национальные проекты, которые надо доработать, удвоив их финансирование не только за счет государственных средств, но и подключив к этому делу крупные корпорации и частные предприятия и организации. Реально увеличить рождаемость за счет повышения его суммарного коэффициента с 1,504 в 2019 г. до 1,6 в 2025 г. и 1,75 – к 2030 г. (максимум в 2015 г. – 1,777). Способствовать этому будет дополнительное увеличение пособий для семей с детьми.

Сохранность народа в наибольшей степени в России зависит от коэффициента смертности, который в среднем на 35-40% выше, чем в Европейском союзе. Особенно велика смертность в России у трудоспособного населения, от сердечно-сосудистых заболеваний и внешних причин – примерно вдвое выше, чем в постсоциалистических странах Европы, и втрое, чем в развитых странах. За счет перехода на программно-целевое управление при увеличении финансирования эту разницу с развитыми странами можно снизить к 2025 г. до 2 раз, а к 2030 г. приблизиться к показателям развитых стран (12,4 на 1000 чел. населения в 2019 г., 11,5 – в 2025 г. и 10 – к 2030 г.). Это можно сделать при повышении ожидаемой продолжительности жизни с 71,1 года после снижения в 2020 г. до 75 лет к 2025 г. и 80 лет – к 2030 г. При обеспечении надлежащей миграции, близкой к уровню 2019 г. (200-250 тыс. человек в год) из ближайших государств – Украины и членов СНГ, можно было бы остановить сокращение населения в 2028-2030 гг., а затем двинуться вверх.

Основное, что позволит нам в короткий срок (в 2022 г.) преодолеть кризис, превысить показатели 2019 г. и возобновить 3-процентный социально-экономический рост с 2023 г., – **форсированное увеличение (по 10-15% ежегодно) инвестиций в основной и человеческий капитал («экономика знаний»)**, а также **подъем жилищного строительства**. Непременное условие для этого – рост платежеспособного спроса и восстановление доходов и потребления населения. Для перехода к форсированным инвестициям и вложениям ежегодно потребуется около 5 трлн рублей, 2/3 из которых мог бы быть низкопроцентный инвестиционный кредит из

активов банков, золотовалютных резервов и за счет госзаймов. 1/30 часть этих кредитов целесообразно возмещать банкам-кредиторам за счет бюджета. В консолидированном бюджете на окупаемые проекты по статье «Национальная экономика» и некоторым другим финансируется безвозвратно 5 трлн рублей. Если оплату этих проектов перевести на низкопроцентный инвестиционный кредит, то можно высвободить более 4,5 трлн рублей. Эти средства могли бы быть направлены на финансирование сферы «экономика знаний» и прежде всего – НИОКР, образования, биотехнологий и здравоохранения.

Нужно поставить задачу – за 15 лет выйти на технологический уровень развитых стран и на показатели развития сферы экономики знаний в этих странах. В первую очередь при этом должен быть обеспечен подъем и техническая реконструкция машиностроительных предприятий, с тем чтобы техническое перевооружение во многом базировалось на отечественном оборудовании мирового уровня. При этом особую значимость приобретает использование информационных технологий. В России доля цифровой экономики весьма низка – всего 3,9% ВВП.

Доля инвестиций в основной капитал в ВВП составляет 17%, а доля «экономики знаний» – 14% (2019 г.), которые обрекают страну на стагнацию. В индустриальной стране, к которой относится Россия, экономический рост может начаться при достижении доли инвестиций в размере 22% и «экономики знаний» – 20%.

При ежегодном росте 10-15% инвестиций в основной капитал и сферу «экономики знаний» их доли в ВВП поднимутся до указанных выше значений, что обеспечит ускоренный социально-экономический рост сначала по 3, потом – по 4%, а ближе к 2030 г. и по 5%. В этом случае Россия к 2025 г. опередит Германию по экономическому потенциалу, а к 2030 г. и Японию, поднявшись с 6 до 4-го места среди стран мира.

Чтобы стимулировать и снять препятствия с пути инвестирования и социально-экономического роста, создать здесь

благоприятные условия, необходимо **провести ряд структурных реформ**, которые можно начать, когда будет достигнут устойчивый подъем страны. В первую очередь предстоит, на наш взгляд, **провести коренную реформу собственности**, покончить с чрезмерным огосударствлением, осуществить массовую приватизацию, объявив частную собственность основой экономики страны, священной и неприкосновенной, на страже которой стоят все государственные органы. Понятие «частный» должно быть столь же значимо и почетно, как в любой цивилизованной рыночной стране понятие «private».

Другая крайне необходимая и срочная реформа – **реформа финансовой системы**, которая в международных рейтингах стран мира занимает низкое 95-е место. Москва практически не видна как значимый финансовый центр мирового уровня (занимает 62-е место). Активы наших банков в 2-3 раза ниже, чем в Китае и европейских странах. Внебанковские фонды «длинных» денег в России почти отсутствуют, занимая каких-то 15% от ВВП, а не превышая его, как в развитых странах. В разы больше эти фонды и в развивающихся странах. В России нет сколь-нибудь полного воспроизводства «длинных» денег, а в основном используются «короткие» деньги. Поэтому фондовый рынок носит спекулятивный характер и норма инвестиций (а это «длинные» деньги) крайне низка.

Система банков России, пожалуй, единственная, которая отвернулась и стоит спиной к задачам социально-экономического развития страны. Только в последние несколько лет Банк России что-то сделал за 30-летний период, снизив ключевую ставку, но и тут не добился реального снижения процентных ставок. Предстоит превратить Центральный банк в банк социального-экономического развития. Надо создать в стране наконец рынок капитала, конкурирующую среду, чтобы рыночная система толкала вперед экономику, а не замедляла ее, как сегодня. Из всех центральных банков Банк России меньше других вложил средств в борьбу с кризисом. А ведь в кризис 2020 г. он увеличил

активы на 16%, нарастив их до 110 трлн рублей – выше объемов ВВП и втрое больше расширенного консолидированного бюджета страны. Без коренного изменения банковской системы, у которых в руках главный «денежный мешок» страны, нельзя добиться сколь-нибудь значимого социально-экономического роста, а значит, и улучшения благосостояния людей.

Целесообразно внебанковские фонды «длинных» денег вывести из подчинения Центрального банка, увеличив их вдвое к 2025 г. и в 4 раза – к 2030 г.

Нужна и **всесторонняя налоговая реформа**. Следовало бы перейти на европейскую методику НДС, что позволит снизить процентную ставку хотя бы до 15% при увеличенной массе НДС. Давно пора изъять недра у всех производителей, сделав их общенародной государственной собственностью не только по примеру Саудовской Аравии и стран ОПЕК, но и по примеру Норвегии и ряда других стран. Коренным образом следует изменить функции налоговой системы. Кроме фискальной функции ей нужно придать функции стимулирования и распределения. Налоговые льготы важны для импортозамещения и развития экспортных производств, особенно высокотехнологичных изделий с высокой добавленной стоимостью и многое другое.

В коренной реформе нуждается управление региональным развитием. Подавляющая часть регионов переведена на самую дестимулирующую систему финансирования – дотационную. Между тем, большинство регионов со своих предприятий и организаций отчисляют в федеральный бюджет намного больше налогов, чем регион получает трансферов из центра. Эти регионы могут после тщательной подготовки перейти **на систему самокупаемости, самофинансирования, самоуправления**, на которых зиждется федеральная система в других государствах. Надо постепенно отказаться от чрезмерной концентрации финансовых и интеллектуальных ресурсов в Москве и Санкт-Петербурге, чего нет в других странах. В России подавляющая часть регионов лишена возможности расширенного воспроизводства из-за

дефицита этих ресурсов и скорее выживает, чем развивается. Необоснован разрыв в доходах, в размерах бюджетирования, жилищных условиях, развитии здравоохранения и образования и многом другом между субъектами Федерации.

Из-за высокой стоимости жилья по отношению к уровню доходов и дороговизны заемных средств большинство семей и граждан не имеют реальной возможности поменять регион, место работы в другом городе, поехать на учебу в лучший университет в крупном центре, выбрать для лечения известную медицинскую клинику в другом месте и т. д. Формальная свобода есть, а реально – ее нет. И это социальное неравенство, к сожалению, возрастает.

Одна из причин – неправильная система управления регионами, с одной стороны, и практическое отсутствие стратегии пространственного развития, которой на верхнем уровне специально никто не занимается, – с другой. Опыт СССР по размещению и развитию производительных сил в стране, которым занимались крупные коллективы во главе с СОПСом при Госплане СССР, стратегическому сдвигу на восток, где создавалась главная нефтегазовая провинция, горно-металлургическая база, развитые лесопромышленные комплексы, полностью утерян. Эти важные стратегические тренды в новой России повернулись вспять. За последние 30 лет Дальний Восток потерял 20% населения, а огромная Сибирь – 9%. Стихийно, шаг за шагом, их экономический и социальный уровень, благосостояние граждан, транспортная система – все стало отставать от значительной части густонаселенных регионов европейской части страны. Нужно разработать не только по Дальнему Востоку, но и по Сибири и другим крупным регионам действенную стратегию развития с позиции вклада в экономику и социальную сферу страны. Следовало бы заняться коренным реформированием регионального управления и перехода к новой административно-экономической системе, ибо существующая система, основанная в 20-30-е гг. прошлого века, безнадежно устарела.

Где выход в решении крупнейших задач, стоящих перед страной? Выход **в переходе к народнохозяйственному**

планированию, к составлению первого пятилетнего плана России на 2021-2025 г. с ключевыми показателями на период до 2030 г. Этот план должен строиться на взаимосвязанной системе целевых национальных проектов, работа над которыми, как известно, ведется. Надо дополнить систему проектов прежде всего с позиции технического перевооружения базовых отраслей, прежде всего электроники и машиностроения, финансирование национальных проектов в этой связи нужно удвоить и утроить с учетом их продления за счет привлечения частных инвестиций и инвестиционных кредитных средств. Применительно к предприятиям и организациям, контролируемым государством, нужен директивный план, а для частного бизнеса – индикативные задания. У нас отсутствует рыночный двигатель экономики, и потребуются определенный срок для его формирования. Анализ 39 стран, где было применено или сегодня применяется планирование, показывает высокую эффективность планового управления.

В 2026-2030 гг., когда заметными темпами станет расти уровень жизни, следовало бы провести ряд важных **социальных реформ** – перейти на накопительную систему пенсий (по образцу Германии) с установлением обязательного взноса в пенсионный фонд не только из средств предприятий, но и за счет платежа из зарплаты (плюс добровольный пенсионный взнос, освобожденный от налога и поощряемый государством и предприятием), реформу здравоохранения также с обязательным взносом населения из зарплаты, провести приватизацию ЖКХ, перейти к нормальному налогу на недвижимость для граждан, направляемому в бюджет муниципалитетов как финансовая основа для формирования гражданского общества на местном уровне. В реорганизации нуждается и система социальных пособий и различных льгот, которая недостаточно ориентирована на помощь малообеспеченным. Эти реформы должны быть тщательно подготовлены и проведены без снижения реальных доходов населения, что может быть осуществлено при соответствующей индексации зарплаты и других доходов.

В заключение подчеркнем – Россия страна огромных неиспользованных возможностей с высоким образовательным уровнем населения, с колоссальными, лежащими втуне финансовыми ресурсами. Пора наконец вдохнуть новую жизнь в будущее развитие нашей страны.

**Выдающиеся аналитики:
Академик РАН А.Г. Аганбегян**

Б.Н. Порфирьев,

*академик РАН, член Президиума РАН,
руководитель Секции экономики
Отделения общественных наук РАН,
Научный руководитель Института
народнохозяйственного прогнозирования РАН*

Известно, что серьезные люди из сферы науки – сильные аналитики. Как правило, это кабинетные ученые, блестяще разбирающиеся в теории и оперирующие экспериментальными или фактическими данными в своей области деятельности, но не обладающие способностями превратить свои аналитические выкладки в инструмент поддержки принятия решения. Значительно реже встречаются те, кто сочетают в себе оба этих качества, а тех, кто реализует их применительно к высшему уровню государственного управления, – просто единицы. Но и среди таких редких специалистов – представителей экономической науки особое место занимает академик РАН Абел Гезевич Аганбегян, старейшина Российской академии наук, стаж которого в этой организации насчитывает 55 лет.

За эти годы им успешно реализовано множество крупных проектов по созданию и развитию лучших научных, аналитических и учебных центров нашей страны; по разработке планов и стратегий развития федерального, региональ-

ного и корпоративного уровней; по коммерциализации научных исследований. Число слушателей его блестящих лекций и участников семинаров оценивается тысячами, число учеников – многими десятками. Целый ряд руководителей самого высокого уровня – президентов, министров, губернаторов, глав крупных корпораций, причем не только в России, но и за рубежом, считали и считают большой удачей получить консультации А.Г. Аганбегяна едва ли не по всему спектру ключевых вопросов экономического и социального характера.

Глубокое знание и понимание самых разных сфер экономики, основанные на тщательном анализе статистики и эмпирики, почерпнутой из непосредственного знакомства и наблюдения за деятельностью десятков предприятий во многих регионах страны, подкрепленные феноменальной памятью на числа и гигантским опытом, – фирменные черты академика А.Г. Аганбегяна-аналитика и практика-управленца. Они неразрывно связаны с его незаурядной биографией и научной и управленческой карьерой.

После окончания Московского государственного экономического института (МГЭИ, ныне Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова) он стал одним из первых сотрудников только что созданного в тот момент Государственного комитета СССР по вопросам труда и заработной платы. Работа в этом Госкомитете предопределила его многолетний интерес к комплексным взаимодействиям экономических и социальных процессов, в которых лежат истоки его приверженности к математическим методам в экономике, к экономико-математическому моделированию сложных социально-экономических систем. Их активным поборником Абел Гезевич был в те непростые времена, когда эти методы на дух не принимались тогдашней политэкономической ортодоксией, и остается верен им по сей день, активно занимаясь проблемами экономического прогнозирования и стратегического планирования.

Мощному аналитическому потенциалу, исследовательскому драйву А.Г. Аганбегяна было явно тесно в рамках го-

сударственного учреждения с относительно узкими задачами и большим объемом рутинной работы. Поэтому в начале 1960-х гг. он решился на радикальные перемены в своей судьбе, переехав на работу в Сибирское отделение Академии наук СССР в Новосибирск. Здесь он стал одним из ведущих «игроков» великолепного коллектива выдающихся ученых и организаторов, включая академика М.А. Лаврентьева и Нобелевского лауреата по экономике академика Л.В. Канторовича, которые сумели буквально на пустом месте, «в лесу», в кратчайшие сроки создать научный центр мирового уровня. Одной из ярких звезд этого центра был Институт экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП СО РАН), возглавляемый 33-летним А.Г. Аганбегяном, который вскоре был избран в АН СССР, став одним из самых молодых ее членов.

Именно в Сибири, которой академик Аганбегян отдал более 20 своей жизни и творчества, он сумел в полной мере реализовать свои научные замыслы по организации комплексных научных исследований самого высокого уровня. Под его руководством в Новосибирске сложилась одна из лучших в стране научных школ по математическому моделированию процессов макроэкономического, отраслевого и регионального уровней. Здесь же были созданы научные подразделения, занимавшиеся территориальным развитием и размещением производительных сил. Кроме того, Абел Гезевич продолжал уделять большое внимание изучению взаимосвязей между социальными и экономическими процессами, став инициатором масштабных исследований в этой сфере.

При этом, понимая необходимость более тесных связей между наукой и практикой, академик А.Г. Аганбегян предпринял целый ряд действий, сближающих эти две сферы деятельности. С одной стороны, были организованы регулярные и результативные экспедиции в разные регионы страны, прежде всего на российском Севере, по изучению социально-экономической ситуации (развив таким образом применительно к экономической сфере традиции великих российских естествоиспытателей В.И. Вернадского, А.Е. Ферсмана,

Б.Б. Голицына и других). Эти экспедиции и результаты их работы являлись составной частью деятельности научных советов по проблеме комплексного освоения природных ресурсов и развития производительных сил Сибири (программа «Сибирь») (зам. руководителя в 1979-1981 гг.) и по проблемам БАМа (председателем которого А.Г. Аганбегян был на протяжении 14 лет, с 1974 по 1987 г.). С другой стороны, на базе Специального факультета Новосибирского государственного университета А.Г. Аганбегян организовал и возглавил знаменитый «Клуб директоров», который работал десятки лет и в огромной мере способствовал взаимному обогащению отечественных экономистов-исследователей и экономистов-практиков. Именно в ходе этой многогранной деятельности, включая полевые исследования и плотное общение с различными хозяйственными руководителями, академик Аганбегян приобрел уникальный багаж знаний о реальной экономике, что предопределило его роль как выдающегося экономиста – аналитика и консультанта. Помноженные на собственные управленческие таланты, эти знания до сих пор позволяют ему видеть и понимать намного больше, чем профессиональный стандартный чиновник, топ-менеджер или бизнес-консультант.

Вернувшись в Москву по личному приглашению тогдашнего руководства страны в 1985 г., академик А.Г. Аганбегян возглавил сначала Комиссию по изучению производительных сил (КЕПС), по сути продолжив и развив начатое в программе «Сибирь»; затем Академию народного хозяйства (АНХ), где дополнительное образование получали действующие и перспективные управленцы-практики всех уровней, включая федеральный. В обеих организациях ему удалось существенно повысить их авторитет и значимость, при этом успешно продолжая близкие ему комплексные региональные и макроэкономические исследования и взаимодействие с талантливыми представителями отечественного бизнеса, помогая им как аналитик и консультант в организации значимых для российской экономики и населения проектов (особенно в сфере сельского хозяйства и здравоохранения).

В последние годы аналитический дар А.Г. Аганбегяна особенно ярко проявляется в его книгах и многочисленных статьях в научных и общественно-политических журналах, написание которых раньше просто было совсем мало времени; а также в блестящих публичных выступлениях на различных форумах, неизменно приковывающих внимание как специалистов, так и широкой общественности, интересующихся состоянием и перспективами развития нашей экономики. Продолжаются чтение лекций и консультации топ-управленцев из государственных структур и крупных корпораций из разных стран, в том числе с многочисленными выездами в удаленные отдаленные аудитории. Расстояния, так же как и природные и житейские трудности, никогда не были и сегодня не являются непреодолимым препятствием для Абела Гезевича, который всегда готов делиться своими уникальными опытом и знаниями с людьми, при этом с готовностью выслушать критику и предложения – как он любит говорить, его это обогащает. Те же, кому довелось и имеют возможность сегодня читать и слушать академика А.Г. Аганбегяна, не говоря о тех, кто имеет счастье с ним вместе работать и дружить, обоснованно считают, что им выпала большая удача встретиться с этим выдающимся экономическим аналитиком двух столетий.

**ТЕХНИКО-
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
АНАЛИТИКА**

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ СМЕНЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УКЛАДОВ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК

С.Ю. Глазьев

Вводная часть

До открытия технологических укладов развитие экономики не имело системного научно-технологического объяснения и представлялось, в зависимости от научной школы, как колебания экономической активности вокруг некоторого равновесного состояния, как последовательность меняющихся в связи с инновациями равновесных состояний, как процесс поступательного развития производительных сил, а для социалистических стран – как планомерный или оптимизационный процесс повышения эффективности экономики.

Взгляды представителей классической школы основываются на учении А.Смита о приросте «национального богатства», в котором экономический рост объясняется приростом факторов производства и увеличением их производительности в результате накопления капитала с его последующим инвестированием¹ (эта и последующие библиографические ссылки приведены в примечаниях). При этом игнорирование научно-технического прогресса (далее – НТП) привело классическое направление к ошибочной гипотезе о долгосрочной тенденции снижения нормы прибыли капитала (начиная с «закона убывающего плодородия почвы» Т. Мальтуса², не учитывающего способность НТП преодолеть ограниченность ресурсов), которая в пределе должна была привести к падению накопления и прекращению экономического роста. Это заблуждение разделял и К. Маркс³, который связывал тенденцию к снижению нормы прибыли с гипотезой о постоянном повышении органического строения капитала (уменьшение переменного капитала по сравнению с постоянным). Сводя НТП к повышению производительности

труда, марксистское учение повторяло ошибочную гипотезу о долгосрочной тенденции к снижению нормы прибыли, из которой делало вывод о том, что производство в капиталистической системе теряет стимул к росту, отчего последний замедляется вплоть до прекращения⁴.

Экономические школы маржиналистского направления придерживались статического равновесного подхода, уделяя мало внимания проблемам роста. Пытаясь объяснить экономический рост, А. Маршалл⁵ выделял уровень развития техники и производительность труда как один из основных факторов роста⁶, рассматривая при этом равномерный экономический рост, не выделяя НТП как фактор развития. Р. Солоу была предложена⁷ математическая модель производственной функции, включавшая НТП как фактор экономического роста наравне с объемом трудовых ресурсов и капитала. Эти построения упрощенно подходили к описанию экономического роста как стационарного процесса с экзогенно задаваемыми НТП и нормой сбережений.

Н.Д. Кондратьев развил теорию экономического роста⁸, опираясь на принцип динамического равновесия, рассматривая процесс долгосрочного экономического роста как последовательный переход от одних равновесий («концентроров») к другим на рынках товаров, труда и капитала, причем смена равновесий на первых двух рынках он относил к росту, а на последнем – к развитию, которое и обеспечивает существование больших циклов конъюнктуры. Однако вплоть до открытия закономерности периодической смены технологических укладов не были понятны причины и механизмы формирования этих циклов (длинных волн Кондратьева), обусловленных инерцией и синхронизацией роста технологически сопряженных производств в рамках жизненного цикла соответствующего технологического уклада.

Первую попытку создания теории экономического развития связывают с Й. Шумпетером⁹, который разграничил понятия роста и развития и охарактеризовал последнее как осуществление предпринимателями новых комбинаций средств производства. Учение Шумпетера о развитии весьма

размыто и трудно поддается квантификации, упрощенно трактует этот процесс как последовательную смену состояний равновесия.

С. Кузнец¹⁰ на основе эмпирических данных динамики производства и его структуры открыл закономерность, связывающую динамику показателей роста производства с жизненным циклом доминирующей в отрасли инновации. Однако он рассматривал развитие не как внутренний процесс воспроизводства экономики, а как последовательность революционных импульсов НТП, запускающих цикл экономической активности в нижней его точке экзогенным образом.

В современной экономической теории преобладает формальный подход к анализу экономического роста, основанный на неокейнсианской (модель Харрода – Домара) и неоклассической (модель роста Р. Солоу), а также посткейнсианской (модель Калдора) моделях¹¹, предложенных еще во второй половине прошлого века. Их суть заключается в формальном обосновании роста, но он не касается вопросов развития. Начиная с 1980-х предпринимались попытки формального включения НТП в модели роста. В их основе лежит принцип возрастающей отдачи (положительного внешнего эффекта): в модели П. Ромера¹² – от расходов на НИОКР; в модели Р. Лукаса¹³ – от инвестиций в человеческий капитал. Эти эконометрические подходы не вникают во внутренний механизм развития экономики, рассматривают ее рост как стационарный одномерный процесс. Поэтому они оказались не способны предвидеть структурные кризисы мировой экономики, объяснить неравномерность ее развития, предложить практические рекомендации по управлению этим процессом.

Открытие закономерности периодической смены технологических укладов позволило раскрыть внутренний механизм развития производственно-технологической системы на национальном и мировом уровнях и объяснить неравномерность экономического роста. Наряду с работами Кондратьева, теоретические предпосылки для открытия технологических укладов были созданы: экономической теорией на-

учно-технического прогресса (Львов, Мэнсфилд, Варшавский, Сахал, Денисон), изучавшей влияние НТП на экономический рост; эволюционной экономикой (Нельсон, Винтер), рассматривающей развитие экономики как нелинейный процесс смены сложившихся рутинных практик хозяйственного поведения; теорией развития и смены вековых системных циклов накопления капитала (Арриги); теорией длинных волн (Фримен, Меньшиков, Клименко), изучающей различные проявления длинных циклов Кондратьева в развитии экономики, включая формирование технологических траекторий (Доси, Грублер, Маркетти) и технико-экономических парадигм (Перес); моделями межотраслевых взаимодействий (Яременко), характеризующими техническую разнородность экономики; теорией воспроизводственных контуров (Данилов-Данильян), раскрывающей структуру воспроизводства экономики; теорией научно-производственного цикла (Яковец, Комков), раскрывающей нелинейность процессов технико-экономического развития.

В отличие от предыдущих представлений, основанных на статичном видении экономики как совокупности отраслей, обменивающихся продуктами своей деятельности в стационарном режиме функционирования, представление о развитии экономики как о процессе последовательной смены технологических укладов позволило выявить закономерности структурных изменений, происходящих в экономике вследствие научно-технического прогресса и порождающих длинные волны конъюнктуры Кондратьева. Это дало возможность объяснить периодически происходящие затяжные депрессии, обусловленные сменой технологических укладов в капиталистической экономике, а также открыть явление технологической многоукладности в экономике СССР и объяснить причины замедления ее роста. Доказано, что смена технологических укладов сопровождается обесценением производительного капитала в устаревающих производствах, образованием финансовых пузырей вследствие оттока капитала из реального сектора экономики в финансовый, резким повышением значения роли государства в стимулировании

инвестиционной и инновационной активности в перспективных направлениях роста нового технологического уклада. Показано, что в этот период передовые страны переживают глубокий экономический кризис, а для отстающих стран возникает возможность экономического рывка за счет своевременного освоения производств нового технологического уклада. На этом основании были проведены измерения технико-экономического развития отечественной и ведущих зарубежных экономик, раскрыты особенности их воспроизводства и проблемы роста, а также обоснованы рекомендации по формированию стратегии развития отстающих стран на основе опережающего роста нового технологического уклада в период его смены в развитых странах. В частности, разработана стратегия выхода российской экономики из нынешнего депрессивного состояния на траекторию быстрого устойчивого роста и опережающего развития.

1. Технологические уклады – это группы совокупностей технологически сопряженных производств, выделяемых в технологической структуре экономики, связанные друг с другом однотипными технологическими цепями и образующие воспроизводящиеся целостности. Каждый такой уклад представляет собой целостное и устойчивое образование, в рамках которого осуществляется полный макропроизводственный цикл, включающий добычу и получение первичных ресурсов, все стадии их переработки и выпуск набора конечных продуктов, удовлетворяющих соответствующему типу общественного потребления.

Технологический уклад, рассматриваемый в динамике функционирования, представляет собой воспроизводственный контур, включающий совокупность базовых технологий нового технологического уклада, развивающихся и воспроизводящихся синхронно. В статике технологический уклад может быть охарактеризован как совокупность близких по техническому уровню производств, т.е. как хозяйственный уровень.

Технологический уклад характеризуется близким техническим уровнем составляющих его производств, связанных вертикальными и горизонтальными потоками качественно однородных ресурсов, использующих соответствующей квалификации рабочую силу и опирающихся на общий научно-технический потенциал.

Технологический уклад обладает сложной внутренней структурой, формирующейся в процессе его развития. Ключевую роль в его развитии играют базисные нововведения, определяющие формирование ядра технологического уклада и революционизирующие технологическую структуру экономики. Производства, интенсивно использующие продукцию ядра технологического уклада и играющие ведущую роль в его распространении, составляют его несущие отрасли. Образующие технологический уклад технологические цепи охватывают совокупности технологически сопряженных производств (технологические совокупности) всех уровней переработки ресурсов и замыкаются на соответствующий тип непроизводственного потребления. Последний, завершая воспроизводственный контур технологического уклада, служит одновременно важнейшим источником его расширения, обеспечивая воспроизводство трудовых ресурсов соответствующей квалификации.

Прочность связей между входящими в один технологический уклад производствами обусловлена требованиями качественного соответствия сопряженных технологических процессов. Жесткое сцепление элементов технологической совокупности предполагает ее техническую однородность (примерно одинаковые технический уровень производства, качество продукции, сырья и материалов, квалификация занятых, культура организации труда, развитие по согласованным технологическим траекториям). Включение в технологическую совокупность производств, резко отличающихся по своему техническому уровню от остальных, обычно является весьма сложным и экономически невыгодным мероприятием, так как требует либо реконструкции смежных процессов

(если внедряемая технология превосходит их по техническому уровню), либо чревато падением эффективности производства по всей технологической совокупности и снижением качества ее конечной продукции (при внедрении технологий сравнительно низкого уровня).

Технологическая сопряженность входящих в технологическую совокупность производственных процессов обуславливает синхронизацию их развития. Возникновение, расширение, стабилизация и упадок производств, входящих в одну технологическую совокупность, происходит более или менее одновременно. Возникновение новых цепочек сопряженных технологических процессов вследствие внутренней целостности технологической совокупности означает вытеснение старых. Поэтому любые серьезные нововведения внутри технологической совокупности принимают характер ее реконструкции на новой технической основе, которая может означать появление новой технологической совокупности.

Как правило, каждая технологическая совокупность связана со многими смежными, соединяя таким образом определенное множество технологических цепей. Последние распределены в технологическом пространстве не равномерно, а в виде пучков связанных друг с другом в узловых технологических совокупностях однотипных цепей. Их однотипность означает взаимодополняемость изготавливаемых продуктов, замкнутость на один тип потребления, ориентацию на ресурсы приблизительно одинакового качества, общую культуру производства и технический уровень производственных процессов, использование в качестве основных одинаковых конструкционных материалов и энергоносителей, средств транспорта и связи.

В процессе своего развития сопряженные технологические совокупности приспосабливаются к потребностям друг друга. Естественное стремление субъектов хозяйствования к стабильности производства придает кооперационным связям между технологическими совокупностями воспроизводя-

щийся характер. В экономике складываются устойчивые технологические цепи, которые объединяют сопряженные друг с другом технологические совокупности, осуществляющие последовательные переделы определенного набора ресурсов от добычи полезных ископаемых до производства предметов конечного потребления.

Охарактеризованное выше представление технологической структуры экономики позволяет описать процесс технологических изменений следующим образом. Развитие любой технологической системы начинается с внедрения соответствующего базисного нововведения, сопровождающегося впоследствии необходимыми дополняющими нововведениями. Базисные нововведения радикально отличаются от традиционного технологического окружения; эффективное функционирование созданных на их основе технологических систем требует организации новых смежных производств. Таким образом, диффузия базисного нововведения сопровождается формированием новой технологической совокупности. Ее эффективное функционирование в свою очередь может быть обеспечено лишь в адекватном производственно-технологическом окружении, т.е. в рамках соответствующего технологического уклада.

Поскольку каждая совокупность технологически сопряженных производств посредством пронизывающих ее технологических цепей оказывается более или менее жестко связанной с другими технологическими совокупностями, постольку происходящие в ней изменения, с одной стороны, ограничены способностями смежных технологических совокупностей усваивать эти изменения, а с другой стороны, сами генерируют в их структуре соответствующие изменения. Из этого следует, что составляющие технологический уклад производственно-технологические системы изменяются более или менее синхронно. Развитие и расширение каждого технологического процесса обусловлено развитием всей группы сопряженных технологических систем. Восходящее технико-экономическое развитие достигается путем станов-

ления новых технологических цепей, складывающихся на основе сопряженных технологических совокупностей и объединяющихся в новые технологические уклады.

Технологический уклад формируется в рамках всей экономической системы, охватывая все стадии переработки ресурсов и соответствующий тип непроизводственного потребления, образуя макроэкономический воспроизводственный контур. Таким образом, каждый технологический уклад является самовоспроизводящейся целостностью, вследствие чего техническое развитие экономики не может происходить иначе, как путем последовательной смены технологических укладов.

При этом отношения между одновременно существующими технологическими укладами противоречивы: с одной стороны, материальные условия для становления каждого из них формируются в результате развития предыдущего, а с другой – между одновременно существующими технологическими укладами неизбежно происходит конкуренция за ограниченные ресурсы. Развитие нового технологического уклада опирается на производственный потенциал, созданный в ходе предшествовавшего этапа технико-экономического развития. Он не только использует энергоносители, конструкционные материалы, сырьевые ресурсы, массовый уровень потребления которых был достигнут в результате развития предшествующего технологического уклада, но и приводит технологические совокупности последнего в соответствие с собственными потребностями и в преобразованном виде интегрирует их в свой воспроизводственный контур. При этом воспроизводственный контур нового технологического уклада формируется не сразу. В начальной фазе его развития возникающие в результате внедрения базисных нововведений технологические совокупности не образуют самовоспроизводящейся целостности и остаются некоторое время сопряженными с технологическими совокупностями предыдущего технологического уклада. Лишь постепенно, с формированием новых или реконструкцией традицион-

ных технологических совокупностей складывается целостный воспроизводственный контур нового технологического уклада.

Формирование воспроизводственного контура нового технологического уклада – длительный процесс, имеющий два качественно разных этапа. Первый этап – появление его ключевого фактора и ядра в условиях доминирования предшествующего технологического уклада, который объективно ограничивает становление производств нового технологического уклада потребностями собственного расширенного воспроизводства. С исчерпанием экономических возможностей этого процесса наступает второй этап, который начинается с замещения доминирующего технологического уклада новым и продолжается затем в виде новой длинной волны экономической конъюнктуры. Период между завершением первого и началом второго этапа характеризуется экономической депрессией, в ходе которой происходит структурная перестройка экономики. В этот период оставшийся после обесценения в устаревших производствах капитал, трудовые и другие ресурсы перетекают в технологические совокупности нового технологического уклада. По мере формирования его воспроизводственного контура начинается новая длинная волна экономического роста.

2. Достоверность существования технологических укладов и представления развития экономики как последовательного процесса смены их жизненных циклов доказываются эмпирическими исследованиями динамики соответствующих показателей технико-экономического развития. В результате проведения измерений технологических сдвигов, связанных с ростом различных технологических укладов, удалось показать, что жизненный цикл технологического уклада (ТУ) охватывает более полувека с двумя явно выраженными всплесками в его развитии (рис. 1) и образует содержание соответствующего этапа технико-экономического развития.

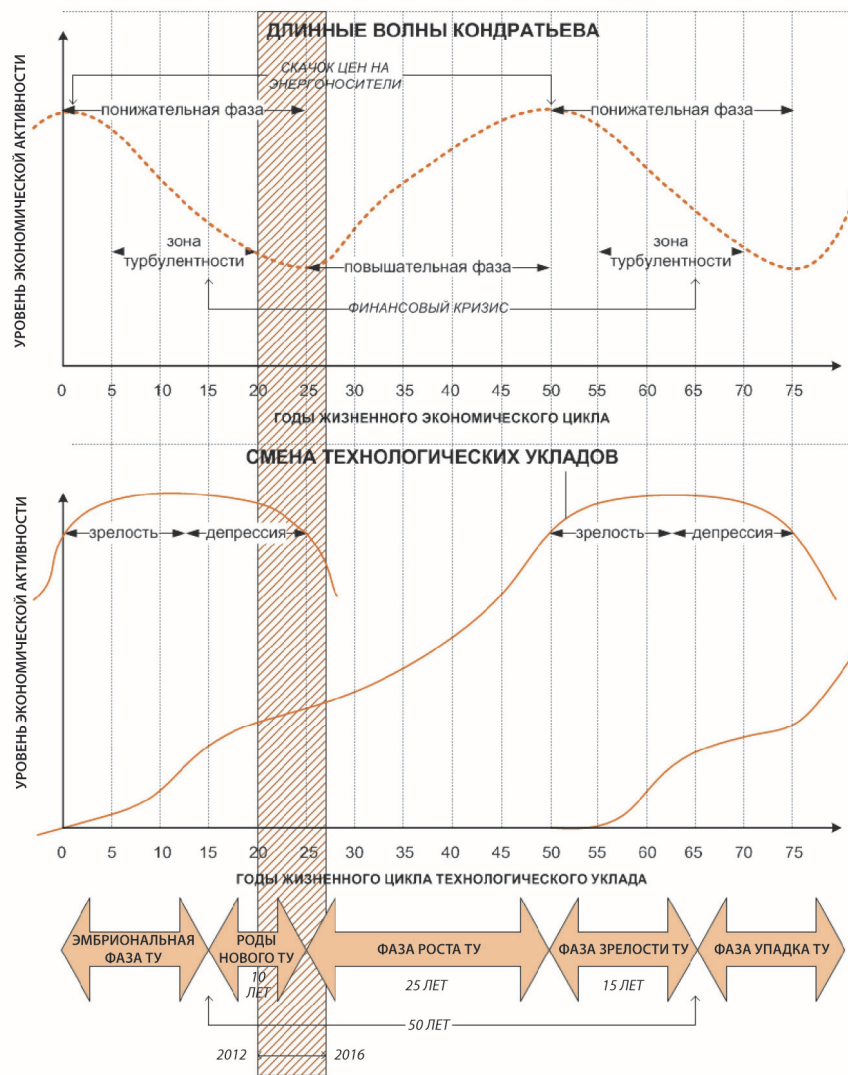

Рис. 1. Жизненный цикл технологического уклада

Источник: рисунок автора.

В силу охарактеризованных выше закономерностей технико-экономического развития и воспроизводства общественного капитала жизненный цикл технологического уклада на поверхности экономических явлений отражается в форме длинной волны экономической конъюнктуры с фазами, соответствующими этапам этого цикла. Фаза депрессии соответствует этапу зарождения соответствующего технологического уклада, фаза оживления – этапу его становления, фаза подъема длинной волны – этапу его роста, фаза рецессии – этапу его зрелости, характеризующемуся исчерпанием возможностей дальнейшего экономического роста, продолжение которого становится возможным с переходом к новому технологическому укладу.

Достоверность выявленной закономерности периодической смены технологических укладов подтверждается циклическостью НТП. На разных фазах жизненного цикла технологического уклада меняется соотношение эволюционного и революционного, фондо- и трудосберегающего НТП, специализированных и универсальных, диверсифицированных и концентрированных производств. В разных технологических укладах эти соотношения воспроизводятся на меняющейся технологической основе. Концентрация производства на основе комплексной автоматизации отличается от концентрации на основе конвейерных линий. Но общий механизм, обеспечивающий циклические колебания указанных соотношений, остается в принципе неизменным в течение последних трех столетий.

Фаза роста нового технологического уклада сопровождается не только снижением издержек производства, которое происходит особенно быстро с формированием его воспроизводственного контура, но и перестройкой экономических оценок в соответствии с условиями его воспроизводства. Изменение соотношения цен способствует повышению эффективности составляющих новый технологический уклад технологий, а с вытеснением традиционного технологического

уклада – эффективности всего общественного производства. Наиболее четко эти изменения проявляются в периодически происходящих колебаниях цен на энергоносители – с резкого повышения этих цен начинается падение эффективности доминирующего технологического уклада и процесс его замещения новым, более эффективным.

По мере роста последнего энергоемкость общественно-го производства снижается, падает спрос на энергоносители, снижаются цены на них, а также на энергоемкие материалы и сырье, что создает благоприятные условия для возобновления экономического роста на основе нового технологического уклада.

В дальнейшем с насыщением соответствующих общественных потребностей, снижением потребительского спроса и цен на продукцию данного технологического уклада, а также с исчерпанием технических возможностей совершенствования и удешевления составляющих его производств рост эффективности общественного производства замедляется. В заключительной фазе жизненного цикла данного технологического уклада, совпадающей с фазой зарождения следующего, происходит дальнейшее снижение темпов роста, а также относительное, а во многих сферах и абсолютное снижение рентабельности производства.

Вследствие сопряженности составляющих технологический уклад производств и их синхронного развития падение эффективности их технических усовершенствований происходит более или менее одновременно, отражаясь в замедлении темпов технического развития экономики и снижении показателей, отражающих «вклад» НТП в прирост совокупного общественного продукта. В ходе жизненного цикла следующего технологического уклада колебания эффективности общественного производства, различных структурных соотношений и пропорций повторяются вновь.

Открытие закономерности периодической смены технологических укладов позволяет объяснить неравномерность

и неравновесность процесса развития экономики, обусловленную динамикой соответствующих технологических изменений. Новый технологический уклад зарождается, когда в экономической структуре еще доминирует предшествующий, и его развитие сдерживается неблагоприятной технологической и социально-экономической средой. Лишь с достижением доминирующим технологическим укладом пределов роста и падением прибыльности составляющих его производств начинается массовое перераспределение ресурсов в технологические цепи нового технологического уклада.

Открытие закономерности периодической смены технологических укладов подтверждается периодически происходящими технологическими революциями, в ходе которых происходит резкий рост инновационной активности, быстрое повышение эффективности производства, социально-экономическое признание новых технологических возможностей, изменение ценовых пропорций в соответствии со свойствами новой технологической системы. Технологическая революция сопровождается массовым обесценением капитала, задействованного в производствах устаревшего технологического уклада, их сокращением, ухудшением экономической конъюнктуры, углублением внешнеторговых противоречий, обострением социальной и политической напряженности. На поверхности экономических явлений этот период выглядит как глубокая депрессия, сопровождающаяся ухудшением макроэкономических индикаторов – падением или снижением темпов роста ВВП и промышленного производства, увеличением безработицы.

Закономерность смены технологических укладов подтверждается в периодически происходящих изменениях в социальных и институциональных системах, а также в системах управления производством, которые приводят профессиональные навыки граждан и менеджмент организаций в соответствие с новыми условиями и снимают тем самым социальную напряженность, а также способствуют массовому

внедрению технологий нового технологического уклада, соответствующего ему типа потребления и образа жизни. После этого начинается фаза быстрого расширения нового технологического уклада, который становится основой ускоряющегося экономического роста и занимает доминирующее положение в структуре экономики. В фазе роста нового уклада большинство технологических цепей предшествующего перестраиваются в соответствии с его потребностями. В это же время зарождается следующий, новейший, технологический уклад, который пребывает в эмбриональной фазе до достижения доминирующим технологическим укладом пределов роста, после чего начинается очередная технологическая революция.

Смена технологических укладов проявляется в структурных сдвигах в энергопотреблении и на транспорте.

Каждый новый технологический уклад в своем развитии поначалу использует сложившуюся транспортную инфраструктуру и энергоносители, чем стимулирует их дальнейшее расширение; при этом фаза его быстрого роста сопровождается циклическим увеличением производства и потребления ВВП, а также его энергоемкости по сравнению с долгосрочным трендом. По мере развития очередного технологического уклада создается новый вид инфраструктуры, преодолевающий ограничения предыдущего, а также осуществляется переход на новые виды энергоносителей, которые закладывают ресурсную основу для становления следующего технологического уклада.

В процессе смены технологических укладов изменяется структура спроса на научные открытия и изобретения. Многие из них остаются длительное время невостребованными, поскольку «не вписываются» в производственно-технологические системы доминирующего технологического уклада. Лишь с исчерпанием возможностей его роста возникает потребность в принципиально новых технологиях, конкурентный отбор которых формирует основы новых технологических траекторий.

Такая «дискретность» спроса на новые технологии подтверждает открытую закономерность периодической смены технологических укладов. Предпосылки их появления создаются заблаговременно в виде соответствующих заделов в НИОКР, опытных производствах, базисных технологиях. Ко времени, когда традиционные технологические возможности расширения капитала вследствие насыщения соответствующих потребностей и достижения пределов в повышении эффективности производства оказываются исчерпанными, указанные предпосылки реализуются, превращаясь из потенциальных способов вложения капитала в реальные.

Представление долгосрочного технико-экономического развития как процесса смены технологических укладов позволяет проводить измерения процессов долгосрочного экономического развития. Результаты этих измерений с использованием материалов конкретно-исторических эмпирических исследований мировой и российской экономики выявили становление и смену пяти технологических укладов, включая доминирующий в настоящее время информационно-электронный технологический уклад (рис. 2), а также позволили раскрыть структуру нового технологического уклада, развитие которого будет определять экономический рост в ближайшие 2-3 десятилетия (рис. 3).

В табл. 1 и 2 отражены хронология и основные характеристики технологической и институциональной структуры последовательно сменявших друг друга с конца XVIII века технологических укладов. В этой классификации этапов глобального технико-экономического развития проявляется верификация гипотезы о периодической смене технологических укладов, жизненный цикл каждого из которых проявляется в соответствующих длинных волнах конъюнктуры Кондратьева, экономических, технологических и институциональных изменениях.

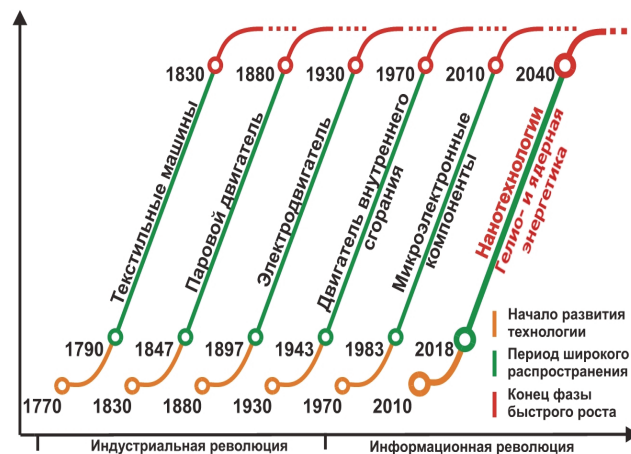

Рис. 2. Смена технологических укладов в ходе современного экономического развития с указанием их ключевых технологий преобразования энергии в работу

Рис. 3. Структура нового (VI) технологического уклада

Источник: О стратегии развития экономики России. Научный доклад. – М.: Национальный институт развития, 2011.

Таблица 1

Хронология и характеристики технологических укладов

Характеристики уклада	Номер технологического уклада					
	1	2	3	4	5	6
Период доминирования	1770–1830	1830–1880	1880–1930	1930–1970	1970 – 2010	2010–2050
Технологические лидеры	Великобритания, Бельгия	Великобритания, Франция, Германия, США	Германия, США, Великобритания, Франция	США, СССР, Западная Европа, Япония	США, ЕС, Япония	США, ЕС, Китай, Япония, Россия (?)
Развитые регионы	Европа	Европа	Европа и Россия, Северная Америка, Япония	Европа и СССР, Северная Америка, Япония, новые индустриальные страны (НИС)	Европа и Россия, Северная Америка, НИС, Бразилия, Австралия	Евразия, Америка, Австралия
Ядро технологического уклада	Текстильная промышленность, текстильное машиностроение, выплавка чугуна, обработка железа, строительство каналов, водной двигатель	Паровой двигатель, железнодорожное строительство, транспорт, машиностроение, паростроение, угольная, станкоинструментальная промышленность, черная металлургия	Электротехническое, тяжелое машиностроение, производство и прокат стали, линии электропередач, неорганическая химия	Автомобильное, тракторостроение, цветная металлургия, производство товаров длительного пользования, синтетические материалы, органическая химия, производство и переработка нефти	Электронная промышленность, вычислительная, опτικο-волоконная техника, программное обеспечение, телекоммуникации, роботостроение, производство и переработка газа, информационные услуги	Нанoeлектроника, молекулярная и нанофотоника, наноматериалы и наноструктурированные покрытия, нанобиотехнология, наносистемная техника

Окончание табл. 1

Характеристики уклада	Номер технологического уклада					
	1	2	3	4	5	6
Период доминирования	1770–1830	1830–1880	1880–1930	1930–1970	1970 – 2010	2010–2050
Ключевой фактор	Текстильные машины	Паровой двигатель, станки	Электродвигатель	Двигатель внутреннего сгорания, нефтехимия	Микроэлектронные компоненты	Нанотехнологии, клеточные технологии
Формирующееся ядро нового уклада	Паровые двигатели, машиностроение	Электроэнергетика, тяжелое машиностроение, неорганическая химия	Автомобилестроение, органическая химия, производство и переработка нефти, цветная металлургия, автодорожное строительство	Радиоэлектроника, авиастроение, газовая промышленность	Нанотехнологии, молекулярная биология, геномная инженерия	–
Преимущества данного технологического уклада по сравнению с предшествующим	Механизация и концентрация производства на фабриках	Рост масштабов и концентрации производства на основе использования парового двигателя	Повышение гибкости производства на основе использования электродвигателя, стандартизация производства, урбанизация	Массовое и серийное производство	Индивидуализация производства и потребления, повышение гибкости производства	Резкое снижение энерго- и материальных затрат на производство, конструирование материалов и организмов с заранее заданными свойствами

Таблица 2

Институциональная структура технологических укладов

Социально-экономические характеристики укладов	Номер технологического уклада					
	1	2	3	4	5	6
Режимы экономического регулирования в странах-лидерах	Разрушение феодальных монополий, ограничение профессиональных союзов, свобода торговли	Свобода торговли, ограничение государственного вмешательства, появление отраслевых профессиональных союзов. Формирование социального государства, законодательство	Расширение институтов государственного регулирования. Государственная собственность на естественные монополии, новые виды инфраструктуры, в том числе социальной	Развитие государственных институтов социального обеспечения, военного промышленного комплекса. Кейнсианское государственное регулирование экономики	Государственное стимулирование НИОКР, рост расходов на образование и науку, либерализация регулирования финансовых институтов и рынков капитала	Стратегическое планирование научно-технического и экономического развития. Электронное правительство. Институты развития и фонды финансирования инновационной активности
Международные режимы экономического регулирования	Сочетание протекционизма внутренней и свободы внешней торговли	Свобода международной торговли. Государственная поддержка национальных монополий в области торговли	Империализм и колонизация	Экономическое и военное доминирование США и СССР	Доминирование финансовых институтов США. Региональные блоки, либеральная глобализация	Становление институтов глобального регулирования. Глобализация. Полнота мировой финансовой системы

Продолжение табл. 2

Социально-экономические характеристики укладов	Номер технологического уклада					
	1	2	3	4	5	6
Основные экономические институты	Конкуренция отдельных предприятий и мелких фирм, их объединение в партнерства, обеспечивающие кооперацию индивидуального капитала	Концентрация производства в крупных организациях. Развитие акционерных обществ, обеспечивающих концентрацию капитала на принципах ограниченной ответственности	Слияние фирм, концентрация производства в картелях и трестах. Господство монополий и олигополий. Концентрация финансового капитала в банковской системе. Отделение управления от собственности	Транснациональная корпорация, олигополии на мировом рынке. Вертикальная интеграция и концентрация производства. Дивизиональный иерархический контроль и доминирование техноструктуры в организациях	Международная интеграция на основе информационных технологий, интеграция производства и сбыта. Органичные структуры управления в корпорациях	Стратегические альянсы. Интеграционные структуры бизнеса, науки и образования, технопарки, государственное партнерство
Организация инновационной активности в странах-лидерах	Организация научных исследований в национальных академиях и научных обществах, местных научных и инженерных обществах	Формирование научно-исследовательских институтов. Ускоренное развитие профессионального образования и его интернационализация	Создание внутрифирменных научно-исследовательских отделов. Использование ученых и инженеров с университетским образованием в производстве	Специализированные и научно-исследовательские отделы на фирмах. Государственное субсидирование военизированных научных исследований и опытно-	Горизонтальная интеграция НИОКР, проектирования производства. Вычислительные сети и совместные исследования. Государственная поддержка новых	Переход к непрерывному инновационному процессу, отнесение расходов на НИОКР на себестоимость продукции.

Окончание табл. 2

Социально-экономические характеристики укладов	Номер технологического уклада					
	1	2	3	4	5	6
	Индивидуальное инженерное и изобретательское предпринимательство и партнерство. Профессиональное обучение кадров	Формирование национальных и международных систем охраны интеллектуальной, собственности	Национальные институты и лаборатории. Всеобщее начальное образование	конструкторских работ. Вовлечение государства в сферу гражданских НИОКР. Развитие среднего, высшего и профессионального образования	технологий и университетское промышленное сотрудничество. Всеобщее высшее образование	Коммерциализация науки и научно-производственная интеграция. Компьютерное управление жизненным циклом продукции

Источник: Глазьев С. Теория долгосрочного технико-экономического развития. – М.: ВлаДар, 1993.

Результаты конкретно-исторических эмпирических исследований выявили структуру, факторы роста, преимущества, режимы экономического регулирования, основные институты и организационные модели воспроизводства каждого из пяти выявленных технологических укладов. На основе обработки методом главных компонент десятков показателей развития четвертого и пятого технологических укладов была построена обобщенная характеристика их роста в ведущих странах мира и СССР (рис. 4, 5).

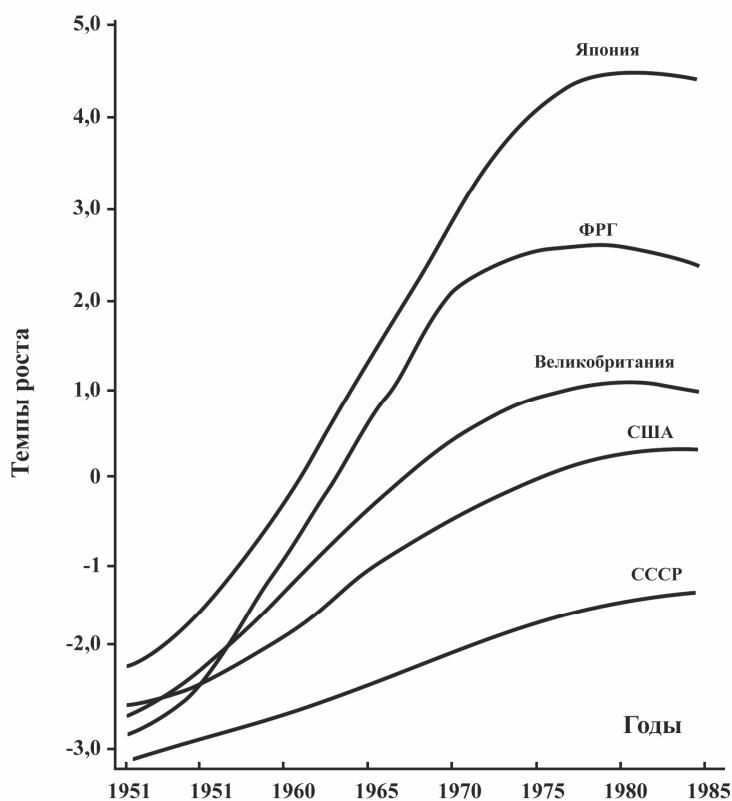

Рис. 4. Обобщенный показатель роста четвертого ТУ

Источник: Глазьев С. Теория долгосрочного технико-экономического развития. – М.: ВладДар, 1993.

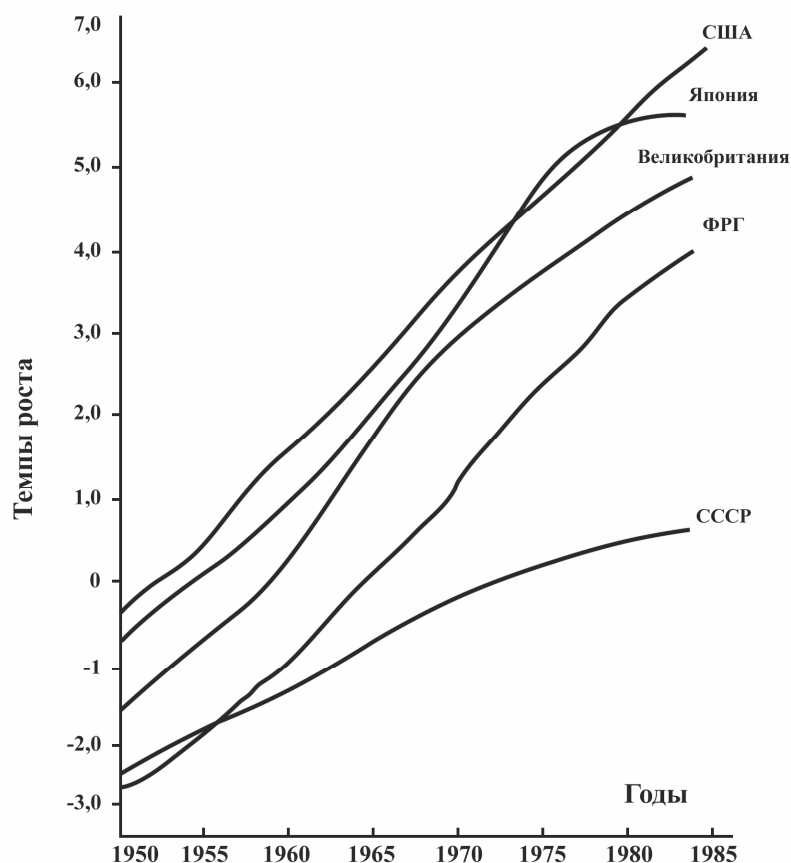

Рис. 5. Обобщенный показатель роста пятого ТУ

Источник: Глазьев С. Теория долгосрочного технико-экономического развития. – М.: ВлаДар, 1993.

Проведенный межстрановой количественный анализ траекторий роста указанных технологических укладов показал, что техническое развитие нашей экономики проходило по той же траектории, что и других стран. При этом оно было существенно более медленным. Относительно более низкие темпы технического развития советской экономики

объяснялись ее воспроизводящейся технологической многоукладностью, затруднявшей своевременное перераспределение ресурсов в освоение новых технологий. К началу 1990-х гг. одновременное воспроизводство III, IV и V технологических укладов, существовавших в советской экономической структуре, стабилизировалось.

В отличие от развитых капиталистических стран, где с середины 1980-х гг. быстро расширялся V ТУ, темпы его роста в экономике СССР в это время резко упали. Произошел качественный скачок в накоплении диспропорций, обусловленных воспроизводящейся технологической многоукладностью советской экономики. Одновременное расширенное воспроизводство трех технологических укладов вследствие общих ресурсных ограничений привело в середине 1970-х гг. к снижению темпов роста каждого из них, включая новый (пятый), а также общих темпов экономического роста и резко к замедлению прогрессивных структурных сдвигов.

После перехода к рыночной экономике, несмотря на общую технологическую деградацию российской экономики, вес пятого технологического уклада в ее структуре увеличился, наметилось сокращение отставания в области потребления его продукции (рис. 6). Происходило это главным образом за счет роста импорта вычислительной техники и информационных технологий, в то время как собственное производство оставалось незначительным.

Произошедший в нулевые годы всплеск цен на нефть и другие энергоносители свидетельствует о достижении пятым технологическим укладом пределов роста. Достоверность открытия закономерности периодической смены технологических укладов подтверждается предсказанными на ее основе колебаниями цен на нефть, произошедшим раздуванием и схлопыванием финансовых пузырей, падением темпов экономического роста, финансовым кризисом и депрессией в передовых странах, преодоление структурного кризиса в которых происходит в настоящее время благодаря росту нового, шестого, технологического уклада. Измерения распространения его ключевых технологий позволяют констатиро-

вать прохождение новым технологическим укладом фазы родов с выходом в ближайшее время в фазу роста, в которой он займет доминирующее положение в экономике передовых стран и обеспечит вывод их на новую длинную волну Кондратьева.

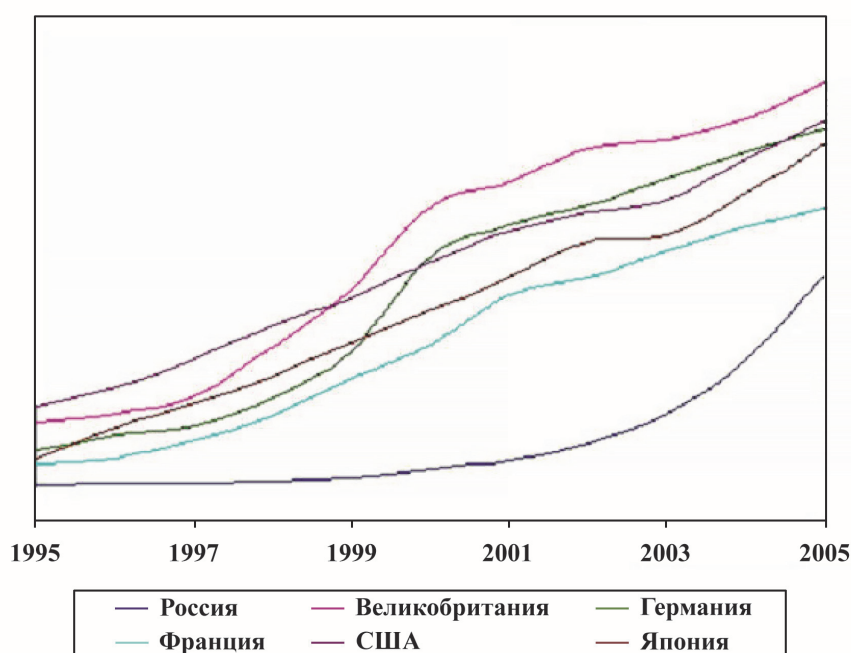

Рис. 6. Обобщенный показатель роста пятого технологического уклада в фазе зрелости

Источник: Возможности и ограничения технико-экономического развития России в условиях структурных изменений мировой экономики. Научный доклад. – М.: ГУУ, 2008.

Охарактеризованные выше результаты измерений, классификация и описание технологических укладов, состоявшиеся прогнозы связанных с их сменой технологических сдвигов в настоящее время подтверждают достоверность открытия закономерности периодической смены технологи-

ских укладов в развитии мировой и национальных экономик. Это создает научную основу для долгосрочного прогнозирования процесса технико-экономического развития, выбора приоритетных направлений НТП и формирования стратегии развития национальной экономики.

3. Область научного и практического значения открытия закономерности развития и смены технологических укладов состоит в следующем.

1. Меняет представление о долгосрочном экономическом развитии.

Если ранее развитие экономики представлялось как линейный равномерный стационарный процесс повышения ее эффективности вокруг некоторого равновесного состояния, то с открытием закономерности смены технологических укладов становится понятным принципиально неравновесный, нелинейный и неравномерный характер долгосрочного развития как мировой, так и национальных экономик.

2. Объясняет неравномерность развития экономики, периодически происходящие затяжные депрессии и глубокие кризисы.

В долгосрочном развитии экономики передовых стран выделяются этапы подъема экономики на основе фазы роста доминирующего технологического уклада (около четверти века) и этапы ее структурной перестройки при смене технологических укладов (около полутора десятилетия), сопровождающиеся депрессиями, кризисами, финансовой турбулентностью, высокой неопределенностью и политической напряженностью.

3. Доказывает отсутствие пределов экономического роста, которые преодолеваются при смене технологических укладов.

Длительный период стабильного роста доминирующего технологического уклада создает иллюзию бескризисного развития экономики, которая переходит в ощущение пределов роста по мере завершения его жизненного цикла. В дей-

ствительности, эти пределы роста преодолеваются за счет становления нового технологического уклада, которое обеспечивает многократное повышение эффективности, снижение энергоемкости и материалоемкости экономики, повышение производительности труда и качества жизни населения.

4. Позволяет достоверно прогнозировать долгосрочные технологические изменения в мировой и национальных экономиках, выявлять перспективные направления экономического роста.

В настоящее время происходит становление нового, шестого технологического уклада. Сегодня формируются ключевые направления экономического роста в долгосрочной перспективе. Своевременное развитие ключевых производств шестого технологического уклада закладывает сравнительные преимущества, которые будут определять геоэкономическую конкуренцию до середины XXI века. Уже определились его ключевые направления: биотехнологии, основанные на достижениях молекулярной биологии и генной инженерии, нанотехнологии, системы искусственного интеллекта, глобальные информационные сети и интегрированные высокоскоростные транспортные системы. Дальнейшее развитие получают гибкая автоматизация производства, космические технологии, производство конструкционных материалов с заранее заданными свойствами, атомная промышленность, авиаперевозки. Рост атомной энергетики и потребления природного газа будет дополнен расширением сферы использования водорода в качестве экологически чистого энергоносителя, существенно расширится применение возобновляемых источников энергии.

Произойдет еще большая интеллектуализация производства, переход к непрерывному инновационному процессу в большинстве отраслей и непрерывному образованию в большинстве профессий. Завершится переход от «общества потребления» к «интеллектуальному обществу», в котором важнейшее значение приобретут требования к качеству жизни и комфортности среды обитания. Производственная сфера перейдет к экологически чистым и безотходным технологи-

ям. В структуре потребления доминирующее значение будут иметь информационные, образовательные, медицинские услуги, обеспечивающие воспроизводство человеческого капитала.

Переход к шестому технологическому укладу совершается через очередную технологическую революцию, кардинально повышающую эффективность основных направлений развития экономики. Стоимость производства и эксплуатации средств вычислительной техники на нанотехнологической основе снизится еще на порядок, многократно возрастут объемы ее применения в связи с миниатюризацией и приспособлением к конкретным потребительским нуждам. Медицина получит в свое распоряжение технологии борьбы с болезнями на клеточном уровне, предполагающие точную доставку лекарственных средств в минимальных объемах и с максимальным использованием способностей организма к регенерации. Наноматериалы обладают уникальными потребительскими свойствами, создаваемыми целевым образом, в том числе для многократного повышения прочности, износостойкости, надежности создаваемых из них изделий. Трансгенные культуры многократно снижают издержки, повышают эффективность и улучшают потребительские качества фармацевтического и сельскохозяйственного производства. Генетически модифицированные микроорганизмы будут использоваться для извлечения металлов и чистых материалов из горнорудного сырья, революционизируя химико-металлургическую промышленность. В машиностроении на основе системы «нанокomпьютер–наноманипулятор» создаются сборочные автоматизированные комплексы и 3D принтеры, способные собирать любые макроскопические объекты по заранее снятой либо разработанной трехмерной сетке расположения атомов. С развитием наномедицинских роботов, методов адресной доставки лекарств к пораженным участкам организма, клеточных технологий в медицине кардинально расширяются возможности профилактического лечения и продления человеческой жизни.

5. Создает научную основу для формирования стратегии развития национальной экономики. В частности, в отношении отечественной экономики – стратегию опережающего развития на основе форсированного роста нового технологического уклада.

С учетом перехода нового технологического уклада в фазу роста и состояния российской экономики разработана стратегия ее опережающего развития, предусматривающая приоритетное значение роста производств нового технологического уклада на основе активизации имеющегося научно-технического потенциала. Именно в такой период смены технологических укладов для отстающих стран открываются возможности для рывка на передовой уровень развития экономики. Это требует концентрации ресурсов на развитие тех производств ядра нового технологического уклада, в которых имеются заделы мирового уровня. Необходимо также стимулирование инновационной активности в целях динамического наверстывания отставания в тех производствах ядра нового технологического уклада, в которых имеется незначительное отставание от передового в мире уровня. Все это требует стимулирования спроса на продукцию нового технологического уклада, в том числе через госзакупки, а также обеспечение финансирования роста ее производства посредством долгосрочного доступного кредита.

6. Определяет требования к системе регулирования экономики и макроэкономической политике.

Исходя из приоритета опережающего роста нового технологического уклада и модернизации на этой основе российской экономики, с учетом ее возможностей подготовлены предложения по реализации стратегии опережающего развития. Они включают: развертывание системы стратегического и индикативного планирования, механизмов долгосрочного кредитования роста перспективных производств нового технологического уклада, форм частно-государственного партнерства в достижении поставленных целей модернизации и роста экономики на передовой технологической основе. При

этом должны учитываться соответствующие новому технологическому укладу методы управления.

Выводы.

Автором сквозь призму длинных волн Кондратьева разработана эволюционная теория долгосрочного экономического развития как нелинейного и неравновесного процесса становления, роста и смены целостных макроэкономических комплексов технологически сопряженных производств – технологических укладов. На основе обобщения эмпирических наблюдений длинных циклов в динамике различных показателей экономического развития и конъюнктуры, анализа истории технико-экономического развития со времен первой промышленной революции в разрезе основных направлений НТП и ведущих стран мира сделано научное открытие: выявлена материально-техническая основа длинных волн Кондратьева, которую составляют жизненные циклы соответствующих технологических укладов. Раскрыто содержание введенного понятия «технологический уклад», составлена модель его жизненного цикла. Процесс глобального технико-экономического развития, начиная с промышленной революции XVIII века, представлен как последовательность пяти сменяющих друг друга технологических укладов. Описана их сущностная и институциональная структура, раскрыт экономический механизм смены технологических укладов. Объяснена неравномерность глобального экономического развития, раскрыты причины периодически возникающих структурных кризисов мировой экономики, проявляющихся в форме длительных и глубоких депрессий.

Технологические уклады – это комплексы синхронно воспроизводящихся совокупностей технологически сопряженных производств (технологических совокупностей), связанных друг с другом технологическими цепями и характеризующихся общим техническим уровнем, культурой управления, образовательными требованиями к квалификации занятых. Каждый такой уклад представляет собой целостное и

устойчивое образование, в рамках которого осуществляется полный макропроизводственный цикл, включающий добычу и получение первичных ресурсов, все стадии их переработки и выпуск набора конечных продуктов, удовлетворяющих соответствующему типу общественного потребления.

Технологический уклад, рассматриваемый в динамике функционирования, формируется в рамках всей экономической системы, охватывая все стадии переработки ресурсов и соответствующий тип непроеизводственного потребления, образуя макроэкономический воспроизводственный контур. В статике технологический уклад характеризуется единым техническим уровнем составляющих его производств, связанных вертикальными и горизонтальными потоками качественно однородных ресурсов, опирающихся на общие ресурсы квалифицированной рабочей силы, общий научно-технический потенциал и пр.

Технологический уклад обладает сложной внутренней структурой. Комплекс базисных совокупностей технологически сопряженных производств образует ядро технологического уклада. Составляющие технологический уклад технологические цепи охватывают технологические совокупности всех уровней переработки ресурсов и замыкаются на соответствующий тип непроеизводственного потребления. Последний, завершая воспроизводственный контур технологического уклада, служит одновременно важнейшим источником его расширения, обеспечивая воспроизводство трудовых ресурсов соответствующего качества.

Составляющие технологический уклад производственно-технологические системы изменяются более или менее синхронно. Развитие и расширение каждого технологического процесса обусловлено развитием всей группы сопряженных технологических систем. Восходящее технико-экономическое развитие достигается путем становления новых технологических цепей, складывающихся на основе сопряженных технологических совокупностей и объединяющихся в новые технологические уклады. Каждый технологический

уклад является самовоспроизводящейся целостностью, вследствие чего техническое развитие экономики не может происходить иначе, как путем последовательной смены технологических укладов.

При этом отношения между одновременно существующими технологическими укладами противоречивы: с одной стороны, материальные условия для становления каждого из них формируются в результате развития предыдущего, а с другой – между одновременно существующими технологическими укладами неизбежно происходит конкуренция за ограниченные ресурсы. Развитие нового технологического уклада опирается на производственный потенциал, созданный в ходе предшествовавшего этапа технико-экономического развития. Он не только использует энергоносители, конструкционные материалы, сырьевые ресурсы, массовый уровень потребления которых был достигнут в результате развития предшествующего технологического уклада, но и приводит технологические совокупности последнего в соответствие с собственными потребностями и в преобразованном виде интегрирует их в свой воспроизводственный контур. При этом воспроизводственный контур нового технологического уклада формируется не сразу. В начальной фазе его развития возникающие в результате внедрения базисных нововведений технологические совокупности не образуют самовоспроизводящейся целостности и остаются некоторое время сопряженными с технологическими совокупностями традиционного технологического уклада. Лишь постепенно, с формированием новых или реконструкцией традиционных технологических совокупностей складывается целостный воспроизводственный контур нового технологического уклада.

Достоверность существования технологических укладов и представления развития экономики как последовательного процесса смены их жизненных циклов доказывается эмпирическими исследованиями динамики соответствующих показателей технико-экономического развития. В результате

проведения измерений технологических сдвигов, связанных с ростом различных технологических укладов, удалось показать, что жизненный цикл технологического уклада охватывает более полувека с двумя явно выраженными всплесками в его развитии (в условиях доминирования предыдущего и в фазе роста), депрессией между ними, в ходе которой происходит структурная перестройка экономики в связи со сменой технологических укладов.

Открытие закономерности периодической смены технологических укладов позволяет объяснить неравномерность и неравновесность процесса развития экономики, обусловленную динамикой соответствующих технологических изменений. Это подтверждается периодически происходящими технологическими революциями, в ходе которых происходит резкий рост инновационной активности, быстрое повышение эффективности производства, социальное и политическое признание новых технологических возможностей, изменение ценовых пропорций в соответствии со свойствами новой технологической системы. Технологическая революция сопровождается массовым обесценением капитала, задействованного в производствах устаревшего технологического уклада, их сокращением, ухудшением экономической конъюнктуры, углублением внешнеторговых противоречий, обострением социальной и политической напряженности. На поверхности экономических явлений этот период выглядит как глубокая депрессия, сопровождающаяся ухудшением макроэкономических индикаторов: падением или снижением темпов роста ВВП и промышленного производства, увеличением безработицы.

В силу охарактеризованных выше закономерностей технико-экономического развития и воспроизводства общественного капитала жизненный цикл технологического уклада на поверхности экономических явлений отражается в форме длинной волны экономической конъюнктуры с фазами, соответствующими этапам этого цикла. Фаза депрессии соответствует этапу зарождения соответствующего техноло-

гического уклада, фаза оживления – этапу его становления, фаза подъема длинной волны – этапу его роста, фаза рецессии – этапу его зрелости, характеризуемому исчерпанием возможностей дальнейшего экономического роста, продолжение которого становится возможным с переходом к новому технологическому укладу.

Представление долгосрочного технико-экономического развития как процесса смены технологических укладов позволяет проводить измерения процессов долгосрочного экономического развития. Результаты этих измерений с использованием материалов конкретно-исторических эмпирических исследований мировой и российской экономики выявили становление и смену пяти технологических укладов, включая доминирующий в настоящее время информационно-электронный технологический уклад, а также позволили раскрыть структуру нового технологического уклада, развитие которого будет определять экономический рост в ближайшие 2-3 десятилетия. В сделанной на основе данного научного открытия классификации этапов глобального технико-экономического развития проявляется верификация гипотезы о периодической смене технологических укладов.

На этой теоретической основе выявлены причины современного кризиса мировой экономики, даны прогнозы его дальнейшего развертывания, обоснованы предложения по модернизации и опережающему развитию российской экономики на основе нового, шестого, технологического уклада как ключевого направления антикризисной политики. Раскрыта структура этого технологического уклада. Описано его ядро, представленное комплексом нано-, биоинженерных и информационно-коммуникационных технологий. На этой основе определены приоритетные направления технико-экономического развития на современном этапе, разработана комплексная программа мер по выводу экономики России из кризиса на траекторию быстрого и устойчивого роста.

Выполненный автором анализ процессов формирования и роста технологических укладов во взаимодействии с

политикой государства на разных этапах экономического развития раскрывает значение государственного регулирования в структурной перестройке экономики при смене технологических укладов, а также обосновывает ключевое значение институтов развития для успешного становления нового технологического уклада. Данные исследования позволили определить роль государственных институтов в управлении экономическим развитием.

Открытие периодически происходящего процесса смены технологических укладов позволило выявить причины разворачивающегося в настоящее время кризиса мировой экономики и повышения военно-политической напряженности. Последние обусловлены сменой технологических укладов, обострением международной конкуренции, формированием новой системы институтов расширенного воспроизводства на новой технологической основе. Доказывается, что его преодоление произойдет на новой длинной волне экономического роста, материально-техническую основу которого составит новый, шестой в классификации автора, технологический уклад. Происходящее в настоящее время быстрое распространение его ключевых технологий революционизирует традиционные и порождает новые направления экономического роста, повышая экономическую эффективность производства и расширяя возможности потребления, создавая новые сферы экономической деятельности.

На основе комплексного междисциплинарного анализа структурных изменений экономики, обусловленных сменой технологических укладов, экономических, финансовых, институциональных и технологических аспектов этого процесса, были исследованы и определены причины и перспективы разворачивания глобального кризиса. Сформулированы вероятные сценарии изменения мировой экономики в зависимости от принимаемых решений в области антикризисной политики. Проанализированы положение и перспективы развития России в сложившихся условиях. Предложены основные направления антикризисной стратегии и перечень мер ее

реализации. Показано, что формирование нового технологического уклада требует государственной поддержки спроса на принципиально новые виды продукции, многократного увеличения финансирования прорывных НИОКР, инвестиций в создание базовых производств нового технологического уклада и развитие соответствующей ему инфраструктуры.

Из открытия закономерности периодической смены технологических укладов следует, что для любой страны необходимым условием благополучного выхода из кризиса является наличие собственной стратегии долгосрочного развития, ориентированной на сохранение своего экономического потенциала и опережающее создание предпосылок роста производств нового технологического уклада. Эта стратегия должна предусматривать защиту стратегических активов и внутреннего рынка от «набегов» иностранного спекулятивного капитала, а также проведение активной научно-технической и структурной политики по выращиванию конкурентоспособных предприятий на перспективных направлениях экономического роста. Для этого необходимы эффективная система стратегического планирования и мощная национальная финансово-инвестиционная система, опирающаяся на внутренние источники кредита и защищенная от дестабилизирующих воздействий мирового финансового рынка.

На основании сделанного открытия автором разработана стратегия опережающего развития российской экономики. Показано, что при любом из возможных сценариев развертывания глобального кризиса подъем российской экономики возможен только на основе нового технологического уклада при наличии самодостаточной, опирающейся на внутренние источники денежного предложения кредитно-финансовой системы. Ключевая идея формирования эффективной антикризисной стратегии заключается в опережающем становлении базисных производств нового технологического уклада в экономике России и ее скорейшем выводе на связанную с ним длинную волну экономического роста. Для этого необ-

ходима концентрация ресурсов в развитии составляющих новый технологический уклад производственно-технологических комплексов, что предполагает проведение целенаправленной денежно-кредитной политики. Создание необходимой для этого системы макроэкономического регулирования, включающей механизмы денежно-кредитной, налогово-бюджетной и валютной политики, ориентированной на становление ядра нового технологического уклада, должно стать стержнем антикризисной стратегии. Необходимым условием ее успеха является достижение синергетического эффекта, что предполагает комплексность формирования сопряженных кластеров производств нового технологического уклада и согласованность макроэкономической политики с приоритетами долгосрочного технико-экономического развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Эксмо, 2007.
2. *Мальтус Т.Р.* Опыт о законе народонаселения // В. Автономов. История экономических учений. Гл. 4.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – 2-е изд. Т. 26.
4. Там же.
5. *Автономов В.* История экономических учений. Гл. 31.
6. *Маршалл А.* Принципы экономической науки: в 3-х т. – М., 1993. Т. 1. – С. 208.
7. *Солоу Р.* Перспективы теории роста // Мировая экономика и международные отношения. – 1996. – № 8. – С. 69-77; *Solow R.A.* Contribution to the Theory of Economic Growth // Quarterly Journal of Economics. – 1956. – P. 64; *Solow R.* The Input of Growth // The Economics of the Industrial Revolution. – London, 1985. – P. 125.
8. *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения / сост. Ю. В. Яковец. – М.: Экономика, 2002; *Кондратьев Н.Д.* Основные проблемы экономической статики и динамики: Предварительный эскиз. – М.: Наука, 1991.

9. Шумпетер Й. Теория экономического развития / пер. В.С. Автономова. Гл. 2. – М.: Прогресс, 1982.

10. Кузнец С.С. Вековые движения в производстве и ценах (Secular Movements in Production and Prices: Their Nature and Their Bearing upon Cyclical Fluctuations, 1930); *Он же*. К теории экономического роста, в свете экономического роста современных наций (Toward a Theory of Economic Growth, with Reflections on the Economic Growth of Modern Nations, 1968).

11. Автономов В. История экономических учений. Гл. 31.3; 31.4; 31.5.

12. «Наука, экономический рост и общественная политика» (Science, Economic Growth and Public Policy, 1996).

13. Лекции по экономическому росту. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2013 (Lectures on Economic Growth, 2002).

ЧЕЛОВЕК БУДУЩЕГО. ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ...

С.А. Батчиков,

*директор Центра проблем управления крупными
социально-экономическими системами МНИИПУ*

Первого января 2021 г. поздравления с юбилеем принимал блистательный ученый, убежденный государственный и патриот, интеллектуал и человек энциклопедических знаний Сергей Юрьевич Глазьев, с которым меня связывает почти тридцатилетняя дружба. Факты его биографии хорошо известны, но перечень высоких должностей, званий, научных достижений не отражает главного, того, что делает его в наше смутное переходное время особенным человеком – Человеком Будущего. И это главное я бы определил формулой «Интеллект, согретый Совестью».

В одной из своих давних статей я писал, что главные враги России – бессовестные интеллектуалы и совестливые дураки. Честная глупость всегда становится страшным инструментом в руках бессовестного интеллекта, который умело

ею прикрывается. Так было во все времена, так произошло и в России в лихие девяностые, а сегодня во всем мире превращено в технологию перманентных революций. Но я убежден, что стремительный рост скорости вычислений и бурное развитие цифровой экономики предопределяют неизбежность постепенного перехода к социализму во всех странах, поскольку уже сейчас плановое управление превосходит рыночное по всем показателям, не говоря уже о запросе на социальную справедливость. Поэтому будущее России – это не сегодняшний олигархический капитализм, дни которого сочтены, а новое солидарное общество, новые программы развития, новый язык и новая идеология, в которых должны соединиться интеллект и совесть. И это раньше многих других понял Сергей Глазьев. Именно поэтому я называю его Человеком Будущего.

С Глазьевым я познакомился в 1992 г. в период его работы первым заместителем министра внешних экономических связей. Несмотря на мой достаточно большой опыт общения с интеллектуальной элитой страны в ходе продолжительной работы в Президиуме РАН, я был поражен высочайшим уровнем обобщения, глубиной понимания проблем, точностью формулировок и ясностью изложения, присущих Сергею, которому на тот момент был всего 31 год. Буквально с первых дней нашего знакомства стало понятно, что на фоне других интеллектуалов лихих девяностых, озабоченных набиванием собственного кармана, Глазьев, видевший главной своей целью восстановление убитой «реформами» экономики и отказывавшийся принимать участие в «пире во время чумы», был в определенном смысле белой вороной. Неудобной для бессовестных интеллектуалов фигурой, он, со своей принципиальностью, острым умом и колоссальной работоспособностью, был и все последующие годы.

Являясь сторонником проведения активной промышленной политики, в 1993 г. Глазьев, занимавший на тот момент пост министра внешних экономических связей, продвигал идею создания в России финансово-промышленных

групп (ФПГ), которые были призваны обеспечить структурную перестройку экономики, способствовать повышению экспортного потенциала и конкурентоспособности российских предприятий, а также управляемости народного хозяйства в условиях проводившейся приватизации. Им была разработана концепция создания ФПГ, подготовлен указ Президента. Осенью 1993 г. Глазьев оказался единственным министром, который ушел в отставку в знак несогласия с антиконституционным переворотом Ельцина, и с тех пор, порвав с командой младореформаторов, стал одним из самых последовательных оппонентов ельцинского режима. Но и за относительно недолгий срок работы на посту первого заместителя министра, а затем министра внешнеэкономических связей Глазьеву удалось добиться принятия крайне важных решений – внедрения экспортных пошлин на вывоз сырьевых товаров, введения механизма валютного контроля, принятия программы поддержки несырьевого экспорта и комплекса мер против утечки капитала.

Идеи проведения широкомасштабной промышленной политики и создания ФПГ как средства стабилизации разрушенной российской экономики и обеспечения развития страны Глазьев продолжал отстаивать и в 1994-1995 гг. будучи депутатом Госдумы и главой Комитета по экономической политике. Но агрессивное противодействие сторонников ускоренной приватизации, направило развитие событий в 1995 г. по иному пути – проведения грабительских и нелегитимных залоговых аукционов, четвертьвековой юбилей которых отметили российские олигархи.

Будучи экономистом высочайшей квалификации и прекрасно понимая бесперспективность и тупиковость избранной «реформаторами» модели развития, Сергей постоянно выступал с комплексными программами, нацеленными на разумное сочетание личных, коллективных и общественных интересов, которое бы обеспечило динамичное развитие страны. Но каждый раз они натывались на ожесточенное организованное противодействие узурпировавших власть либе-

ралов, видевших в них скрытую угрозу собственным корыстным интересам и потому стремившихся любыми средствами дискредитировать предлагавшиеся программы. Не буду перечислять их все, но приведу два примера разных лет.

В начале двухтысячных Глазьев, входивший в состав делегации Народно-патриотического союза России, в ходе четырехчасовой встречи в Кремле презентовал Президенту Путину написанную им мобилизационную программу восстановления экономики, приняв которую страна могла изменить вектор развития и полностью преобразиться. Но в условиях доставшейся в наследство от Ельцина семейно-клановой системы в тот момент это оказалось невозможным, и в интересах олигархии была продолжена политика, закреплявшая за Россией статус сырьевого придатка и страны периферийного капитализма.

В 2020 г. в условиях начавшейся пандемии коронавируса Глазьев подготовил доклад «О глубинных причинах нарастающего хаоса и мерах по преодолению экономического кризиса», предложения из которого (в частности, ограничение спекуляций на валютных рынках) спровоцировали настоящую истерику Центробанка, предложившего Минэкономразвития «рассмотреть целесообразность проработки оптимизации коммуникационной деятельности Глазьева». Казалось бы, что мешает мобилизовать все силы на выполнение готового продуманного плана действий, ориентированного исключительно на национальные интересы? Но предложенные Глазьевым меры неизбежно нарушат многие «схемы», они противоречат интересам финансовых спекулянтов, олигархических кланов, сырьевых корпораций, крупнейших госбанков и всей повязанной круговой порукой неолиберальной команды.

И все же очень многое Глазьеву как министру, депутату, советнику Президента и министру Евразийской экономической комиссии удалось: природная рента, вывозимая ранее олигархами за рубеж, стала поступать в бюджет, и он увеличился в несколько раз. Осуществлены его идеи по созданию

банка развития, реализации приоритетных национальных проектов и целевых программ, проведению промышленной и научно-технической политики органами исполнительной власти. Удалось убедить отказаться от замораживания нефтедолларов в Стабилизационном фонде, и триллионы рублей были направлены на развитие страны. Поддержано предложение о проведении активной демографической политики, включая материальную поддержку семей с детьми и предоставление инвалидам бесплатных лекарств, стимулирование жилищного строительства.

История не терпит сослагательного наклонения. Но, видя, как Россия топчется на месте, реализуя модель зависимого капитализма, я нередко задаю себе вопрос: А что было бы, если глубоко продуманные и взвешенные решения, которые предлагал Глазьев, были реализованы? Ответ на этот риторический вопрос очевиден. Мы бы сейчас жили в другой стране – стране с мощной фундаментальной наукой, составляющей основу научно-технического прогресса и перехода к новому технологическому укладу, стране с развитым бесплатным образованием и хорошо организованной доступной медициной, стране, где богатства недр служили бы не кучке олигархов, прячущих капиталы в оффшорах, а всему народу.

Но я все-таки верю, что дни бессовестных интеллектуалов сочтены, время работает против них. Наступает время государственников. Развитие событий показывает, что Глазьев в большинстве случаев видит дальше других. Еще в 2017 г. он, например, предлагал введение цифрового рубля, поскольку, во-первых, цифровые деньги нельзя украсть, не будучи незамеченным, и, во-вторых, цифровая валюта может выступить в качестве замены доллара, в частности, в рамках Евразийского экономического пространства и даже шире. Центробанку потребовалось три года, чтобы осознать преимущества этой идеи и прийти к необходимости введения этой новой формы российской денежной единицы. Постепенно пробивают себе дорогу и другие опередившие время предложения Глазьева.

Я верю, что у Сергея Глазьева, воля, интеллект и фантастическая работоспособность которого неизменно нацелены на Будущее и интересы нашего Отечества, впереди еще много прорывных идей и полезных реальных дел, направленных на развитие как российской экономики, так и экономики Евразийского экономического союза, на благо которого он сейчас успешно работает.

**ВОЕННО-
ФИЛОСОФСКИЙ
АНАЛИЗ**

ВСЕМ ИЗВЕСТНАЯ, НО ВСЕГДА НЕЗНАКОМАЯ

И.С. Даниленко

Речь идет о войне. Многих может удивить утверждение, что она кому-то незнакома. Ведь войне посвящены бесчисленные научные труды. Существует многовековая специальная военная наука. Описание войн – это основная канва национально-государственной и мировой истории. Война многообразно отражена в художественной литературе и других видах искусства. Да иначе и быть не могло. Война определяла и определяет исторические судьбы народов и государств, поэтому всеобщий интерес к ней и известность понятны. В итоге, война не только описана, но в значительной мере вскрыта ее анатомия.

И все же она, как заметил еще в 1938 году известный русский военный теоретик генерал Н.Н. Головин, остается «грандиозной незнакомкой» («La Grande Inconnue»). Его характеристика войны справедлива и в начале XXI века, хотя наука за прошедшее время прошла большой путь в своем развитии, проникла в бездонные глубины микромира и все основательнее заглядывает в бескрайние дали космоса. Произошло и накопление общей суммы знаний о войне, но адекватное постижение ее как общественного явления не достигнуто. Соответственно, и практическое обуздание войны народами и их современными государственно организованными обществами остается актуальной проблемой.

Война, наука и политика

Отношения между войной как одним из двух видов бытия общественной истории людей (другим видом является мир) и наукой как одним из все более важных видов общественного труда отличаются большой сложностью и противоречивостью. Наука и война предстают судьбоносными явлениями в жизни современных народов, их сообществ, от ре-

гиональных до мирового. Только их роль в судьбах народов и человечества очень разная. С наукой, верой в нее связаны надежды людей на совершенствование условий и содержания своей жизни в соответствии с гуманными идеалами и устремлениями обеспечить вечное пребывание своего рода во Вселенной, на дальнейшее освоение в этих целях Космоса, решение энергетических и всех национальных, региональных и глобальных проблем, в том числе и проблем обуздания войны. Если последнее представить невозможным, то это ставит под вопрос все другие общественные надежды. Современная война способна похоронить не только отдельные из них, а все вместе.

А что же наука? Она работает на войну, вооружает ее средствами и методами ведения победоносной военной борьбы, хотя война претит гуманистическим устремлениям науки. Правда, она по-разному относится к справедливым и несправедливым войнам. Но война переменчива, может начинаться как справедливая, а завершаться как несправедливая. А наука не сама распоряжается своими результатами. Этим занимается политика, последняя же находится в руках разных общественных сил.

Все народы под водительством государств, политических партий и организаций, организующих и направляющих их жизнедеятельность, непрерывно готовятся к войне, используют последние достижения науки, и время от времени ее ведут. Общественная история идет в неровном, но устойчивом миро-военном ритме. Интервалы между периодами мира и войны меняются. При этом война достается на жизнь почти каждого поколения народонаселения всех стран. Исключения есть и широко известны, но они, как говорится, только подтверждают правило. Зато много случаев, когда на одно поколение народонаселения многих стран приходится по две и более войны.

Возникает ряд вопросов: не является ли война вечным спутником человеческого рода? Подвластно ли это человеческое деяние людям – его творцам? Или они будут его совершенствовать, не обращая внимания на растущую угрозу са-

моу уничтожения? Способна ли наука ответить на эти вопросы? И науке на них ответить не просто. Как заметил другой русский военный философ и теоретик А.Е. Снесарев, война «нелегко поддается как нравственному, так и научному критериям»¹.

В разное время среди разных народов неоднократно возникало желание похоронить войну, избавить себя и других от ее бед и бремени. Казалось, люди – разумные существа – во имя собственного блага, во имя того, чтобы сбылись их высокие устремления и надежды, могут и обязаны отказаться от войны. Особенно, если этого захотят власть предержащие. Путь к прочному миру казался ясным и простым. Нужно только всеобщее стремление народов к миру и антивоенная, миротворческая политика их правительств. Такое состояние представлялось не только желанным, но относительно легко и просто достижимым.

Но как всякое легкое верие в простое решение, оно на практике оказывалось обманчивым и часто жестоко наказуемым. К сожалению, в такое состояние в XX веке неоднократно впадали как правящие круги, так и оппозиционные силы нашей страны. Из благих намерений, а иногда в популистских и конъюнктурных целях они заражали большую часть народонаселения страны антивоенными настроениями, надеждой на быстрое и вечное избавление от войны. На практике получалось наоборот, они ввергали народные массы в омуты военной борьбы. Так было в ходе Первой мировой войны в Российской империи; подобное случилось в Советском Союзе в ходе «холодной» войны. В обоих случаях глобальное миротворчество привело к общественной катастрофе и внутренним войнам. В XX веке у нашей страны не было последовательности и преемственности в проведении миро-военной стратегии.

На рубеже XIX и XX веков в России велись яростные дискуссии о природе войны и возможности ее исключения из общественной истории. Великий художник, один из властителей дум народных, автор всемирно известной грандиозной эпопеи «Война и мир» Лев Николаевич Толстой осуждал

войну как чуждое человеческой природе явление, призывал отказываться от воинской службы, предпочитать ей тюремное заключение. Он считал, что XX век может и должен стать веком без войн. Его поддерживал банкир Иван Станиславович Блюх своими многочисленными статьями и многотомным сочинением «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях»².

Оппозиционные правительству силы выступали с более радикальных миротворческих позиций. В среде правящих кругов Российской империи преобладала своего рода партия мира. На реалистических позициях, отнюдь не на милитаристских, стояли немногие интеллигенты, среди них философ В.С. Соловьев, писатель Ф.М. Достоевский, военные ученые, генералы М.И. Драгомиров, П.А. Гейсман и другие. Но голос их тонул во всеобщем антивоенном настроении. К аргументам, подобным тем, которые приводил генерал М.И. Драгомиров – «Дело вовсе не в том, скверное или хорошее дело война, а в том устранимое ли? То, что она противна человеческому инстинкту самосохранения, так ведь это ничего не доказывает: мало ли что ему противно и, однако, бывает, вроде наводнений, ураганов, эпидемий, голодовок, землетрясений и т.п.»³, мало кто прислушивался. Такого рода аргументы, призывающие быть осмотрительными в осуждениях и отрицаниях всякой войны, воспринимались как проявление консерватизма и даже реакционности. Драгомиров и его сторонники считали, что поскольку пока не постигнута природа войны и общественные механизмы чередования войны и мира, чем заполнена история всех народов, не доказана возможность устранения войны, следует руководствоваться реалистическим подходом.

История XX века показала, что и массовые настроения, и движения против войны, и использование в этих целях политической власти оказались бессильными в борьбе с невидимым действием миро-военного алгоритма общественной жизни. Это же пока демонстрирует и начало XXI века. Общественное развитие своей внутренней логикой неудержимо ведет к войне, политика оказывается не в состоянии проти-

воедействовать этому процессу, но зато она может успешно ему подыгрывать.

Современный немецкий философ Хофмайстер констатацию этого факта вынес даже в заглавие своей книги, назвав ее «Воля к войне, или Бессилие политики»⁴. История подтверждает правомерность такого вывода, пожалуй, наиболее ярко – наша отечественная история.

Российская империя вступала в XX век с активной миротворческой политикой. В 1898 году правительство Николая II обратилось ко всем иностранным представительствам в Санкт-Петербурге с предложениями об остановке развернувшейся гонки вооружений, их сокращении и запрете поставленного на поток производства смертоносных видов нового оружия. В следующем, 1899 году при активном участии российского правительства и поддержке самого императора проходила Первая Всемирная конференция мира. За это император России был удостоен особой благодарности от участников конференции. Стоит заметить, что роль России в подготовке и проведении этой конференции замалчивается в работах западных авторов.

Последующие события показали, что активная миротворческая политика Российской империи в канун XX века не помогла ей уйти от войн на Востоке и Западе в начале этого века. В 1904 году войну против нее развязала Япония, которую открыто поддержала Великобритания, тайно – США, сочувственно – многие другие державы.

Такие позиции объясняются тем, что все жаждали ослабления Российской империи, в том числе те государства, которые были с ней в дружеских межгосударственных отношениях. В этом проявилась объективная логика миро-военных отношений, согласно которой усиление любого другого государства представляет реальную или потенциальную опасность для других государств, поскольку сегодня оно может быть нейтральным или дружественным, а завтра, возможно, станет военным противником каждого из них.

Эту логику миро-военных отношений не просто усвоили, а веками культивировали политики Великобритании. Их

руководящий принцип в международной политике: у Великобритании нет вечных друзей и врагов, у нее есть вечные интересы. Отсюда становится понятной логика поведения политиков этой страны. Поддержав Японию в войне с Россией, вскоре после ее окончания, в 1907 году, поспешили заключить соглашение с последней, предвидя неизбежность войны с усиливающейся и теснящей «владычицу морей» Германией. России теперь отводилась роль будущего союзника в этой войне, естественно, на стороне Великобритании. Хитросплетения политики привели к тому, что в 1914 году Германия первой объявила войну России, якобы вынудившей ее к этому. В результате страна, проводившая миротворческую политику, оказалась в числе первых участников Первой мировой войны, объектом для навешивания на нее ярлыка одного из зачинателей этой войны.

Так что миротворческая политика, действительно, бессильна в борьбе с войной в тех случаях, когда она пренебрегает логикой миро-военных отношений, не знает глубинных истоков и процессов вызревания войны в утробе мира, как формируются системы побуждений и принуждений больших масс людей к ведению военной борьбы. Короче говоря, политика бессильна в борьбе с войной, если не обладает подлинной наукой о войне и волей, силами и средствами для реализации ее выводов. С войной могут справиться только соединенные вместе глубокие, подлинно научные знания науки о ней как общественном явлении и непреклонная воля основных субъектов политики в деле их применения.

Исторический опыт свидетельствует, что политика, не вооруженная подлинной наукой о войне, не может с ней успешно бороться, даже если она прилагает большие усилия. Более того, такая политика может привести к обратным результатам. Для успешного проведения антивоенного курса политике нужны знания о войне даже более глубокие, чем для политики подготовки и ведения войны. Для последних целей уже несколько веков существует военная наука, но она не представляет науку о войне как общественном явлении, а служит лишь частью этой науки.

Отношения между наукой и войной сложны и противоречивы. Война давно подчинила своим интересам науку. Война стала тем, что она есть, благодаря науке. Но наука устремлена служить человеческому Благу. Война, даже справедливая, не является безусловным средством для достижения этой цели. Наука в принципе не приемлет войну, но ее статус как самостоятельной организованной общественной силы недостаточен, чтобы серьезно противодействовать войне. Ее роль в обществе реализуется через влияние на общественное мнение и политику. У науки есть только один путь серьезно и активно противодействовать войне: создать подлинную науку о войне и вооружить ею общество, его политику.

Война продолжает шествовать по истории, подчиняя себе и политику, и науку, и даже настроения народных масс. Стихия миро-военного движения общественной истории набрала такую силу инерции, что изменить ее составляет невероятно трудную как национально-государственную, так и общечеловеческую проблему, в успешное решение которой даже трудно поверить. Но кроме поиска научно обоснованного решения и его реализации, другого пути нет. Речь идет о выборе между бытием и небытием рода человеческого.

Для современной науки нет более важной задачи, чем создание науки о войне, позволяющей конкретному обществу, региональным и мировому сообществу ее успешно ограничивать и, в конце концов, исключить из общественной истории. Смогут они (общества, их политика) воспользоваться знаниями, добытыми наукой, или пренебрегут ими – это их проблемы и историческая ответственность. Ясно одно, что без опоры на науку о войне они эту задачу не способны решить в принципе.

Но может ли наука решить свою задачу, т.е. создать науку о войне? Пока наука, несмотря на свои великие успехи в XX веке, которыми она, кстати, сделала войну реальной угрозой для существования разумной жизни на планете, не смогла раскрыть войну как общественное явление до такого уровня, который бы позволял не только выбирать средства и

методы для ее подготовки и ведения, но и успешно предотвращать.

Без постижения наукой войны человеческие общества и их сообщества не могут подчинить своей воле исторический процесс, освободить его от императива миро-военного алгоритма. Не случайно целью авторов серьезных книг о войне, вышедших в последние годы в разных странах, является поиск пути вывода науки о войне из тупика, стремление создать новую науку, так как существующая уже несколько веков военная наука не освоила войну в ее целостности. Нужны знания не только как готовить и успешно вести войну, а, прежде всего, как ее исключить из общественного исторического процесса. Например, известный американский философ, социолог и футуролог Элвин Тоффлер в своей книге «Война и антивоина» пишет, что его целью было «набросать новую теорию войны и борьбы с нею»⁵. Западноевропейский автор Мартин ван Кревельд в своем труде «Трансформация войны», вышедшем в 1991 году, но к которому не утрачен общественный интерес до сих пор, целью своей работы заявляет попытку «заглянуть в будущее войны», но, прежде всего, выяснить, «почему наши представления о войне оказались тупиковыми»⁶.

От традиционной военной науки к науке о войне

Русская военная мысль давно стремилась преодолеть узкий подход к войне как процессу вооруженной борьбы, рассматривать войну не с позиции средств борьбы, а с позиции ее целей. Такой подход предложил первый профессор стратегии и военной истории Императорской военной академии Медем Николай Васильевич. Он считал, что аксиомой военной борьбы должно быть следующее положение: «Все соображения должны иметь целью ослаблять или истреблять, какими бы то ни было способами, силы противника и лишать его средств к защите»⁷. Но утвердился узкий подход к пониманию военной борьбы. Военную практику долго устраивало такое допущение.

На основе анализа войн первых десятилетий XX века, особенно Первой мировой войны, ряд военных теоретиков пришел к выводу, что военная наука развивается односторонне и неадекватна развитию войны как общественного явления. Более того, они предложили проект решения этой проблемы. На этот важный факт не обратила внимания ни отечественная, ни иностранная военная мысль. Почему так получилось – попытаемся выяснить по ходу дальнейшего анализа поставленной темы.

Первая мировая война показала большое несоответствие существующей военной науки реальной войне не только и не столько с позиции видов военного искусства (стратегии, тактики и оперативного искусства, кстати, последнее впервые востребовала эта война), а, прежде всего, с точки зрения представлений о войне как общественном явлении. В этом, полемологическом⁸ направлении требовалось развитие военной науки.

У представителей русской военной мысли были веские причины для особого внимания к исследованию несоответствия в развитии военной науки. Страна, принеся на алтарь победы Антанты в этой войне самые большие жертвы, не оказалась в клубе победителей, была ввергнута в жестокую Гражданскую войну, стала объектом иностранной интервенции как со стороны бывших противников, так и со стороны союзников.

Все широко мыслящие военные профессионалы, главным образом, офицеры-генштабисты, т.е. успешно окончившие академию Генерального штаба и причисленные к службе Генерального штаба, стремились осмыслить опыт мировой войны и последующих военных событий, в которые была ввергнута их Родина, не с позиции сложившейся традиции. Но военная мысль России сама оказалась в трудном положении.

В ходе многолетней войны работа военной мысли по горячим следам военных событий не была организована. Государство такую задачу даже не поставило перед своими военно-научными институтами, изначально решив, что война

не будет длительной. Гражданская война разделила отечественную военную мысль на два потока: 1) формирующийся в стране в новых государственных и общественных условиях и 2) созданный военными профессионалами России, оказавшимися в эмиграции в разных странах.

Одной из центральных тем в обоих потоках русской военной мысли в силу общественных потребностей и благодаря наличию подготовленных военных ученых стала тема создания новой науки о войне. На этом направлении русскими учеными был сделан крупный вклад в дело ее формирования. Но он не только не был востребован, но был закрыт для общественного пользования.

Авторами этого вклада являются, прежде всего, трое крупных русских военных мыслителей, ставших признанными научными авторитетами еще задолго до Первой мировой войны. Это генерал по адмиралтейству Кладо Николай Лаврентьевич, генерал-лейтенант Снесарев Андрей Андреевич и генерал-лейтенант Головин Николай Николаевич.

Кратко скажем о биографиях первых двух, учитывая, что биографии Н.Н. Головина в данной книге посвящена специальная статья доктора социологических наук Игоря Владимировича Образцова, который положил начало исследованиям творческого наследия и биографии этого русского военного мыслителя.

Николай Лаврентьевич Кладо (1862-1919) стал известным военно-морским теоретиком еще в начале века, особенно высоким показатель его известности стал за критические публикации и выступления **о делах в Военно-морском флоте России в конце и в период войны с Японией**. За это его даже увольняли со службы. Но в 1910 году вернули на нее именно за талант военного теоретика. Он был направлен на научно-педагогическую работу в Военно-морскую академию, ему было присвоено звание генерала по Адмиралтейству. В 1917 году Н.Л. Кладо профессорско-преподавательским составом Академии был избран ее начальником. Выборность такого рода начальников была введена Временным правительством. В годы войны Кладо внимательно изучал ее ход, а после

окончания особо активно занимался общей теорией войны, выяснением ее природы и другими фундаментальными проблемами. Он планировал написать труд под названием «Стратегия», состоящий из введения и четырех книг. Успел же он до скоропостижной кончины в 1919 году написать только «Введение», вышедшее отдельной книгой в 1918 году, и завершить рукопись первой книги «О насилии». После смерти Кладо эту книгу по инициативе его учеников и коллег начали набирать для печати. Но в 1922 году набор был остановлен, т.к. было признано, что позиция автора не отвечает императивам партийно-государственной идеологии по военным вопросам. Этот набор и машинописная рукопись оказались утраченными. Только в конце XX века автору этой статьи удалось случайно их обнаружить (без последних листов) в личном архиве А.Е. Снесарева. Факт находки обнародован⁹, но издать этот труд Кладо пока не удалось. Подходы Кладо к созданию науки о войне остаются неизвестными, за исключением узкого круга военных историков.

Серьезную заявку на формирование науки о войне сделал в 1919 году А.Е. Снесарев (1865–1937). В этом году он был назначен начальником Академии Генерального штаба РККА. Он был известен как ученый-востоковед, как храбрый и талантливый военачальник Первой мировой войны, как один из организаторов и крупных руководителей Красной армии (был первым военным руководителем Северо-Кавказского военного округа, командующим армией). Свою деятельность в новой должности А.Е. Снесарев начал с разработки лекционного курса «Философии войны». Но он не был издан, но сохранился в машинописном виде¹⁰. Подход А.Е. Снесарева, как и подход Кладо, не совпадал с объявленными в это время советским государственно-партийным руководством единственно верным пониманием природы войны и исторических рамок ее существования, которое было изложено в программе Коммунистической партии (большевиков).

Глава военного ведомства советской власти Л.Д. Троцкий в августе 1919 года в связи с публикацией в журнале

«Военное дело» статьи «Возможна ли война в будущем?», написанной генералом Ф. Гершельманом, в которой он утверждал, что войны в будущем неизбежны, дал следующую властную оценку-директиву: «В России у власти стала политическая партия, в программе которой ясно и точно установлены условия, при которых войны станут не только ненужными, но и невозможными. Никто не требует от гр. Гершельмана проникновения коммунистической точкой зрения. Но если уж военный специалист затеял писать о войне в официозном русском издании – не 1914, а 1919 года!, – то можно, казалось бы, требовать от него, по крайней мере, элементарного знакомства с той программой, которая является официальной государственной доктриной, составляющей основу нашей международной и внутренней политики»¹¹.

Вероятно, по этой причине Снесареву пришлось отложить курс своих лекций по философии войны для слушателей Академии Генерального штаба РККА в личный архив. Но он не мог в принципе прекратить работать над проблематикой науки о войне. Она является центральной в его исследовании жизни и творчества Клаузевица, критическом разборе его основного труда «О войне». Рукопись этого труда, завершенная в 1924 году, не была опубликована по той же причине, что и «Философия войны», но и она, к счастью, сохранилась в личном архиве¹².

Таким образом, полемологические идеи Снесарева, как и идеи Кладо, на долгое время оставались неизвестными ни мировой, ни отечественной научной общественности. Наука о войне в Советском Союзе формировалась и развивалась на монометодологической основе, единственно признаваемой научной и названной «марксистско-ленинским учением о войне». Все другие подходы к созданию науки о войне были объявлены ненаучными и подвергались не только критике, но и мерам административного и уголовного воздействия. Одномерный, монометодологический подход и нетерпимость к иным подходам негативно сказались на общем уровне развития науки о войне. Это не устраивало широко мыслящих

военных теоретиков, к числу которых относились Н.Л. Кладо, А.Е. Снесарев, А.А. Свечин и другие.

Подвластна ли война научному осмыслению или навсегда останется «вещью в себе»? Могут ли люди войну – этот продукт и процесс их собственной жизнедеятельности – исключить из исторического процесса, или война подобна гигантскому удаву, а люди подобны массе кроликов, повинующихся его гипнотической силе? Естественна или неестественна война в человеческой истории, соответственно, устранима она или нет? Может ли исторический процесс жизни людей быть исключительно мирным, без войн и постоянной подготовки к ним с целями нападения или защиты? Какие индивидуальные и групповые свойства людей делают их способными к военной агрессии? Какие качества и характер развития человеческих обществ ведут к войнам внутренним и внешним? Кто и в каких ситуациях имеет право побуждать и принуждать людей вести войну?

Эти и другие, но такого же характера вопросы занимали А.Е. Снесарева как начальника Академии Генерального штаба РККА. Поэтому он и подготовил для ее слушателей курс лекций по философии войны. При этом он не уходил от других профессиональных вопросов. Его как полковника и генерала, прошедшего более трех лет в окопах и блиндажах Первой мировой войны, лично 76 раз непосредственно участвовавшего в боях, особо интересовала теория и практика огневой тактики. В то же время он считал, что если военная наука не дает ответа на вышеперечисленные вопросы, то она оказывается без мировоззренческого и общетеоретического фундамента. Отсутствие фундаментальных знаний о войне как общественном явлении лишает ориентиров прикладные военные науки, занимающиеся вопросами подготовки и ведения войны.

Читатель может познакомиться и оценить взгляды Снесарева по публикуемой в этой книге его «Философии войны», стоит только отметить, что он хорошо знал довоенные взгляды генерала Головина, заявленный им подход на созда-

ние и преподавание нового, «высшего учения о войне». Снезарев дал критическую оценку этим взглядам Головина; более поздних его работ, написанных в эмиграции, он не знал, в том числе и труда «О войне. О социологическом изучении войны».

Безусловно, критический анализ и последующий синтез идей этих двух крупных русских военных мыслителей может и сегодня дать очень большой научный эффект для создания науки о войне на уровне современных достижений.

Академические баталии Н.Н. Головина

Из всех русских военных теоретиков, занимавшихся фундаментальными проблемами военной науки, Головин первым вышел на эту тематику, и ему одному удалось подвести итог своих исследований в специально изданной работе. В этом плане его позиция по вопросам создания науки о войне представляет большой интерес.

Постижением войны Головин занимался всю жизнь, начиная с учебы в престижном Пажеском корпусе, и все последующие годы: в период службы младшим офицером в артиллерийской бригаде, учебы в Академии Генерального штаба, на штабных должностях в войсковых соединениях и военных округах, будучи секретарем и редактором Общества ревнителей военных знаний, работая кабинетным ученым и публичным военным мыслителем, и педагогом Николаевской академии Генерального штаба.

Он оставался ученым-исследователем и на полях сражений Первой мировой войны, которую прошел в должностях от командира полка до начальника штаба фронта, а также в сумятице военно-политических событий и напряженного личного духовного состояния в годы двух революций 1917 года (Февральской и Октябрьской) и Гражданской войны. Наконец, в эмиграции, в годы которой (а это более 20 лет) Н.Н. Головин выступает в качестве организатора и руководителя военно-научной работы среди соотечественников,

оказавшихся за рубежом. Он подходил к войне с разных сторон: с позиции теории и истории военного искусства, военной истории, военной статистики, военной психологии и социологии и других наук, которые входили то время в систему военной науки или начинали ей осваиваться.

Будучи длительное время, с 1908 по 1914 год, профессором Николаевской академии Генерального штаба, Головин пришел к выводу, что сложившаяся к этому времени военная наука не дает цельного знания о войне. Он предлагает ввести преподавание в Академии новой учебной дисциплины, которую он называет «высшей наукой о войне». Читать лекционный курс этой науки, по мнению Головина, должен был ведущий ученый-педагог, а остальные военно-научные дисциплины должны быть соподчинены этой науке и преподаваться прикладным методом.

Эта инициатива Н.Н. Головина имела большой и долгосрочный резонанс в военно-научных кругах России. Она породила острые разногласия среди военной профессуры и слушателей Академии. В конечном итоге она не была поддержана по двум причинам. Первой из них было неизбежное в таких случаях проявление консерватизма, поскольку нарушалась сложившаяся и казавшаяся многим незыблемой структура военной науки. Во-вторых, по причине недостаточной обоснованности содержания и задач предлагаемой «высшей науки о войне». Вторая причина в данном случае, представляется, была все же основной.

Требовалось продолжение творческой дискуссии. Вместо этого последовало административное решение не в пользу Головина и его сторонников. И они оставили Академию. Последующие военные и революционные события надолго закрыли поставленные Головиным проблемы о новой военной науке и ее преподавании. В то же время военные события показали, что сложившаяся до Первой мировой войны система военной науки оказалась во многом неадекватной этой и последующим войнам.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что на путях многолетних исследований войны, поиска более глубо-

ких и системных знаний о ней у Головина были не только сплошные успехи. Были и увлечения, жесткость и несправедливость оппонентов.

После яростных академических баталий Н.Н. Головин вернулся к идее создания науки о войне почти через четверть века. Сделал это он уже на новой, существенно расширенной и углубленной теоретической базе, с учетом огромного нового военного опыта. Он отказался от неудачного термина «высшая военная наука». Он отказался от неудачного термина «высшая наука о войне». Теперь его позиция была представлена развернутой концепцией создания новой науки о войне с пониманием не только важности, но и огромной сложности этого дела.

Концептуальный проект создания такой науки Головин разработал и опубликовал на русском языке за рубежом, в Париже, в 1938 году¹³. Этот его принципиально важный труд мало известен на Родине до настоящего времени. В свое время в Советском Союзе к нему относились как к сочинению белоэмигранта, следовательно, не подлежащему публикации уже по самому этому факту независимо от научной ценности работы. Тем более, что Головин всегда враждебно относился к Советской власти. Научная общественность других стран, к которой Головин обращался с призывом создать коллективными усилиями подлинную науку о войне, не проявила большого интереса и не оказала поддержки. Правда, вскоре началась Вторая мировая война, нужна была наука о ведении войны, а не наука о войне как ее понимал Головин. После Второй мировой войны началась «холодная» война, гонка ракетно-ядерных вооружений, многолетнее состояние готовности США и СССР к ракетно-ядерной дуэли. Во второй половине XX века произошло несколько десятков больших региональных и почти две сотни локальных войн. Военная наука была поглощена неотложными проблемами подготовки и ведения войны.

Все же можно утверждать, что Головин повлиял на формирование полемологического направления развития мировой общественной мысли. После публикации труда

«О войне» он был переведен на английский язык и разослан в научные учреждения некоторых стран. По существу, русский ученый, находясь в эмиграции, предложил развернутый проект создания новой науки о войне. Предложения о создании полемологии как науки о войне были сделаны в Европе, в частности, французским ученым Гастоном Бутулем, значительно позже. Но дело не только в приоритете, хотя и это важно. Ни время, ни бурные военные события не перечеркнули ценности и актуальности проекта Головина.

Ученый считал, что особую ценность и актуальность идея создания новой науки о войне представляла для его Родины, которая в первые два десятилетия XX века пережила военные события, существенно повлиявшие на ее историческую судьбу. Страна оказалась не готовой к испытаниям этими событиями. И, прежде всего, оказалась не готовой к таким испытаниям ее общественно-политическая, в том числе профессиональная военная мысль.

Исследование истории войн и военной теории, особенно военной практики своего времени, убедило Головина в том, что существующая военная наука развивается односторонне. Она сосредоточена на разработке оптимальных технологий подготовки и ведения войн и неадекватно представляет войну как социальное явление. Поэтому свою концепцию создания новой науки о войне он адресовал прежде всего своим соотечественникам. Но голос его, как уже было отмечено, не был услышан.

Парадоксы в развитии науки о войне

В XX веке эволюция войны шла особенно быстро и нелинейно, в ней оказалось много неожиданного и даже парадоксального. Так, поступательное развитие убойно-разрушительных качеств оружия привело к появлению ядерного оружия – глобального оружия массового уничтожения. В то же время была преодолена монополия вооруженной борьбы в определении исхода войны. Большую и даже решающую роль оказались способными брать на себя другие средства,

которые раньше считались сугубо мирными, а теперь стали пригодными для того, чтобы отодвинуть вооруженную борьбу на вспомогательную, а то и вовсе на страховочную роль в военной борьбе.

Наука в XX веке стала основным фактором эволюции войны как общественного явления. Именно благодаря науке появились ракетно-ядерное, информационно-космическое, психотропное и другие виды оружия. В то же время наука о войне никак не может освоить ход ее эволюции как общественного явления. За XX век война обрела много эпитетов: обычная, ядерная, холодная, теплая, психологическая, экономическая, политическая, информационная, сетевая и т.д. В начале XXI века она явилась со злобным оскалом терроризма, с претензией перевернуть и подчинить своей воле ни много, ни мало как историю всего человечества.

Традиционная военная наука почти три века развивается в основном методом «обнаучивания» опыта вооруженной борьбы армий и флотов, скептически относится ко всякого рода новым эпитетам войны, причисляя их к вольностям публицистики, результатам вторжения в военную проблематику непрофессионалов или результатам амбициозности отдельных военных профессионалов, нарушивших корпоративно согласованную позицию. Безусловно, факты неаргументированных претензий на новации могут быть и имеют место. Но дело не в них, а в том, что военная публицистика часто острее и быстрее науки реагирует на новые явления и факты, которые рождает эволюция войны, не ожидая, когда официальная военная наука измерит их своими устоявшимися понятиями-шаблонами. Что касается вторжения посторонних и возмутителей спокойствия в ряды сплоченных единством корпоративных взглядов военных профессиональных ученых, то исторический опыт свидетельствует, что они не всегда оказываются неправыми.

Несмотря на гигантские достижения науки за прошедшие годы, изменения в средствах и методах ведения войны, появление у нее реальных потенциальных возможностей уничтожить жизнь на Земле, отношения между наукой и

войной, к сожалению, принципиально не изменились по сравнению с тем, которое установил Головин.

Безусловно, существенно изменилась и выросла в объеме традиционная военная наука как наука о процессах подготовки и ведения войны. Возросла сумма знаний о войне, добытых разными науками. Но сама война как общественное явление наукой еще далеко не полностью раскрыта. Существуют концепции, развернутые доктрины, претендующие на такое раскрытие, но они не являются общепризнанными. Военная наука по-прежнему в основном ограничена проблемами подготовки и ведения вооруженной борьбы. Между «гражданской» и «военной» науками также не преодолено отчуждение, на которое указывала русская военная мысль еще в XIX, и на что обращают внимание Снесарев и Головин.

В результате такого отчуждения наука об обществе исследует его экономическую, политическую и духовную жизнь, исключив из нее войну как явление чуждое, нежелательное, временное, недостойное внимания. Эволюция общественной жизни изучается без учета в ней места и роли войны. А они оказываются существенными. В свою очередь, военная наука изучает технологию подготовки и ведения войны, абстрагируясь от функционирования и развития общества как целостной системы.

В действительности же, общественная история идет в миро-военном ритме, при этом взаимосвязь между миром и войной становится все более взаимопроникающей и сложной. Человеческие общества затрачивают на подготовку войн все больше своих духовных, физических и материальных сил и средств.

Характер и большой диапазон изменчивости войны (на это ее свойство указал еще Клаузевиц, назвав войну «хамелеоном») сложны, многообразны и трудно предсказуемы. XX век по сравнению с предшествующими веками побил многие рекорды в историческом развитии войны по многим показателям: масштабам военных действий, мощи оружия, участием народов и государств, новациям в средствах и методах ведения, способах побуждения и принуждения народных

масс готовить и вести войну, по применению в интересах военного дела науки и культуры, наконец, по развитию самой военной науки в интересах подготовки и ведения войны. И все же военная наука так и не стала наукой о войне как общественном явлении, хотя общественно-политическая необходимость в этом все время возрастала.

Национально-государственная и международная проблема

Н.Н. Головину принадлежит большая заслуга в деле активной постановки такого вопроса перед отечественной и мировой научной общественностью. Он считал, что создание науки о войне является важной международной общественно-политической проблемой как с позиции значимости, так и с позиций требуемых усилий для ее решений. К такому выводу он пришел, пройдя большой и сложный путь военного профессионала и ученого. В его обширном научном наследии обоснование необходимости и путей создания подлинной науки о войне представляет интерес не только для истории военной мысли, но и большую ценность для решения одной из ключевых глобальных проблем современности – обеспечения устойчивого мира на обозримую перспективу, снятие забот, траты сил и средств на подготовку войны.

Обосновывая свою концепцию, Головин обращается к истории развития военной науки и ее отношений со всей остальной наукой. Он показывает, что изначальное формирование военной науки как науки прикладной, то есть о подготовке и ведении войны, было естественным процессом. Любая наука зарождается и определенное время развивается как прикладная, фундаментальной проблематикой она начинает заниматься только на достаточно высоком уровне своего развития. Поэтому понятно, что на фундаментальные вопросы теории войны военная наука давала мало что значащие ответы, часто в виде оговорок типа: война явление вечное, одно из проявлений всеобщего закона борьбы за существование в живой природе, следствие греховности человека и т.п.

Такого рода ответы долгое время казались достаточными для общественной практики, так как в масштабе мировой истории войны шли непрерывно. Всякий раз военное дело неотложно требовало, прежде всего, своего практического совершенствования, поскольку решало судьбы народов и государств. Военная практика жаждала получить от науки конкретные рекомендации, обеспечивающие победу в бою, сражении, в войне в целом. Поскольку естественные и технические науки уже показали практическую ценность своих достижений для производства орудий военной борьбы, то это порождало большие надежды у политиков и военных профессионалов на науку в плане технологии (искусства) подготовки и ведения войн. Для военных дел требовалось все больше различных знаний из арсенала науки. На рубеже XVIII–XIX веков в ряде европейских государств, в том числе в России, формируются такие военно-научные дисциплины, как военная история, тактика, большая тактика, стратегия, военная география и другие. Со временем их количество растет.

Представители общей («гражданской») науки относились с пренебрежением к изучению войны, считая ее пережитком варварства, и предоставляли это дело всецело военным профессионалам. Обществоведы в свою очередь создавали теории исторического процесса жизни общества и отношения между людскими сообществами с весьма поверхностным анализом явлений войны. Мирово-военный ход исторического процесса, то есть смена мира войной с постоянной подготовкой к войне в условиях мира, констатировался исторической наукой, но слишком по-разному объяснялся общественной теорией, ее различными политико-идеологическими течениями.

Возможна ли положительная наука о войне:

Клаузевиц – «нет», Головин – «да».

К XIX веку военная наука превратилась в достаточно сложную систему знаний об искусстве подготовки и ведения

войны. В то же время в ее развитии обнаруживались серьезные сложности, ранее не встречающиеся, конкретные рекомендации все чаще не оправдывались. Возникали сомнения в способности военной науки быть наукой в подлинном смысле, т.е. выявлять присущие военной борьбе законы и на основе их учета осуществлять подготовку и руководство войной. В числе сомневающихся в первой четверти XIX века оказался и К. Клаузевиц. Он явился создателем принципиально нового, по существу, фундаментального полемологического направления развития военной науки, на котором должна базироваться прикладная наука о военном искусстве. Клаузевиц считал, что положительной науки о войне, т.е. открывающей законы и вырабатывающей на их основе всеобщие правила ведения войны, принципиально создать нельзя.

Головин начал свое обоснование с обратного утверждения: положительная наука о войне возможна. Главная идея ученого заключается в разделении военной науки на две отрасли: науку о ведении войны, представляющую собой теорию военного искусства, и на науку о войне, представляющую одну из положительных наук об обществе. Такую науку, по его мнению, позволяет создать социология, которая в начале XX века претендовала на роль «социальной физики», т.е. на равнозначную по точности с естественными науками.

Для своего времени предложение Головина о разделении военной науки на две составные части (науку о ведении войны и науку о войне как проявлении функционирования и развития общества) было продуктивным. Сегодня оно представляется недостаточным, с позиции современности требующим уточнения и развития. Представляется, что наука о войне как целостная система должна состоять из органически связанных следующих частей: 1) общей философско-социологической теории войны, раскрывающей природу войны, законы ее проявления в системе функционирования и развития общества; 2) и двух прикладных частей: первая из них представляет науку о подготовке и ведении войны; вторая — науку об условиях функционирования и развития общества и

их сообществ, исключая внутренние и межобщественные войны. Итак, наука о войне, или полемология, должна состоять из общей теории войны и прикладных наук – науки о подготовке и ведении войны и науки о противодействии войне.

Головин говорит главным образом о первой прикладной части военной науки, т.е. о подготовке и ведении войны. Второй части он касается только вскользь, упоминая, что после Первой мировой войны «даже наиболее пацифистски настроенные научные учреждения начали понимать, что для того, чтобы человечество излечилось от войны, нужно, чтобы сама эта социальная болезнь была изучена». Дело не дошло до признания им двойного назначения науки о войне: с одной стороны, для подготовки и ведения войны и для руководства функционированием и развитием общества, межобщественных связей и отношений, исключая войну, – с другой. По-видимому, сказалось опасение соскользнуть на позиции пацифизма, а также неразработанность теории противодействия войне целенаправленным управлением ходом общественного развития.

Дело не только в скрытности процессов подготовки и развязывания войны, запутывании и перекладке исторической войны государств и других субъектов миро-военных отношений друг на друга за прошедшие и идущие войны. Дело в большой сложности и нелинейности причинно-следственных связей в миро-военном ходе общественной истории.

Именно эта часть науки о войне должна ответить на вопрос о том, какие процессы в функционировании и развитии общества и межобщественных связей и отношений ведут к формированию объективных условий и субъективных намерений вести войны, какие индивидуальные, массовые и групповые качества людей делают их способными вести явную и тайную военную борьбу с теми или иными целями.

Эта составная часть военной науки призвана выяснить принципиальное различие между мирной и военной общественной борьбой, как внутренней, так и внешней. Очевидно,

что отказ от войны требует от народов и государств отказа от многого, включая темпы повышения своего благосостояния любой ценой, обуздания многих своих общественных и природных свойств и инстинктов, всех видов радикализма, в том числе националистического и религиозного толка.

Без второй прикладной части науки о войне, посвященной путям и методам ее упреждения и исключения, создание целостной науки о войне как общественном явлении представляется недостижимым. Страстные осуждения и проклятия в адрес войны со стороны общественности, деятелей науки и культуры не дали желаемых результатов. Создание второй прикладной части науки о войне представляется делом очень сложным, но и, на наш взгляд, необходимым и небезнадежным. Раскрытие тайн войны как общественного явления требует отказа от скрытности в деятельности государственных и негосударственных политических организаций и движений, узкого круга политических, экономических и духовно-идеологических элит. Пока вопрос «быть или не быть войне» решают не массы, а узкие круги этих элит. Они вовлекают массы в войну, побуждая и принуждая их к ее подготовке и ведению.

Дело здесь не только в злом, агрессивном умысле или недемократичности правящих кругов (хотя такое нередко имеет место), а и в технологиях подготовки и ведения войны, в необходимости постоянной готовности к нанесению встречных и ответных ударов, в стремлении одних тайно воспользоваться, а других – исключить внезапное нанесение противником первого, выгодного, обезоруживающего или решающего удара. В результате стороны держат друг друга в режиме дуэльной ситуации.

Соотношение фундаментальной и прикладной проблематики

Постижение войны оказалась трудным делом для науки, требующим высокого уровня ее общего развития, особенно науки о человеке, обществе, природе и характере от-

ношений между различными сообществами людей всех типов и масштабов, от локальных, региональных до мировых. На службу интересам войны люди всегда ставили не только все имеющиеся в их распоряжении материально-силовые ресурсы, но и духовные силы, лучшие интеллектуальные способности и достижения, воплощенные в науке и культуре. Отношение военной науки с общественными науками оказалось чрезвычайно сложным, противоречивым. Долгое время уровень развития общественных наук не позволял глубоко и конкретно исследовать войну. По мере их развития они стали дифференцированы и существенно различаться в зависимости от их мировоззренческой, политико-идеологической ориентации. Эти различия обусловили существенный разброс мнений во взглядах на войну и подходах к ее изучению, оценкам и выводах.

Головин не касается проблем преодоления этих различий. Похоже, что он надеется их решить с помощью нейтральной в политико-идеологическом отношении социологии. В первые десятилетия XX века завышенные надежды на быстро развивающуюся социологию, на то, что она уравнивает естественные и общественные науки по достоверности научных данных, питали многие. В этом отношении Головин не был исключением. Последующие десятилетия XX века показали, что это были преувеличенные надежды.

Негативное влияние на решение фундаментальных проблем военной наукой, по мнению как Снесарева, так и Головина, оказали ее ведомственное обособление и ведомственный статус. В течение многих веков содержание военной борьбы, как уже отмечалось, в основном и решающем виде сводилось к действиям вооруженных сил участвующих в войне сторон. В этих условиях наука о подготовке и ведении войны стала уделом профессионалов армейской и флотской службы. В результате она чрезмерно обособилась от остальных наук. Когда войны велись относительно малочисленными и существенно обособившимися от остального общества вооруженными силами, военно-теоретическая мысль, по су-

ществу, сводилась к разработке искусства их подготовки к войне и руководству их действиями в ходе войны.

В этой ситуации военная теория развивалась как прикладная и не могла заниматься войной как общественным явлением, она не испытывала нужды в решении фундаментальных вопросов теории войны в интересах своего развития. Это противоречие получило компромиссное решение, которое выразилось в том, что функции решения фундаментальной проблематики науки о войне взяла на себя стратегия, которая является прикладной наукой об искусстве подготовки и ведения войны во всем ее практическом объеме. Поэтому прикладная наука о войне, по образному определению А.Е. Снесарева, тащила на своем буксире философию войны¹⁴. Получилась ненормальная ситуация, когда прикладная наука как бы «заказывала» себе фундаментальную науку. И не только философию, но и многие проблемы социологии, политологии, психологии и других общественных наук, которые были призваны решать фундаментальные вопросы теории войны, но в XIX веке сами еще находились в стадии формирования.

Между Сциллой и Харибдой

С ходом истории положение существенно изменялось. Армии и военные флоты становились все более массовыми. Их связь с обществом возрастала количественно и качественно. Менялось и содержание войны. Она становилась все более всеохватывающим противоборством участвующих сторон. В войну все больше вовлекались экономическая, политическая, социальная и духовная жизнь всего общества. Одновременно большой шаг в своем развитии сделали естественные, технические и общественные науки. Если применение достижений первых двух систем наук к интересам военной науки не представляло больших сложностей, то с общественными науками положение оказалось значительно сложнее. Прежде всего, большую проблему для применения

их результатов в интересах развития науки о войне и мире представлял процесс идеологизации и политизации общественного сознания, противоборство различных, в том числе взаимоисключающих трактовок сущности и смысла многих общественных явлений, включая войну.

Это ставило собственно военную науку в ситуацию вынужденного и ущербного для нее выбора. Если она занимала позицию нейтралитета по отношению к различным политико-идеологическим течениям, то это ограничивало ее предмет рамками решения прикладных, технических и организационно-технологических проблем военного дела. Если же военная наука занимала позицию одной из противоборствующих общественно-политических сил, как правило, позицию находящейся у руля государственной власти, то она становилась объектом критики со стороны оппозиционных организаций и движений. Даже в случае принятия военной наукой политико-идеологического нейтралитета происходило ее самоограничение прикладными рамками и отказ от участия в решении фундаментальных проблем науки о войне. В результате она в обоих случаях развивалась не как целостная наука о войне, а только как наука о технологии подготовки и ведения войны, т.е. без собственного теоретического фундамента как односторонняя теория «воевания». Общественный смысл, цели и интересы различных общественных групп и слоев в войне исключались из военной науки.

Когда военная наука принимает одну из навязываемых ей политико-идеологических позиций традиционалистского, либерального или социалистического толка (это она вынуждена делать почти всегда и везде), то свое собственное развитие ей приходится ограничивать решением прикладных проблем. Фундаментальные же проблемы (природы войны, ее социального смысла и т.д.) в таких случаях излагаются ею в духе принятых, добровольно или принудительно, политико-идеологических установок соответствующих общественно-политических сил. Поэтому военно-теоретическая мысль в государствах с разным общественно-политическим строем

принципиально расходится по фундаментальным, мировоззренческим и политическим вопросам. Но в решении прикладных проблем подготовки и ведения войны военные теории в странах с разным общественно-политическим строем близки или тождественны. Все это ярко проявилось в советский период нашей истории: в постоянной непримиримой критике буржуазной военной науки, т.е. военных теорий капиталистических государств, мировоззренческого, политологического, социального, морально-психологического их содержания, при одновременном отслеживании и даже копировании технических и организационно-технологических решений военных проблем. Аналогичное положение военной науки было и в капиталистических странах. Отличие было в «люфте» различных трактовок.

Таким образом, как ведомственное положение военной науки, так и ее общественно-политическое положение в странах с различным общественно-политическим строем объективно препятствовали и препятствуют подъему ее на уровень цельной, общепризнанной науки о войне.

Исследуя причины задержки в формировании науки о войне, Головин отмечает только роль ее серьезного отчуждения от остальной науки: «Оказавшись не в силах пробиться через окружающую стену отчуждения, военные ученые продолжали посвящать свое внимание изучению способов ведения войны, контрабандой провозя иногда в теории военного искусства научные изыскания, выходящие из рамок «непосредственного полезного опыта». Такой контрабандой, по существу дела, и является классический труд Клаузевица».

Действительно, труд Клаузевица «О войне», его фундаментальные философско-социологические суждения о войне были восприняты многими военными специалистами как неуместное для военной науки «туманное философствование». Зато главы, в которых рассматривались прикладные вопросы, всегда и везде оценивались высоко. Но время показало, что «туманное философствование» как раз и составило для военной науки, да и всей общественной науки, непреходящую ценность основного труда Клаузевица. Не случайно

философско-социологическое содержание книги «О войне», хотя в ней нет идеологических акцентов, все же по-разному оценивается различными политико-идеологическими течениями общественной мысли.

Военная наука медленно преодолевала рамки искусства подготовки и ведения вооруженной борьбы, хотя война все дальше уходила за ее рамки. Она активно осваивала достижения тех наук, которые не несли прямой политико-идеологической нагрузки. В середине XIX века формируется курс военной статистики, на рубеже XIX–XX веков военная наука обращается к военной психологии и социологии. Это было накопление материала для создания науки о войне. Такая наука, по мнению Снесарева и Головина (и это они особенно подчеркивали), могла появиться на свет лишь как непосредственная часть науки об обществе. Но общественная атмосфера, как уже отмечалось, не способствовала формированию такой науки.

Очень важной проблемой является проблема разграничительной линии между миром и войной, поскольку в наше время война мимикрирует и маскируется под мир по форме и даже средствам, реализуя присущие войне цели – уничтожения, ослабления и навязывания противнику своей воли. Убедительным примером является «холодная» война, которая, кстати, никак не вкладывается в рамки предмета традиционной военной науки.

В обосновании путей создания системной науки о войне Н.Н. Головин большое внимание уделяет также вопросам исключения непродуктивных методов научной работы социологов, на которые он возлагал особые надежды и ответственность за создание такой науки. Но пока, по его мнению, социологи направляют свои усилия на исследование многих явлений войны, в том числе на выяснение ее причин, только не начинают с главного: с изучения самой войны как явления общественной жизни. « ...Социологи подходят со всех сторон к войне, стремятся изучить все явления, которые ей предшествуют, но не изучают только одного – самую войну. А между тем, без изучения процессов, составляющих самую

войну, нельзя объективно понять те явления, которые происходят на ее пределах». Таков вывод Н.Н. Головина.

Общественный статус и место науки о войне в системе науки

Место военной науки в системе всей науки как национально-государственного института, особой сферы общественно значимого труда четко не определено. Она отодвинута на обочину общенаучного поля, по-прежнему находится в режиме ведомственного статуса. Только война – не ведомственное дело. К тому же по своему содержанию она далеко вышла за пределы организации ведения вооруженной борьбы. А военное ведомство, называемое чаще всего министерством обороны, занимается только делами подготовки вооруженной борьбы, а не подготовкой к войне в ее современном многоплановом содержании. Так что предметом военной науки не является даже вся технология современной войны. Парадоксально, но факт – военная наука сознательно не движется в сторону развития науки о войне, и даже не охватывает всю технологию подготовки и ведения современной войны. Ограничение военной науки технологией подготовки и ведения вооруженной борьбы делает ее наукой только одного (вооруженного) вида военной борьбы, которая не всегда бывает даже решающей в современную информационную эпоху.

Военная наука по-прежнему функционирует и развивается в режиме марионетки политико-идеологических процессов, происходящих в различных странах. XX век начинался в условиях острой борьбы между либерализмом и социализмом по вопросам войны и мира, каждое из этих движений выдавало себя за поборника мира, противника войны. Когда власть оказалась в руках социалистов (коммунистов) вначале в России, а затем и в целом ряде стран Европы, Азии и на Кубе, и образовались различные мировые общественные системы, результативного соревнования на ниве миротворчества между социализмом и капитализмом не получилось. Вернее,

оно активно велось в декларативно-пропагандистской форме, а на деле одновременно шла гонка вооружений и разработка технологий ведения войны как традиционными, так и нетрадиционными средствами и методами. После Второй мировой войны теория и практика военного дела идут по трем направлениям: традиционному, нетрадиционному и смешанному. Наглядным примером такого хода событий является война, точнее, серия войн США против Ирака.

Наука о войне, или полемология, должна быть наделена общегражданским, общеобразовательным статусом, поскольку война касается судьбы всех членов общества, всех и каждого гражданина государства. Она должна быть наделена статусом университетской науки и занимать соответствующее место в системе академических наук.

Исключение войны – это проблема обуздания людьми одной из возможных альтернатив проявления своей природы. Наука о войне как общественном явлении упирается в отстаивание развития науки о человеке и обществе, в раскрытие свойств индивида, групп и больших масс людей, влияния на них различных условий, общественных и природных процессов.

Создание науки о войне требует преодоления нежелания людей, их политических и идеологических организаций изучать самих себя, планировать и контролировать результаты своей жизнедеятельности, не только на ближайшую, но и на отдаленную историческую перспективу.

Успехи в создании этой науки в большей степени будут зависеть от степени ее независимости от политико-идеологических процессов. Эта наука должна определять характер их объективного влияния на миро-военный ход истории, а не по их декларациям и даже не по их влиянию на темпы общественного развития. Войны, подготовка и ведение их не только разрушали результаты мирного развития, но и стимулировали ускорение темпов общественного развития. На этих фактах сформировалась апологетика войны. Но время исторического прогресса на основе жертвоприношения жизней больших масс людей прошло. Жертвой может стать в конечном итоге весь человеческий род.

В XX веке война достигла такого уровня потенциальных возможностей, что может стать средством суицида не только по отношению к отдельным народам, но и по отношению ко всему человечеству. Исключение войны стало одной из ключевых глобальных проблем его исторического существования. Это поставило на повестку дня в качестве неотложной проблемы исключение войны из исторического бытия любого общества и из отношений в мировом и региональных сообществах.

Именно наука о войне призвана раскрыть те законы функционирования и развития общества, которые исключают в нем внутренние войны любого характера, а также законы функционирования и развития отношений между обществами, исключаящие войны между ними.

Историческое право на существование в XXI веке должны получить только те варианты общественного устройства, которые исключают войну в качестве средства своего развития. Формы общественного развития, которые порождают войну объективной логикой и результатами своего развития, не имеют право на историческое существование.

Наука о войне как общественном явлении призвана, прежде всего, обеспечить развитие прикладной науки о предотвращении и исключении войн из исторического процесса. Но пока такая наука не создана. Как замечает академик А.С. Капто, «уничтожение войны – сложный, во многом еще не изученный и не отлаженный процесс, находящийся на начальной стадии своего развития»¹⁵. Это одна из причин того, что имевшие место в XX веке подъемы массового антивоенного движения не дали устойчивых позитивных результатов. Дело кончилось, как уже отмечалось, осуждениями и заклинаниями войны вообще и конкретных военных акций, декларациями политиков о преданности делу мира, созданием учеными картины военных катаклизмов, которые производят только временный массовый шок, призывами развивать культуру мира вместо культуры войны. А караван мировой истории идет миро-военным курсом. Человечество привыкло за вторую половину XX века жить под дамокловым мечом

все уничтожающей войны, но это опасная привычка. Надежной страховки от обрыва нити, удерживающей этот меч, не существует.

Создание военной науки, адекватной войне, остается чрезвычайно актуальным. Русская военная мысль в лице Н.Л. Кладо, А.Е. Снесарева, Н.Н. Головина и других теоретиков внесла существенный вклад в это дело. Безусловно, сегодня их идеи требуют существенных корректив, внимательного изучения и учета других подходов отечественных и иностранных полемологов, но ценность их суждений сохраняется, а инициатива достойна большой благодарности всех ответственно мыслящих людей, вступивших в XXI век.

Глобализация исторического процесса при традиционном миро-военном его движении не имеет радужных перспектив. Это движение заводит человечество все дальше в исторический тупик. Настало время начинать энергичный и обоснованный наукой выход, пока не поздно. Для этого мало одних благих пожеланий и намерений, нужны глубокие знания о войне как общественном явлении. Но и одних знаний мало. Наука может раскрыть имеющиеся альтернативы для творения народами своей общественной истории. Для их реализации кроме знаний нужна еще могучая, не подверженная колебаниям воля народов не только прекратить ведущиеся войны, но также исключить варианты общественного развития, которые объективно подводят конкретное общество и их современные сообщества к войне.

Таким образом, создание науки о войне представляет актуальнейшую задачу всей науки. Это требует больших усилий. Но она стоит того. Речь идет о судьбе народов и рода человеческого.

Источник: Наука и война: сборник. – М.: Народный Пушкинский Фонд, 2006. – С. 204-237.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Снесарев А.Е.* Философия войны. – М.: Финансовый контроль, 2003. – С. 60.
2. *Блиох И.С.* Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях. – СПб., 1898. – Т. 1-6.
3. *Драгомиров М.И.* Открытое письмо г. Блиоху // Разведчик. – 1896. – № 316. – С. 976.
4. *Хофмайстер Хаймо.* Воля к войне, или Бессилие политики. – СПб.: Гуманитарная академия, 2006.
5. *Тоффлер Э.* Война и антивоина: Что такое война и антивоина и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005.
6. *Кревельд М. ван.* Трансформация войны. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – С. 16.
7. *Медем Николай.* Обзорение известнейших правил и систем стратегии. – СПб., 1836. – С. 159-160.
8. Полемология – наука о войне (от греч. «полемос» – война).
9. Кладо Николай Лаврентьевич. Военно-теоретическое наследие Кладо Н.Л. и его значение для современности. По материалам межвузовской конференции в Военной академии ГШ ВС РФ 29 марта 2000 г. – М.: ВАГШ, 2000. – С. 174.
10. Этот труд А. Е. Снесарева был впервые опубликован в Военной академии Генерального штаба ВС РФ в 2002 г., тираж 50 экз., отдельные главы в «Военно-историческом журнале» за 2001 г. (№ 12) и 2002 г. (№ 2). Только в 2003 г. снесаревская «Философия войны» была выпущена издательством «Финансовый контроль» трехтысячным тиражом и стала доступна читателю.
11. *Троцкий Л.* Глубокомысленное пустословие // Военное дело. – 1919. – № 23, 24.
12. Первая публикация состоялась в 2001 г. в Академии Генерального штаба ВС РФ (тираж 100 экз.) и в «Военно-историческом журнале» за 2003 г., № 1, 2, 3.
13. Генерал Н.Н. Головин. Ординарный профессор бывшей Императорской Николаевской военной академии; профессор Русского историко-филологического факультета в Париже. Наука о войне. О социологическом изучении войны. – Париж: Изд-во газеты «Сигнал», 1938.
14. *Снесарев А.Е.* Философия войны. – М.: Финансовый контроль, 2003. – С. 78.
15. *Канто А.С.* Энциклопедия мира. – 2-е изд. – М.: Книга и бизнес, 2005.

ИГНАТ СЕМЕНОВИЧ ДАНИЛЕНКО

П.В. Тулаев,

*историк, писатель, учредитель и издатель
русского международного журнала «АТЕНЕЙ»*

Выдающийся военный теоретик, генерал-майор, доктор философских наук, профессор. Занимался многими научными, педагогическими и просветительскими проблемами, оставив богатое научное наследие. Как специалист внес большой вклад в формирование военно-демографических исследований, а также в восстановление полной истории развития отечественной военной мысли.

Верный защитник Отечества и своего народа, он прошел славный путь офицера: от курсанта авиационного училища связи до начальника кафедры военно-политических наук Военной академии Генерального штаба ВС РФ, руководителя Научно-методического центра отечественной военной стратегии.

Детство и юность Игната Семеновича кровно связаны с Беларусью. Он родился в рабоче-крестьянской семье 14 октября (по документам 13 октября) 1932 г. в деревне Струкачев Кормянского района Гомельской области.

В годы Великой Отечественной войны в 12-летнем возрасте помогал партизанам. Спустя много лет в краеведческом музее Гомеля был создан стенд, посвященный освобождению города от немецко-фашистских захватчиков. Там есть небольшая фотография с надписью: «Юный Игнат Даниленко, партизанский связной».

Успешно завершив семилетку, юный Даниленко в 1948 г. поступил в гомельский железнодорожный техникум, который закончил с отличием в 1952 г. Вскоре он был призван в армию, и в 1952 г. поступил в Харьковское военное авиационное училище связи, которое тоже закончил с отличием в 1954 г. Началась его учеба в Вооруженных силах.

Получив военное образование, выпускник создал собственную семью. Жена Тамара Павловна родила ему двух сыновей – в 1957 г. Юрия и в 1958 г. Владимира. Оба, когда выросли, закончили Высшее военное Балашовское авиационное училище, стали летчиками. Как и сам Игнат Семенович, оба его сына прошли Афганскую войну.

Свое образование Даниленко продолжил в 1960 г., когда поступил в Военно-политическую академию имени В.И. Ленина. Закончив ее с отличием, он стал адъюнктом этой же академии.

Далее начинается его научная и преподавательская деятельность, которая прерывалась важной организационной работой, а также участием в боевых действиях. Даниленко защитил сначала кандидатскую диссертацию (1971), затем докторскую по философии (1981) и получил звание профессора (1983). За это время он был преподавателем в двух военных училищах, заместителем начальника кафедры и начальником кафедры в трех военных академиях.

Весьма значительны его заслуги перед Академией Генерального штаба. Будучи начальником кафедры марксистско-ленинской философии, Игнат Семенович предложил в 1989 г. реформировать ее в кафедру военно-политических наук. Он разработал новые программы по военной политологии, военной социологии и военному праву. Проект был принят в 1990 г. Сформулированные им направления сохраняются в настоящее время, хотя сама кафедра переименована в 1994 г. в военно-гуманитарную.

В Академии ГШ профессор Даниленко занялся исследованием и изданием забытых трудов русских стратегов. В результате был успешно реализован проект «Антология отечественной военной мысли», в рамках которой Игнат Семенович подготовил и опубликовал 39 книг. Среди авторов такие классики, как А.В. Суворов, Г.В. Жomini, Н.В. Медем, Г.А. Леер, М.И. Драгомиров, Н.Н. Сухотин, Н.Л. Кладо, Н.Н. Головин, А.А. Зайцов, А.А. Свечин, А.Е. Снесарев,

А.Е. Вандам, А.К. Байов, Е.И. Мартынов и другие. Многие переизданные труды отредактированы лично составителем антологии, снабжены его научными комментариями, пояснительными статьями, а затем разосланы в библиотеки и государственные архивы.

За всю свою научно-педагогическую деятельность в течение более 40 лет Игнат Семенович опубликовал свыше 200 работ общим объемом более 300 печатных листов. Среди них: 4 монографии, 25 военно-теоретических труда, 3 учебника и более 100 научных статей и докладов.

Многие годы Даниленко был членом редакционных советов «Военно-исторического журнала» и журнала «Армия и флот», а также главным редактором «Военно-философского вестника». Он был одним из инициаторов создания и почетным членом Ассоциации «Аналитика», с которой я сейчас тесно сотрудничаю.

Игнат Семенович неоднократно выступал с предложениями по разработке новой демографической политики Российской Федерации, в частности, направленной против геноцида русского народа. Его доклады были представлены в Государственной думе, а их видеозаписи по сей день привлекают всеобщее внимание в интернете.

Активно участвуя в работе российских и международных научно-теоретических конференций, симпозиумов, семинаров, он всегда стремился обобщить этот ценный опыт в соответствующих сборниках, которые востребованы коллегами и новым поколением исследователей. Так постепенно сформировалась научная школа Даниленко, в рамках которой под его авторитетным руководством подготовлено 17 кандидатских диссертаций и две докторские. В них, а также во многих других научных публикациях имеются ссылки на труды Учителя. Знавшие Игната Семеновича лично всегда вспоминают его как внимательного, доброго и умного человека, коллегу, сослуживца.

За безупречную службу, общий стаж которой составил 66 лет, а также значительные достижения в области военной

науки Игнат Семенович награжден орденами за службу Родине в ВС СССР III степени (1985) и II степени (1991), многими медалями. Ему присвоено звание заслуженного деятеля науки РФ. В 2018 г. он получил письменную благодарность от Президента России В.В. Путина.

**СОЦИОГУМАНИТАРНАЯ
АНАЛИТИКА**

АНАЛИТИКА: НАУКА, ТЕХНИКА, РЕАЛЬНОСТЬ, ИДЕОЛОГИЯ

С.Г. Кара-Мурза

Аналитическая деятельность возникла вместе с человеком разумным. Чтобы овладеть природой и создавать мир техники, надо было обдумать прошлые дела (опыт), понять актуальную реальность и ход событий, вообразить (предвидеть) будущее и проектировать его желаемый образ. Уже в глубокой древности это были важные и высоко ценимые функции – и разрушительные. Появление государства, а потом империй и цивилизаций резко расширило и усложнило эти функции, они стали предметом истории и философии. В XVII веке, в ходе научной революции, *аналитика* стала научной и получила мощные методы.

Аналитика собирает и изучает системы и структуры, чтобы создать ядро знания и предвидения проблем или угроз. В параллели действует *апокалиптика* – особый тип познавательной деятельности (прогнозы, пророчество, неявное знание). Все эти структуры соединяются в *синтезы* (быстрые или долгосрочные).

Представим несколько аспектов аналитики:

– Аналитик не служит идеологам и политикам, а *исследует* картину мира, *абстрагируясь* от своей нравственной оценки объекта исследования. Реальный объект изучается в контексте, как можно более представлен в разных аспектах. И более того, надо видеть и понять картину, ее историю и ее движение. Тем он и *ценен для политиков*.

Эта ситуация сложна: как, изучая объект, отрешиться от *своих ценностей*, особенно если вы в конфликте с ценностями работодателя? Это возможно. Так, врач ставит достоверный диагноз болезни пациента *независимо* от того, симпатичен ему пациент или противен. Так и фронтовая разведка добывает достоверное знание о противнике – *реальность*,

а не ярость. Они действуют *беспристрастно* (объективно), рационально, даже если объекты неопределенны.

Здесь – проблема и самой *аналитики*.

– Так и ученый (после XVII в.): наука тоже провозгласила *беспристрастное* (объективное) знание как самоценность. Миссия науки – познать *то, что есть*, независимо от того, *как должно быть*, хотя его объекты сначала показывают кусочки своих образов, и ученые долго ищут явные образы и много ошибаются. Научные революции создают *разрывы непрерывности* и накапливают кумулятивное знание – и это отвергает саму возможность предвидеть главные черты новых систем (часто в их взаимодействии с культурой).

Это проблема *аналитики*.

– Тип техники был задан первыми же шагами научной революции. «Машиной» была сама наука – сама ее интеллектуальная структура. Установка на технизацию была важнейшим качеством родившейся в XVII веке науки и всей культуры Запада, и матрицей для этой огромной программы была сама наука.

Хайдеггер писал: «К сущностным явлениям Нового времени относится его наука. Равное по рангу явление – машинная техника... Сама машинная техника есть такое самостоятельное видоизменение практики, когда практика начинает требовать применения математического естествознания...

Техника – не простое средство. Техника – вид раскрытия потаенного. Это – область выведения из потаенности, осуществления истины... Что такое современная техника? Она тоже раскрытие потаенного».

Между разными этапами технизации встречается часто преувеличение глубины разрыва непрерывности. Возникновения таких «системных множеств» называли *мутациями* культуры.

«Наступило время сложных систем, которые порождают развеществление и расширяют его, а оно в свою очередь способствует возрастанию сложности... Если мы не успеем

извлечь выводы из совершающейся эволюции, то *путаница*, представляющая собой род обеднения, возьмет верх над *сложностью*, из которой мы не сумеем извлечь ее богатств» (Ж.-П. Кантен).

Н.А. Бердяев, видя в технике преобразующую мир силу космического масштаба, указывает на эту опасность для человеческого сознания: «Техника рационализирует человеческую жизнь, но рационализация эта имеет иррациональные последствия». А Хайдеггер заявил в 1951 г.: «Атомная бомба взорвалась, когда Декарт сказал “*Cogito ergo sum*” (“Я мыслю, значит, я существую”))».

Так возникла функция *аналитики* изучать синтез «техника–политика–война».

– Состояние отечественных науки, техники и промышленности.

Для примера.

Известно, что в 1970-1980-х годах частично утратили *знания о России*, в том числе о науке и технике. Но еще в «перестройке» ЦК КПСС и Академия наук СССР решили разработать «Комплексную программу научно-технического прогресса СССР на 1991-2010 годы». Эта работа была ценным крупномасштабным опытом системного анализа и прогнозирования.

По своему размаху она не имеет аналогов, в ходе ее проведения был создан целостный корпус аналитических и прогностических материалов, который следовало бы считать нашим национальным достоянием. Примерно 150 экспертных групп, включавших в среднем по сотне активных и наиболее компетентных докторов наук в каждой из 150 областей науки и техники, подготовили по единой схеме свои доклады (объемом 1-2 тыс. машинописных страниц). Они содержали анализ современного (на тот момент) состояния области в мировой науке и технике, описание имеющихся заделов и вероятные точки роста с прогнозом их развития на 25 лет. Во второй части доклада давалось описание отечественного научного и технического потенциала в данной области, обсуждались его дефекты и сильные стороны, а затем излагали ре-

комендации и альтернативные подходы по максимальному использованию возможностей научно-технического прогресса при заданных ресурсных ограничениях.

Посмотрите материалы анализов науки и техники СССР в 1985-1989 гг.!

В Академии нам привезли все доклады, и молодые сотрудники Института составляли раздел программы «Развитие фундаментальных исследований». Я руководил рабочей группой по подготовке первого тома («Фундаментальные исследования»), ответственным за который был академик Ю.А. Овчинников.

Там мы увидели картину науки СССР, ее образ. Мы знали, что 60% научного потенциала США работали тогда на создание систем оружия, а наши материальные силы были скромнее. Все ученые это знали, но реально эту проблему не исследовали, но обеспечили *военный паритет* с Западом.

В ходе работы над разделом мы должны были оценить оснащенность советских исследователей научными приборами («приборными мощностями»). Мы выработали методику, сделали расчеты, оказалось, что исследователи в СССР (в среднем) имели в 150-200 раз меньше «приборных мощностей», чем в США. Это вызвало удивление и в АН СССР и в Отделе науки ЦК КПСС, собрали группу академиков, те посчитали методику годной. Руководители согласились так написать в «Программу»: «В настоящее время 1 научный работник в СССР обеспечен эквивалентными приборными возможностями в среднем в 80-100 раз хуже, чем 1 научный работник США»¹.

Вот что мы увидели – системы и структуры науки СССР. Студенты и академики не видели картину организации науки. А новую систему мы не знаем – требуется *аналитика*.

– Состояние народа. Наш народ прошел по войне с Востока и Запада, создал сложные истоки и системы, горел в гражданских войнах. Сейчас мы находимся в трудном переходе, ищем дороги и звезды будущего.

Ю.В. Андропов, став генсеком, сказал: «Мы не знаем общества, в котором живем». В этом признании было предчувствие катастрофы. Значит, что перед нами – стихия, и куда движется, неизвестно. Это и есть главная оценка аналитики последнего этапа СССР.

Нашим аналитикам в этом контексте очень трудно – на них давят многие силы (субъекты угроз, катастрофы, психика и невежество, преступники и массовая аномия, жестокие мессианские идеи, бедность и безработица, пандемия и болезни и т.д.).

Сейчас наш народ постепенно выходит из катастрофы 1990-х лет, состояния культурной травмы: «*Социальная дезинтеграция* понимается как процесс и состояние распада общественного целого на части, разъединение элементов, некогда бывших объединенными, т.е. процесс, противоположный социальной интеграции. Наиболее частые формы дезинтеграции – распад или исчезновение общих социальных ценностей, общей социальной организации, институтов, норм и чувства общих интересов. Полная социальная дезинтеграция разрушает систему, но необязательно ее составные части... Социальная дезинтеграция способствует развитию социальных конфликтов»².

Вероятно, что эта проблема для аналитики самая главная и самая сложная.

– Для этих фрагментов скажем об общей задаче аналитиков, военных разведчиков, врачей, химиков, они все – близкие друг другу работники. Им всем требуется инструмент *визуализации*. У них разные объекты, разные инструменты, которые помогают увидеть их в реальных образах. Так, Эйнштейн говорил, что старается ощущать себя лучом света, пронизывающим пространство. Уже затем, на основании этих ощущений он искал способ формализовать систему в физических понятиях. На эту проблему Эйнштейн ответил в анкете так: «Слова языка, написанные или произнесенные, кажется, не играют никакой роли в механизме мышления, который полагается на более или менее ясные *визуальные* образы и некоторые образы мускульного типа. Мне кажется

то, что вы называете полным сознанием, есть ограниченный в пределах случай, который никогда не может быть законченным до конца, что сознание – это узкое явление».

Теперь представим несколько коротких фрагментов.

Для получения достоверного знания аналитика должна сдвинуться из «пространства идеологии» в «пространство научной методологии», требующей объективного и беспристрастного подхода к реальности.

Нужно провести ревизию и обсуждение типичных ошибок, возникающих при анализе и подготовке государственных решений. По результатам этой работы полезно создать специальное учебное пособие для аналитиков и политиков.

Люди видят облака и тучи, молнии и шквалы ветра, ливни и смерчи – все их они знают и делают прогнозы. Но почему же мы при кризисе или «перестройке» не создаем себе картину нашего мира и образов новых поколений, а кидаемся к старому истоку и устою? Ведь, динамичные и нестабильные общности идут вперед – в сфере угроз и невежества. Почему мы все держались за истоками и не изучали угрозы распада общностей и материи! Наши истоки помогают нам, если мы видим и достаточно понимаем динамику процессов, – а не мечты или иллюзии.

Главная функция аналитиков – «понять настоящее с помощью прошлого» и «понять прошлое с помощью настоящего».

Несколько примеров (цитат):

«У человека, который, сидя за письменным столом, неспособен оградить свой мозг от вируса современности...

Другие ученые, напротив, справедливо полагают, что настоящее вполне доступно научному исследованию. Но это исследование они предоставляют дисциплинам, сильно отличающимся от тех, что имеют своим объектом прошлое. Они, например, анализируют и пытаются понять современную экономику с помощью наблюдений, ограниченных во времени несколькими десятилетиями. Короче, они рассматривают эпоху, в которую живут, как отделенную от преды-

дущих слишком резкими контрастами, что вынуждает их искать ее объяснения в ней самой» (*М. Блок*).

«Биологический эволюционизм и псевдоэволюционизм, который мы рассматриваем, – совершенно разные доктрины. Первая возникла как широкая рабочая гипотеза, основанная на наблюдениях... Но когда от фактов биологии переходят к фактам культуры, все резко усложняется... Один топор не рождает физически другой топор, как это происходит с животными. Сказать в этом случае, что один топор эволюционировал из другого представляет из себя метафорическую формулу, не обладающую научной строгостью, которую имеет аналогичное выражение в отношении биологических явлений. И то, что верно для материальных объектов, физическое существование которых доказывается раскопками, еще более справедливо по отношению к общественным институтам, верованиям, вкусам, прошлое которых нам обычно неизвестно» (*Леви-Стросс*).

«Что касается Маркса, то он стоит посередине между революционным и реакционным течениями социализма. Он, несомненно, глубоко ненавидел идейное содержание буржуазной революции: свободу, равенство и братство. Но столь же несомненно он принимал ее разрушительное дело. При всем теоретическом конструктивизме своего ума, Маркс не интересовался строительством жизни. Он не удосужился хотя бы намекнуть на то, как будет выглядеть осуществленный социализм.

Разрушение – точнее, построение мощных машин для разрушения, было единственным смыслом его жизни. Поскольку ненависть к личности и свободе к нему доминирует, его психический тип приближается к типу реакционера... Его ученикам пришлось много потрудиться, чтобы отмыть черную краску с портрета Учителя» (*Г.П. Федотов*).

Вот пример.

С 1905 г. очень продвинулись большевики. Они преодолели ограничения и догмы марксизма, как-то освоили идеи неклассической науки («науки становления», неравновесных состояний) и по уровню аналитики стали ведущей

партий в Европе. Это сильно повлияло на исход Гражданской войны. В ходе ее удалось нейтрализовать национализм буржуазии окраин, предложить народам новую модель национально-государственного устройства и вновь собрать почти всю территорию в СССР, а народы за 20 лет – в советский народ как полиэтническую нацию. Сегодня западные антропологи считают это достижением высшего класса.

Даже А. Деникин писал, что ни одно из антибольшевистских правительств «не сумело создать гибкий и сильный аппарат, могущий стремительно и быстро настигать, принуждать, действовать. Большевики бесконечно опережали нас в темпе своих действий, в энергии, подвижности и способности принуждать. Мы с нашими старыми приемами, старой психологией, старыми пороками военной и гражданской бюрократии, с петровской табелью о рангах не поспевали за ними...».

Это и была *аналитика*.

После Гражданской войны миллион младших и средних командиров Красной армии пошли в вузы и в госаппарат – вышли управленцы с сильным аналитическим мышлением. Удалось не допустить разрыва с Академией наук, генералами Генштаба, полиции и жандармерии, рядом министров царского и Временного правительства. Уже ГОЭЛРО, доктрина НЭПа, модель СССР, интеграция Советов в вертикаль власти, стратегия научного строительства – все это результаты аналитики качественно нового уровня. Атомная программа началась в 1918 г.!

Создание в 20-е годы новаторской профилактической медицины и большие программы на всей территории резко снизили смертность и ликвидировали эпидемии. Средняя ожидаемая продолжительность жизни сразу выросла с 32 лет в 1897 г. (по Европейской России) до 44,4 лет в 1926-1927 гг. А.С. Панарин писал: «Парадокс коммунизма состоял в том, что он подарил “советскому человеку” юношеское прогрессистское сознание, преисполненное той страстной веры в будущее, которая уже стала иссякать на Западе. Молодежь всех

советских республик принадлежала не национальной традиции – она принадлежала прогрессу».

Мировоззренческий кризис в 1990-е годы стал *системным*, т.е. резко усложнился. Мы еще не имеем его удовлетворительного описания и не выявили те угрозы, которые он породил. Это – вызов не только аналитикам, но и всей российской интеллигенции.

В этих условиях обязанность аналитиков – не вести пропаганду проектов власти или оппозиции, а добывать достоверное знание о той реальности, которая сложилась к настоящему моменту, и о тех процессах, которые будут доминировать в среднесрочной перспективе.

* * *

Мы обычно думаем о сферах жизни по отдельности: семья, зарплата, спорт, экономика, Кремль и т.д. Это сгустки пространства, в котором живем. Если думаем об экономике как огромной туче, тоже выделяем в ней интересующие нас сгустки – кто о нефти, кто о курсе валют, кто о ценах. Но все это обрывки ниток клубка, который катится, разматывается и заматывается...

Такую задачу «*структуризации и визуализации*» всегда решают военные, это у них вопрос жизни и смерти. У них есть цели и есть структуры, которые выполняют конкретные функции (войска, штабы, тылы...). Они добывают достоверное знание о себе, противнике и местности, находят «белые пятна» и создают образ реальности – на карте, на ящике с песком или в уме. И еще, они напряженно думают и извлекают уроки из каждого успеха и поражения.

Эти навыки надо снова осваивать, длительный кризис их подорвал.

На мой взгляд, для первого приближения достаточно создать образ упрощенный, грубыми мазками, наши ошибки не в деталях. Я бы предложил такой подход:

– Принять, что хозяйство – срез *культуры*, хотя основные усилия прилагаются для использования природы.

– В хозяйстве взаимодействуют и враждуют две фурии – *экономия* (ради жизнеобеспечения семьи и народа) и *хрематистика* (ради наживы). Эта модель Аристотеля верна и сегодня. Баланс сил этих фурий – условие жизни страны. Запад вырвался из ловушки дикого капитализма, когда смог притормозить «перетекание рыночной экономики в общество». Сейчас у Запада снова протечки, а у нас она хлынула в пробойну.

– Культуры национальны, хотя у них много общего. Экономика более национальна, чем мы думаем. Одни и те же термины имеют разные смыслы в разных культурах. Наши ученые и масса плохо знали нашу экономику. Сегодня еще хуже: старики с их неявным знанием сошли, молодежи дали чужие (и устаревшие) учебники. Нужна «археология знания».

Например, на Западе капитализм запретил сочетать *работу* с *бытом*, а в СССР на этой фабрике народ и работал, и жил – это был навык крестьянской общины. Любая страна стоит на институтах – привычных системах отношений. Эта конструкция действует, если поддерживается баланс (между устойчивостью и изменениями, инновациями). Последние 30 лет у нас идет «перманентная институциональная революция» – почти все институты переделываются. Население получило культурную травму. В разной степени, но все погрузились в аномию (нарушение норм). Общественного диалога и договора не было, спрашивать не с кого.

Образ экономики надо *связать с реальным контекстом*: культурным, социальным, этническим и международным. Тогда можно будет определить ограничения и думать о проекте будущего.

По обрывкам речей и по фактам грубо можно реконструировать принятую доктрину и в узких кругах обсудить ее – и это риск:

Лозунгом *перестройки* было «Вернуться в лоно цивилизации!», т.е. именно в Запад. Были раскрыты: информационное пространство, финансовая система и рынки, идеоло-

гия, приватизация, реформы армии, школы и здравоохранения по западным шаблонам. Но для США Россия была «иной», которая пытается вторгнуться в «европейский дом». Возникла вражда к постсоветской России иного, нового типа.

* * *

Кто мы, откуда, куда мы идем?

Очень грубо наш кризис можно определить как кризис традиционного общества в ходе модернизации – уже под давлением мирового капиталистического режима. Революция 1917 г. позволила вырваться из такой ловушки и создать новаторскую советскую систему жизнеустройства. Но во второй половине XX в. эта система не справилась с задачей удержать культурную гегемонию в послевоенных поколениях городского общества – недовольная интеллигенция ввела «молекулярную агрессию» в сознание. Индустриализация и урбанизация ослабили, а потом и ликвидировали мировоззренческую основу СССР. Отсутствие общественной науки и теории советской системы сделали ущербным знание о советском строе.

Компартии Запада, осознав невозможность переноса к ним советского проекта, самоуничтожились. Многие наши интеллектуалы также заняли такую же позицию. Взял верх антисоветский проект, внушили массе идею обновления через самоотречение. Произошло скачкообразное *увеличение* многообразия *жизненных форм*. Все эти новые стили не соотносились с нормами советской системы и современного капитализма. Общество претерпело *дезинтеграцию* – нет в России «готовых» общностей. В какой-то степени были организованы госаппарат и преступный мир. «Среднего класса» пока что не существует и социальной силой он не является.

Мы долго переживали крах нашего мира и не хотели увидеть дорогу, по которой мы идем. Но сейчас мы на распутье и обязаны сделать выбор. Попытаемся разобраться спокойно. Молодежь 80-х, которая «хотела перемен», сегодня –

умудренные родители, люди 40-60-ти лет. Так обдумайте трезво, куда мы пришли и какие перед нами возможные альтернативы вырваться из порочных кругов, по которым мы ходим. Какие перед нами проглядываются образы будущего для страны. Говорят, что Россия «в переходном периоде». Но пора уже определить возможные пути и наше место «перехода».

Надо вспомнить, как переживала Россия это состояние в начале XX века. Ведь тогда и российские, и западные мыслители обдумывали варианты жизнеустройства, создали новую *познавательную систему* – и определились. Во второй половине XX века эту систему мы забыли, а сейчас она очень актуальна. Это – *состояние становления* и переход *порядок-хаос*, из которого рождается новый порядок. В нашем положении надо, чтобы большинство населения выработало наконец, образ приемлемого *будущего*.

Было у нас несколько романтиков, например, энтузиастов идеи конвергенции. Но нельзя же быть такими наивными! Госсекретарь Бейкер в телеграмме Бушу закончил донесение так: «Горбачев начинает говорить как обманутый любовник, которого покинули у алтаря». Но иллюзии должны были вести к реальности. Это провал знания и культуры нашей интеллектуальной элиты.

Было *очевидно*, что правящая верхушка США воспринимала постсоветскую Россию как источник опасности – как «*инога*», который пытается просочиться в Запад. СССР на это не претендовал и такую угрозу для Запада не создавал. Поэтому вражда к постсоветской России, государству совсем нового типа, выплеснулась сразу, как только с СССР было покончено. Россия по главным вопросам бытия постоянно предлагала иные решения и стала его постоянным оппонентом. Так возник конфликт США с ослабленной кризисом Россией.

Было ясно, что в клуб западного капитализма Россию не примут. В 1990-х гг. наши аналитики регулярно ездили на Запад на совместные симпозиумы. И мы слышали, как их политики и магнаты говорили своим бывшим советским колле-

гам, что *Россия не получит от Запада никакой помощи*, а потом добавляли пословицу: «Рим предателям не платит!». Вот такая конвергенция...

Вспомнили бы суждение Вебера во время революции в России: «Власть в течение столетий и в последнее время делала все возможное, чтобы еще больше укрепить коммунистические настроения. Представление, что земельная собственность подлежит суверенному распоряжению государственной власти, ... было глубоко укоренено исторически еще в московском государстве, точно так же как и община».

Это результат расхождений Запада с Россией в картине мира – как можно было устроить конвергенцию России и США, соединить их культуры! И у них, и у нас остались еще несовместимые корни. Запад стабилен, потому что его жизнеустройство основано как «*война всех против всех*» – конкуренция. Есть там такая формула: «Война – душа Запада». Она фундаментальна, выражается во множестве проявлений. О чем думали наши либералы, когда лезли в эту мышеловку? Одно дело – мы жили под зонтиком СССР при уравновешенном балансе сил, но сегодня-то совсем другое положение. Уже и с Украиной трудно договориться, за ее спиной стоит громила с дубиной.

Еще Дж. Локк объяснил: презумпция естественного права *цивилизованного* государства («гражданского общества») вести войну с *варварской* страной. В частности, Запад имел право захватывать территорию варварской страны, экспроприировать достояние (в уплату за военные расходы) и обращать в рабство ее жителей. Когда исчез СССР, международное право было отброшено, действовал постулат И. Канта: «право государства по отношению к *незаконному врагу* не имеет ограничений». И при этом США ясно и во многих формах заявляли, что Россия и есть «незаконный враг», источник *зла*, – а также Сербия, Ирак, Ливия, Сирия и пр. Как в этих очевидных условиях элита наших обществоведов продолжала проектировать конвергенцию с Западом! Это не какая-то частная ошибка, это принципиальная неадекватность, методологический провал.

Ф. Бродель писал: «Капитализм является порождением неравенства в мире; для развития ему необходимо содействие международной экономики... Капитализм вовсе не мог бы развиваться без услужливой помощи чужого труда».

В 1800-х гг. доход от колоний Англии оплачивал все инвестиции и уровень жизни англичан, включая образование, культуру, науку, спорт и т.д. К концу XIX века капиталисты и государство доходами начали делиться с рабочими. Это уже не свободный рынок рабочей силы, а дележ добычи от колоний и полуколоний. Экономист Дж.А. Гобсон писал: «Господствующее государство использует свои провинции, колонии и зависимые страны для обогащения своего правящего класса и для подкупа своих низших классов, чтобы они оставались спокойными». Сесил Родс сказал: «Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами». Известный афоризм: «Запад построил себя из материала колоний».

Подойдем к проблеме, которая уже обнажилась. Она имеет две стороны, каждая поставила нас в тупик. Два типа жизни столкнулись в *перестройке*, а за тридцать лет оба потускнели на фоне новых кризисов. Власть вынуждена маневрировать между двумя общностями, но обе с нелогичными шкалами ценностей. В такой ситуации власть избегает сказать: какой у нас возник *общественный строй* и в *какую сторону* ведут? В таком состоянии в любой стране зародится *смута*.

Какой капитализм собиралась построить? Через демонтаж научной системы и демонтаж промышленности. Эта связка резко ускоряла *загрузку невежества*. Восстановление их потребует больших средств и больших групп квалифицированных кадров. За тридцать лет антисоветская коалиция обустроилась и деформировалась.

Вот результат: численность рабочих в промышленности РФ упала более чем в три раза.

Возможно, что самый разрушительный фактор в этом распаде состоит в том, что глубоко преобразована культура населения. Измененная культура стала у нас барьером для

возрождения гражданской солидарности, без которой не только невозможно вернуть справедливость в отношениях людей, но и не выбраться из нашей исторической ловушки.

Наше общество и государство в обозримой перспективе *не сможет создать в России собственный дееспособный капитализм* (учтем, что понятия *капитализм* и *социализм*, да и само понятие *формация* стало слишком абстрактным). В какой же капитализм тянет Россию богатое меньшинство? Неразумно лезть в больной и кризисный западный капитализм и открывать ему все национальное достояние.

Мы говорим о грубом образе реальности. Надо в него всмотреться. По мне, разумно было бы не имитировать периферийный капитализм, а создавать наш свой общественный строй. У нас есть опыт СССР, теперь есть опыт капитализма – и своего, и западного.

* * *

Трудно искать путь.

На наших глазах рухнул СССР с огромными жертвами, и взрослые не могут объяснить детям и внукам. Мы, выйдя из советского образования, оказались наивными и невежественными перед зрелищем распада – и приверженцы советского строя, и сомневающиеся, и недавние диссиденты. Этот период (примерно 1985-1995 гг.) был заполнен непрерывными вопросами и догадками, поиском и чтением литературы, отечественной и зарубежной. Для сложных тем мы еще не были готовы, но поток простых фактов и доводов хоть немного охлаждал рыночные иллюзии и утопии. После 1992 г. все эти тексты без всякого красноречия увязывались с социальной реальностью.

Следующие 10 лет, не прекращая производства этих текстов, обсуждения сдвинулись к более сложным проблемам, которых мы не касались в советское время ни в лабораториях, ни в кругу друзей. Так, в 1990-х гг. была поставлена проблема изменения массового сознания («манипуляции сознания»). Это было совершенно иное состояние нашего нового государства и общества. Описание вызревания рус-

ской революции и строительства СССР обществоведение (прежнее и нынешнее) обходило и обходит. Эти системы – основа базы их жизни, другой не будет. Похоже, что это все поняли.

В период 1995-2015 гг. социологи создали огромный массив эмпирического материала, в нем можно увидеть «скелет» (или карту) нашего будущего. На карте видны сгустки сложных проблем и узлы возникающих в них конфликтов. Раньше старались этого не видеть, теперь это полезный материал для учебных пособий. Знание полезно и правым, и левым, и самой власти.

Но из этого массива вылезают несколько жгучих проблем. Уже в середине 1990-х гг. мы стали обсуждать странную природу постсоветского кризиса, небывалого в промышленных странах, тем более без явной войны. Даже если бы власти приняли ошибочные решения, в государстве и обществе культурной страны должны были быть разумные силы, которые нашли бы аргументы, чтобы остановить разрушительный процесс. Как можно было почти 30 лет наблюдать уничтожение народного хозяйства и спорить о мелких вещах! Какое воздействие парализовало разум и волю общества, интеллигенции, научного сообщества, политического актива и государственных деятелей? Как мог этот коллективный психоз, почти мистический морок, охватить образованный народ?

Перед нами стала задача, о которой десять лет назад никто из нас и не подумал бы. Стали собирать источники, и отечественные, и иностранные, а также проявления симптомов этого неведомого состояния. Вывод был таким: распад связей и элементов народа и общества. Уже 30 лет как стало очевидно, что общественная наука все больше и больше отставала от изменений в обществе и государстве. Не были изучены и не распознаны главные общественные процессы, которые и слились в системный кризис, приведший к краху СССР и глобальному потрясению.

В послевоенный период советское обществоведение, вернувшееся в лоно истмата, отошло от методологии *науки*

становления, на которой возник СССР. Система образования даже не могла объяснить, в чем же была инновация Ленина. Т. Шанин писал в своей книге 1986 г.: «Стыдливость, которую испытывают сегодняшние коммунисты из-за непоследовательности Ленина, оставляет в стороне его наиболее ценное качество как лидера – таланта думать по-новому, мужество менять и способность убеждать или подталкивать сторонников всеми доступными способами»³.

Заметим, что накануне Февраля в партии большевиков было около 10 тыс. человек, на порядок меньше, чем меньшевиков и эсеров. В феврале, выйдя из подполья, 125 организаций большевиков насчитывали 24 тыс., а в июле было уже 240 тыс., к октябрю – 350 тыс., и большевики стали самой большой партией в России. А ведь не было ни прессы, ни телевидения.

К моменту революции состав населения России был представлен 85% крестьян и примерно 5% промышленных рабочих. Мировоззрение этой массы трудящихся влияло и на остальные группы – сословное патерналистское общество еще не преобразовано в классовое общество. Но процессы развития СССР шли в чрезвычайным темпе. Новые города населялись молодежью послевоенного поколения. Общество быстро менялось: в 1929 г. высшее законченное образование имели 0,23 млн человек, а в 1989 г. – 20,2 млн человек. Быстро изменялась структура занятости в народном хозяйстве. Но главное, стали быстро оформляться и обретать самосознание социокультурные группы. Одновременно от традиционных профессий очень быстро стали отпочковываться новые специальности – во всех отраслях.

Наследие русского коммунизма стало историей, а новые поколения номенклатуры стали паразитировать на ней и подтачивать ее. Это стало национальной угрозой. Реальные успехи первого этапа, особенно Победа, для послевоенных поколений уже были историей. А для старших поколений они были «живыми» результатами огромного труда. В сознании старших поколений совмещались героическая и трагиче-

ская реальности. А XX съезд КПСС разрушил несущую опору государства – *смысл прошлого*.

Сейчас молодежь с трудом представляет фактор, на который не обратило внимания наше образование: *советское общество до 1950-х гг. было скреплено механической солидарностью*. Это значит, что тогда подавляющее большинство граждан по своему образу жизни, культуре и мировоззрению *были очень близки*. Это общество было похоже на религиозное братство. Особенно после Гражданской войны и до конца 1950-х гг. население было в состоянии «надклассового единства трудящихся». Война и бедствие, а позже Победа еще сильнее сплотили советских людей. Основная масса интеллигенции и служащих госаппарата, даже уже с высшим образованием, вышла из рабочих и крестьян. Она в главном мыслила в согласии с большинством. В этот период состояние населения можно назвать: *антропологическое единство*⁴.

Огромный изъян наследия советской символической сферы состояло в том, что из нее тщательно вычистили результаты обдумывания и переживания наших поражений и ошибок. Этим занялись после 1955 г. У стариков тогда было «неявное знание», но старики ушли, а мы остались без знания. В 1950–60-е гг. вышли на арену «шестидесятники», цвет нашего обществоведения. А за ними постепенно пошла и верхушка КПСС – и зашла в тупик. Обществоведы-«шестидесятники» оказывали большое воздействие на интеллигенцию.

В 1994 г. В.А. Ядов и Р. Гратхофф писали: «Уникальность советской социологии заключается, прежде всего, в том, что, будучи включена в процесс воспроизводства базовых идеологических и политических ценностей советского общества, она стала важным фактором его реформирования и, в конечном счете, революционного преобразования».

Большинство приняло ликвидацию СССР как тяжелую утрату, 75% определили приватизацию промышленности как *грабительскую*, т.е. произошло осознание приватизации как *зла*. Бывшие члены КПСС после запрета этой партии в массе

своей не стали антикоммунистами, и были глубоко оскорблены действиями власти и верхушки партийной номенклатуры.

Дело было не в количестве, а в том, что любая общность в *момент становления* обладает особыми качествами (активностью, творчеством, бунтарством и пр.). В конце XIX века в России интеллигенции было мало, но она стала «дрожжами» всей России. В СССР молодая послевоенная городская интеллигенция была иной общностью, нежели старая российская и первая советская интеллигенция. Война оказалась *разрывом непрерывности*. Это и произошло в СССР: и в социальных группах, и в культурных и этнических.

Наша проблема в том, что вот уже 30 лет мы не сдвинулись к *предвидению будущего*. Движение вперед – условие *возрождения* страны. Образ прошлого настолько заполнил нашу память и мышление, что мы как будто сидим на родном пепелище и около могил дорогих людей и не можем встать и пойти. Травма краха не заживает и даже передается части молодежи. Но уже надо встать.

Наша история – наше достояние и сокровище. Но не просто активизировать и запустить этот ресурс в работу на благо подавляющего большинства, стране и братским народам. Подходы к этому наследию надо изучать, и это время пришло.

Вспомним слова Гете: «Заслужите приобретенное от предков, чтобы истинно владеть им».

С начала краха СССР, новых кризисов и войн, в большинстве народов и культур изменяются картины мира, смыслы понятий, образы прошлого и будущего – и даже самого человека. Старые инструменты для изучения, понимания и освоения реальности недостаточны.

Как же увидеть *ядро бытия* страны и народа – ведь экономика неотрывно соединена с политикой, с культурой и часто с войной. Образ этого сгустка в его движении, люди создают в воображении, но требуется *визуализация* предмета. Надо соединять части реальности («Творить – значит

соединять»). Но нам трудно увидеть всю картину – мы ее не знаем!

Далее – «перестройка». Тогда большая часть элиты и номенклатуры ринулась в «холодную» войну против большинства населения. Эта их революция была реализована быстро и вопреки установкам основной массы населения. Никто в массе не понял, какая угроза для общества раскол без рационального объяснения, и чем нам угрожал раскол. Сказали из эмиграции: «Каждое поколение интеллигенции определяло себя по-своему, отрекаясь от своих предков и начиная – на десять лет – новую эру. Можно сказать, что столетие самосознания русской интеллигенции является ее непрерывным саморазрушением».

Теперь наши ученые стали изучать ветвь систем разных типов *солидарности* и отметили, что понятие солидарности заняло важное место в различных направлениях теоретической социологии, в частности, в теории социальных систем. Сейчас мы видим, что граждане, привычные к *механической солидарности*, мыслили в отставшей картине мира – и потому их картина нормальной жизни в обществе и поддерживали общепринятые мифы. Вывод таков: «Если с этих позиций взглянуть на общество, то оно было равновесным и стабильным. Социологи тех лет и вообще либеральная интеллигенция тех лет сильно ошибались в его оценке».

Оказалось, старые мифы исчезли – почему? Потому что системы *механической солидарности* и *органической солидарности* столкнулись в тяжелом конфликте. При этом общности и группы изменились или распались (в основном это были небольшие сообщества, но они имели влияние). Философ А.С. Ципко вспоминал в 2008 г.: «Во время одной из телепередач на упрек в несостоятельности российских демократов Юрий Афанасьев неожиданно ответил: “Вы правы, результат реформ катастрофичен и, наверное, не могло быть по-другому. Мы, на самом деле, были слепые поводыри слепых”».

Для нашей темы главное в том, что взрывное возникновение множества групп с разными когнитивными структура-

ми и ценностями создало для политической системы ситуацию реальной невозможности пересобрать новое население в общество и нацию – старая партийно-государственная машина не могла ни понять, ни предвидеть, ни выработать новые технологии. А молодое образованное поколение номенклатуры шло уже другим путем.

* * *

Мы проиграли «холодную» войну – у нас не было важного куса знания. Но уже мы давно знали, что у нас строй – ни *капитализм*, и ни *социализм*. Требуется изучить нынешний строй и картины мира у нас и на Западе.

Тех авторов и учителей, которые пытались собрать куски знаний, жалели и иногда даже уважали, но все оказалось бесполезным. Те проекты 1970-1980 гг., которые мы разрабатывали вместе с мировыми бригадами, остановились – почти все сотрудники исчезли и пропали. Все они получили культурную травму, стресс был таков, что мы не помним свои работы. Если мы их находим, мы с трудом верим, что это наши тексты – они даже кажутся ценными сейчас. Потому что они созданы в сферах дисциплин реальной науки. Эти осколки найдены в раскопках.

Но прыгнуть в пространство 2019 г. не получится. В пространстве 1988-2019 гг. мы могли только убирать мусор хаоса и восстанавливать минимальный порядок в мышлении и сознания. Над нами летят тучи невежества. В 1990-е гг. мы старались восстановить образы нашего прошлого, делали наскоро, включая свои воспоминания. Я это делал, вспоминая моих дорогих друзей, которые пошли по другому пути. Это была катастрофа. Понять было трудно, думали непрерывно. Кое-что просветлило.

Наши тексты почти все злободневные – мы плыли в потоке, а часто и в водовороте (в школе и в вузе реальную картину революции и СССР не давали, масса нашего общества погрузилась в невежество). Изучать прошлую реальность было трудно и больно. В большинстве мои сверстники от меня отошли, ничего не поделаешь.

А дальше надо было представить картину СССР – великую цивилизацию и ее распад. Нашим людям надо очистить образ нашей цивилизации, все равно ее прошлая сила вошла в ядро мировоззрения. Это было необходимо, ведь уже молодежь времен перестройки показала поразительное невежество в представлениях о революции и строительстве СССР. Это не вина молодежи, но такая степень невежества стала национальной угрозой. Наследие русского коммунизма уже стало историей, туманным преданием.

Это была уже серьезная работа. Это движение было очень сложным. Считалось, что «образы прошлого – ресурс для проектирования будущего», а символы, «приходя из прошлого и уходя в будущее», обретают новые смыслы. Так, как будто они и вяжут цепь времен. Философы утверждали, что образ будущего собирает людей в народ, обладающий волей. Это придает устойчивость обществу в его развитии. В то же время образ будущего создает саму возможность движения (изменения), задавая ему вектор и цель. Оба условия необходимы для существования сложных систем, какими и являются общества и народы.

В действительности, все это сложнее: мы видим, что наши братские народы топчутся уж 30 лет – нет ни векторов, ни целей. Прощупывая пространства, болота и омуты, мы не имеем права «утратить веру в будущее». Но для этого надо восстановить цепь *прошлое–настоящее–будущее*. Но в нашей символической сфере эта цепь разорвана – большинство людей погружено в прошлое, а настоящее считают выморочным временем, которое надо только пережить. Что же до будущего? Как писал А.Ф. Лосев, «...если действительность есть, то возможны и символы; а если ее нет, то невозможны и никакие символы действительности». Сегодня в России во многих срезях реальности нет действительности, в которой могут «работать» символы, созданные в советский период. Они пока законсервированы в катакомбах. Шекспир сказал: «...развал в стране и все в разъединенье».

Да, хаос измучил людей, но они получают знания и потом пересиливают стихии. Близкие товарищи соединяются и

вступают в синергическое взаимодействие. Совместное действие превосходит простую сумму действий.

Главное – описать аспекты реальности краха СССР, кризиса страны, жизнеустройства и культуры. Но еще идет массовое погружение в невежество, и уже в будущее продвигается длинное щупальце. Книги помогали разбирать части нашей картины в сгустке прошлого и актуального, но и с пробросанным вперед щупальцем. Некоторые системы, которые были уже изучены, исчезли – они задвинуты в тень, а затем после 1955 гг. их прикрыли невежеством. Для нас раскапывать эти системы было больно.

«СССР в 1980-е годы переживал этот кризис индустриализма как часть промышленно развитого мира (со своими особенностями). В обстановке перестройки ситуация изменилась принципиально. Быстрое изменение, а порой и распад политических, экономических, социокультурных структур и межнациональных отношений создали в России совершенно новую, в истории никогда не возникавшую систему технологических опасностей...

Саму *безопасность* (как сформулировано в концепции В.А. Легасова) необходимо рассматривать не как свойство объекта (качество, надежность), за которое отвечает то или иное ведомство, а как всестороннюю защищенность человека, окружающей среды и биосферы...; главным фактором риска является человек (“человеческий фактор”)... Так, в 1990-е гг. в нашей стране произошла дестабилизация по всем сформулированным В.А. Легасовым “девяти граням опасности”, и риск перешел в новое, неизвестное науке состояние системной опасности, при котором все элементы техносферы, “человеческого фактора” (включая глубинную психологию и подсознание), социумов (с возбуждением классовых, этнонациональных, религиозных, культурно-мировоззренческих стереотипов), природных комплексов и стихийных сил оказались чувствительно связанными друг с другом, так что возбуждение по любому из них, бессознательное или преднамеренное, вызывает по всем остальным реакцию в целом»⁵.

* * *

Проблема в том, что в 1955-1960 гг. начался новый фундаментальный этап СССР, и постепенно изменилась картина мира, а наши марксизм и обществоведение этого не увидели. Многие до сих пор думают, что можно вернуть этап 1930-1955 гг. Картина «прошлого» очень полезна, но дальше надо искать пути выхода из кризиса и возможности наших действий.

Во время перестройки значительная часть ученых и авторитетных ораторов приняла активное участие в политике легитимации нового строя. На основании опросов 1989-1990 гг. Ю. Левада писал: «Носителями радикально-перестроечных идей, ведущих к установлению рыночных отношений, являются по преимуществу представители молодой технической и инженерно-экономической интеллигенции, студенчество, молодые работники аппарата и работники науки и культуры».

Подумайте, профессор А. Лифшиц так успокаивал читателей: «В конце концов, нами история не заканчивается. Придут новые поколения. Коли посчитают нужным, поправят то, что мы натворили... Не исключено, что те, кто ее исповедует, доберутся до штурвала государственного корабля. Хотелось бы только, чтобы это случилось не скоро. В стране еще полно дел для правых, консервативных правительств. Только им по силам достроить здание рыночной экономики» (1993).

Для кого это говорил А. Лифшиц? Думали, что люди успокоились и стали ждать, когда все «будет наполнено имуществом»?

Вот ситуация: все мы не поняли, даже сейчас, какую угрозу для общества создал раскол мировоззрения. До перестройки все товарищи, хотя и спорили, но шли в нашем строю. Сейчас мы имеем картину нашего мира от перестройки до 2000 г. За эти годы и прошла над Россией туча невежества. Другую ее волну (уже в XXI веке) только начали иссле-

довать и создавать новые методологии. Но для этого надо иметь достаточно данных о генезисе первой волны. Мы говорили, чтобы представить достоверную картину погружения в невежество общности интеллектуалов («креативного класса»), надо увидеть контекст.

Раньше говорили студентам, что главная ценность науки – накладывать запреты и указывать на то, **чего делать нельзя**. Это великое, но неприятное предупреждение науки. Но такие запреты исчезли. На горизонте мины, заложенные в 1990-е гг., созревают до того, чтобы начать рваться, только сейчас, уже в XXI веке. Главный вал отказов, аварий и катастроф придется на то поколение, которое входит в активную жизнь. Большинство опасностей, предсказанных специалистами при обсуждении доктрины реформ в начале 1990-х гг., *проявились*, но не так, как думали.

С новой философией 1992 г. много научных работников остались без работы. Летом 1993 г. уход научных сотрудников в отпуск без содержания принял массовый характер. В ядерном центре Арзамас-16 зарплата сотрудников составила 5 тыс. руб. (в среднем в науке получали 14 тыс., а в банковском деле – 70 тыс.).

Численность научных работников (исследователей), ведущих исследования и разработки, в СССР и СНГ упала в 2010 г. в 2,5 раза по сравнению с 1990 г.

Есть фактор: большие системы, сложившиеся в советское время, обладали большим запасом «прочности». И получалось, что «носители рыночных отношений» быстро доводили структуры до катастроф, а государство бьет в набат и созывает работников, солдат, врачей – *помогите, братцы!* Появляется *Призрак*, похожий на «военный коммунизм» – он быстро поправит то, что разрушено и сгорело или построит новое. Но природа этой устойчивости наших работников не выявлена и ресурсы ее не определены. Это создает опасную неопределенность, поскольку исчерпание запаса прочности может быть лавинообразным и момент его предсказать трудно.

Неоднократно власть подчеркивала, что финансироваться будет лишь *фундаментальная* наука. Это противоречит знанию о науке. Наука – не профессор Доуэль с его головой без тела. Идея поддерживать лишь престижные научные школы была *ложной*. В условиях кризиса необходима деятельность не ради «*увеличения блага*», а ради «*сокращения ущерба*». Труден переход к критериям, направленным на *предотвращение ущерба*, но это даже и не осознается.

С самого начала перестройки СМИ открыли кампанию по дискредитации здравоохранения и медицинских работников. По самому смыслу слово *здравоохранение* – это объект заботы государства, а не *предпринимательства*. Подчинять здравоохранение рынку – это все равно, что во время войны заменить армию частными фирмами.

Академия наук РАН предупредила власти (1999 г.): «Биологическая безопасность становится одной из главных проблем наступающего тысячелетия. Уже нет технологических ограничений для разработки изощренного биологического супероружия, способного опустошить планету» и т.д. Мы не знали, прочитали ли это? Министр Т.Е. Голикова вдруг объявила, что «у нас не хватает 150 тысяч врачей и 800 тысяч медсестер»! Все знают, сколько ликвидировали больниц на сельской территории?

Тяжелый опыт.

Я был химик, меня послали в университет на Кубе (1967). Мне пришлось учиться и понимать людей, еще не остывших от революции, – и левых, и правых, много иностранных и наших. Я считал, что мы *община* и «*единство*». Но за год я узнал, что наше «единство» расходится по разным тропинкам. При этом не из-за классов. В Москве в 1968 г. я оценил угрозу развития болезни СССР – в обществе, государстве и особенно в образовании.

Я стал изучать картину нашего мира, США и союзников, – как в «жесткой» науке, так и в гуманитарной. Обе «науки» не соединяются! Читая Маркса, видно, что его учение насыщено идеологией.

Тогда несколько групп стали изучать объективные системы и явления. Но пришла перестройка. Исследования прекратились, разумные ученые США ахнули, они такого не хотели. В 1990 гг. мы старались восстановить образы нашего *прошлого*, делали наскоро, включая свои воспоминания. Изучать прошлую реальность было трудно и больно, а без этого не понять *нынешнее*.

А дальше надо было представить картину СССР – цивилизацию и ее распад. Так появилась книга «Советская цивилизация» (2001). Ее читают, но эта книга помогла только восстановить (частично) образ прошлой страны. Это было необходимо – молодежь времен перестройки показала поразительное невежество в представлениях о революции и СССР. Наследие русского коммунизма уже стало историей, туманным преданием.

После открылся перекресток и путь для соединения прошлого и *актуальной* картины постсоветского пространства. Это была уже серьезная работа. Прошрое мы в какой-то мере могли представить и двинуться вперед, хотя еще впереди был туман. Это движение было очень сложным. Философы утверждали, что *образ будущего* собирает людей в народ, обладающий волей. Это придает *устойчивость* обществу в его развитии. В то же время образ будущего создает саму возможность *движения* (изменения), задавая ему вектор и цель. Оба условия необходимы для существования сложных систем, каковыми и являются общества и народы.

Например, Маркс для массы советских граждан был символом, но теперь требовалось увидеть и понять контекст российского марксизма. Реальный «марксизм XIX века» разрушил Российскую империю и пытался создать капитализм «европейского типа». Но силы воевать с крестьянами, рабочими и большевиками у них не было. Они создали «марксизм-ленинизм», и так развивали СССР.

Стоит просмотреть короткий текст официальной книги 1994 г.: «Никогда и никому не приходилось оценивать технологии в условиях *деиндустриализации* страны с мощной и

опасной промышленностью. Причем страны, чья промышленность создавалась как *единый комплекс*. Оценка технологий, выводимых из употребления не для замены лучшими, а из-за *распада* технологического комплекса, – это более трудная задача, чем обновление или расширение технологической базы.

В обстановке перестройки ситуация изменилась *принципиально*. Быстрое изменение, а порой и распад политических, экономических, социокультурных структур и межнациональных отношений создали в России совершенно новую, в истории *никогда не возникавшую* систему технологических опасностей. Распад техносферы, которая создавалась как единое целое, резко дестабилизирует состояние каждого элемента».

Если мы хотим выжить как народ и как культура, надо *знать* и *понимать* русскую революцию. Наша беда, что Ленин и его соратники не имели времени, чтобы ясно описать свое дело и тем более дать нам *понять* его, – они следовали *неявному* знанию. Ленин и его соратники находили знание, а искать академические формы найденного не было времени. Напротив, интеллектуалы Февраля пытались следовать канону западных буржуазно-демократических революций, разработанному в учении Маркса. Они мыслили в рамках модерна XIX века, в парадигме *науки бытия*. А большевики мыслили в логике *науки становления*. Меньшевики и большевики мыслили и действовали в разных парадигмах. Разные парадигмы значит, эти общности видят *разные картины мира* (включая человека, общество, государства и т.д.).

Аналитикам надо *реконструировать* ход их мысли и дела. Эту возможность мы получили только сейчас, когда сникла и советская идеология, превратившая Ленина в икону, и когда выдохся черный миф о Ленине. Тот социализм, что строили большевики и весь народ, был эффективен как проект людей, *испытавших беду*. Но тот проект уже не отвечал запросам общества благополучного – общества, уже пережившего и *забывшего* беду как тип бытия. Переход к но-

вому этапу общественного развития происходил при остром дефиците знания о советской системе в новых условиях. Это особенно проявилось у молодежи.

Глубокие изменения в образе жизни, структуре общества и в культуре требовали перехода от *механической* солидарности к *органической*. Надо вдуматься в фундаментальный фактор, на который не обратило (и не обращает) внимания наше образование, а за ним и общество: *советское общество в период сталинизма (до 1950-х гг.) было скреплено механической солидарностью*. Это значит, что подавляющее большинство граждан по своему образу жизни, культуре и мировоззрению были очень близки – население было в состоянии «надклассового единства трудящихся». Это общество было похоже на религиозное братство. Но быстрое развитие промышленности, образования и возникновение множества профессий сделали общество *гетерогенным*. Переход от *механической* солидарности к *органической* – это тяжелое потрясение, как урбанизация. Это усугубило культурный кризис советского общества.

Наше общество и государство страдают от острого дефицита знания о нас самих. Правда, в последние 30 лет многие занимались «археологией знания» и многое поняли. У стариков после войны было «неявное знание», и они быстро устраняли поломки и находили лучшие решения, а общественная наука витала в других сферах. Старики ушли, а мы остались без систематического знания. Во время перестройки мы стали по крупицам собирать знание. И получилось так, что большинство населения отшатнулось от изучения аварий и катастроф русской революции.

* * *

«Чума действует лишь как усилитель классовых отношений: она бьет по бедности и щадит богатых» (Ж.-П. Сартр).

Это мощный исток, он работает долго, а сейчас представил себя в плаще Возрождения. На Западе часть филосо-

фов, посмотрев капитализм и социализм, сказали, что такие истоки распадаются и создают хаос, кризисы, войны ... и *эпидемии*. Вот первые их научные проекты. Консервативные идеологи Европы после Реставрации и особенно после революции 1848 г. взяли на вооружение для объяснения революционных процессов модель-метафору *эпидемии*. Эта модель распространения инфекционных заболеваний была уже хорошо разработана в медицине и широко известна. Представление революции как «политического нездоровья» и «психической эпидемии» было эффективно использовано властями – по прямой аналогии с понятными противоэпидемическими мерами возникли механизмы цензуры и превентивного заключения («карантина»)⁶.

В докладе Римского клуба «Первая глобальная революция» (1991) в среднесрочной перспективе (к середине XXI века) будущее видится так: «К середине следующего столетия в сегодняшних промышленно развитых странах будет проживать менее 20% всего населения Земного шара. Способны ли мы представить мир будущего, в котором кучка богатых наций, имеющая новейшее вооружение, защищается от огромного количества голодных, необразованных, не имеющих работы и очень злых людей, живущих во всех остальных странах? Такой сценарий, вытекающий из современных тенденций развития, не предвещает ничего хорошего...

Совсем нетрудно представить себе бесчисленное количество голодных и отчаявшихся иммигрантов, высаживающихся из лодок на северном побережье Средиземного моря... Приток мигрантов может вызвать резкое усиление “оборонительного” расизма в странах въезда и способствовать установлению в них на волне популизма диктаторских режимов».

И венец всего таков: «Таким образом, нашим настоящим врагом является само человечество»⁷.

А сейчас к пандемии поставили еще источник угроз, и вся эта система соединилась с холодной войной парий и

мафии – и против капитализма, и против социализма. А мы ни капиталисты, и ни социалисты, и не ходим учиться – и куда нам идти?

* * *

Это кусочки аналитики, чтобы студенты подумали о картине мира.

Аналитики Академии наук (РАН) предупредили государственные власти о риске и угрозах (в 1999 г.). Было сказано: **«Биология и национальная безопасность»**. На пути бурного биологического прогресса не исключены – и даже неизбежны – крайне отрицательные последствия. Главная опасность, подстерегающая человечество, это тот факт, что все достижения и технологические разработки генной инженерии, генной терапии и других направлений биотехнологии могут быть непосредственно и прямо использованы для создания биологического оружия нового поколения. Другая опасность – возможность неконтролируемого распространения искусственных генных созданий с непредсказуемыми последствиями для других живых организмов, включая человека.

Таким образом, биологическая безопасность становится одной из *главных проблем наступающего тысячелетия*. В современных условиях уже нет технологических ограничений для разработки изощренного биологического супероружия, способного опустошить планету...

При этом для обеспечения биологической безопасности было бы неверно сосредоточить усилия на каком-то конкретном направлении или круге объектов, поскольку постоянно выявляются новые факты и закономерности, новые уязвимые системы живых организмов и методы их защиты. В масштабе страны готовность к любым неожиданностям может быть обеспечена только при широком фронте исследований, ведущихся на максимально высоком уровне. Эти исследования должны сочетаться с продуманной государственной программой по просвещению и образованию в области биологии...

Биологическое оружие, называемое «атомной бомбой бедных стран», официально признано главной угрозой безопасности США»⁸.

Но в 1988 г. были начаты массивные изъятия из *основных фондов* здравоохранения. В 1985 г. коэффициент обновления основных фондов (в сопоставимых ценах) был равен 7,2%, в 1990 г. 5,7%. К 1995 г. он упал до 1,5%, прошел через минимум в 1998 г. (0,7%). Стала сокращаться сеть больниц, в РФ эта сеть за время реформ сократилась *вдвое*, уменьшилось число коек – на 59%. Как это объяснили аналитики?

Только во время перестройки люди стали понимать, куда процесс движется, хотя уже в 1955 г. можно было увидеть сигналы. В 1950-е гг. на философском факультете МГУ вместе учились М. Мамардашвили, А. Зиновьев, Б. Грушин, Г. Щедровицкий, Ю. Левада. Об этой когорте писали: «Общим для талантливых молодых философов была смелая цель – вернуться к подлинному Марксу». Их было больше, и они были элитой, близкой к власти.

Все они были очень яркими людьми, в сфере гуманитарной интеллигенции были известны и прекрасные друзья, с ними многие были лично знакомы. Вокруг них возникали кружки студентов с разных факультетов, они читали Маркса и обсуждали его тексты. А в 1990-е гг. указывали многие авторы: крах СССР был «предуготовлен движением “шестидесятников”». Картина мира этих революционеров постепенно заводила в безвыходный тупик. Главным идейным оружием антисоветской элиты во время перестройки был *антисоветский марксизм*. Он парализовал советских людей, которые с колыбели росли под портретом Маркса. Это и есть страшное потрясение в том, что *никто не заметил* необычное: талантливые молодые философы поверили в догмы и гипотезы Маркса, которые в 1880-е гг. уже устарели. Так, советская интеллигенция постепенно приняла соблазн этого иррационального мессианского *невежества*. Но и большинство увидело надвигающуюся угрозу только после 1985 г., но и это большинство только сейчас начало видеть *исток* этого про-

цесса. Так, половину XX в. все мы погружались в невежество, которое по-разному подтачивали и СССР, и нашу культуру и общество.

В таком состоянии аналитика дефектна. Студенты, изучающие дисциплины аналитики, должны бы видеть истоки и развитие болезней нашей цивилизации. Диагноз сейчас уже собрал полезные картины. Но многие трудно понять. Г.С. Батыгин писал: «Нельзя не учитывать, что “оттепель”, обозначившая конфронтацию (пишущей) интеллигенции и бюрократизированной власти, сопровождалась взрывом коммунистической экзальтации. Троцкистская идея перманентной коммунистической революции стала основой антисталинского движения».

Вот, вдруг известный уважаемый замечательный врач, военный хирург, Герой Социалистического Труда Н.М. Амосов пишет: «Неравенство является сильным стимулом прогресса, но в то же время служит источником недовольства слабых... В капитализме важнейшим стимулом, хотя и со знаком минус, является страх перед безработицей. Боюсь, что и нам совсем без нее не обойтись... Лидерство, жадность, немного сопереживания и любопытства при значительной воспитуемости – вот естество человека». Почему это?

Вот уникальный случай: А.Д. Сахаров – советский ученый, окончил МГУ, стал академиком АН СССР, как великий физик сыграл большую роль в создании советской водородной бомбы, гордился этим, трижды удостоен звания Героя Социалистического Труда. Но почему *образом зла* у него стал СССР, где он родился, учился, работал в коллективе замечательных ученых? И притом, что он был избран народным депутатом СССР!

Видный российский психиатр Ю.А. Александровский пишет о травмах социальных потрясений от российской реформы: «[После 1991 г.] наступил экономический и политический хаос, породивший безработицу, миллионы беженцев, значительное расслоение по уровню материальной обеспеченности. Эти причины, а главное, затянувшийся характер

негативных социальных процессов привели к распаду привычных социальных связей... Выделяют три варианта расстройств. Первый выражается в апатии, отчужденности, чрезмерной тревожности или депрессии. Второй вариант – разрушительная, направленная вовне агрессия. Третий вариант – развитие магического мышления со сверхценными (бредоподобными) идеями мистического, иррационального содержания».

Мы не знали, что за целый век Запада прошли кризисы и войны – потому, что индустриальная (промышленная) революция перевернула организацию общества, и производство, и быт, и социальную структуру. Произошли и политические (буржуазные) революции, которые оформили все эти изменения как новый общественный строй. Возникло новое, *индустриальное* общество – и новый человек, по своей культуре и самосознанию резко отличающийся от человека агрария. Человек Запада посчитал себя всемогущим, обрел свое второе, языческое Я.

Но и в СССР произошел распад *механической солидарности*, а создать другую структуру не смогли – у нас не было знания.

Но Запад в «холодной» войне ошибся. М. Хайдеггер в своей работе «Европейский нигилизм» ищет ответ именно на этот вопрос: «Спросим: каким образом дело дошло до подчеркнутого самоутверждения “субъекта”? Откуда происходит то господство субъективного, которое правит всем новоевропейским человечеством и его миропониманием?»⁹.

В книге У.Р. Каттона сказано: «После Второй мировой войны мы, американцы, до такой степени стали верить в научно-технические чудеса, что для нас перестали существовать физические ограничения...

Рокфеллеровские эксперты одобрили сверхтехнологическое будущее, заявив: «Уже сейчас можно различить контуры будущего, в котором мирный атом приведет к неограниченной энергии и материалам»... Освоить управляемую термоядерную энергию предполагалось через десять, макси-

мум тридцать лет. Комиссия предлагала Соединенным Штатам перейти от философии экономии ресурсов к политике, определяемой как “мудрое управление изобилием”... Такие откровения оказали сильное влияние на национальных лидеров и их представления о возможностях науки и техники. ... Вера во всемогущество науки глубоко проникла как в правительственные круги, так и в народ»¹⁰.

Некоторые говорили, что рано или поздно – *оно* «взорвется». И в Нью-Йорке в 11 сентября 2001 г. случилась катастрофа. Философ Ж. Бодрийяр сказал: «В конечном счете, совершили это они, но хотели этого мы». Другой философ, Славой Жижек написал так: «Ощущение того, что мы живем в изолированном, искусственном мире вызывает к жизни представление, что некий злобный агент все время угрожает нам тотальным разрушением извне... Америка получила то, о чем грезил».

И в ходе глобализации создали хаос, который создал глобальную *пандемию*. Всем людям было очень трудно пройти эти бури, но посмотрите – и в США, и Западной Европы возникают большие общности, организация, почти бунты (пожары, погромы, «молекулярные войны»).

А посмотрите, как наши люди организовались, – и государство. В ситуации общего бедствия мы видим, что масса нашего населения представляет всему обществу и образы истоков и картины солидарности бывших граждан.

Молодым аналитикам эти системы надо было изучить в нашей стране и в современном Западе.

ЧЕЛОВЕК ЯРКОЙ СУДЬБЫ

Г.И. Осадчая,

доктор социологических наук, профессор

Сергея Георгиевича Кара-Мурза – советского и российского ученого, по образованию химика, профессора, автора работ по истории СССР, теоретика науки, философа, политолога и публициста я знаю по совместной работе в Институте социально-политических исследований РАН. Это человек яркой судьбы, который всегда ставил перед собой высокую планку в профессиональной деятельности. Закончив трехгодичную Школу юного химика МГУ, он в 1956 г. стал студентом химфака Университета им. Ломоносова, вошел в «ядро» 1-го курса, а сразу после завершения обучения долгие годы (до 1968 г.) работал с академиком СССР и директором Института органической химии (ИОХ АН СССР) Николаем Константиновичем Кочетковым. В своей книге «Записки о химии и о жизни» (1915-2005 гг.) Н.К. Кочетков написал: «Наконец, мы пришли к естественному плану проведения работ по этой тематике – разрабатывать методы избирательного распада макромолекул – «групповых веществ крови» (ГВК), разделять фрагменты и устанавливать их строение, т.е. использовать подход, ставший к тому времени классическим в химии белка. Первые опыты в этом направлении поставил Сережа Кара-Мурза. Он пришел к нам прямо с химфака в 1960-м, или 1961-м г. и оказался превосходным химиком и удивительным человеком. Он не слишком увлекался синтезом, хотя умел делать его превосходно, и обладал организованным и логическим умом, так необходимым для химика, анализирующего структуру неизвестного вещества. Это был очень интересный парень, совершенно русский по внешности и характеру, так что его восточная фамилия выглядела прямо-таки неуместно».

Сергей Георгиевич вырос во времена, когда в студенчестве еще были живы романтические традиции периода «ком-

сомольцев-добровольцев». Поэтому после защиты в 1966 г. кандидатской диссертации уехал на Кубу, чтобы помочь молодой кубинской революции. Работал в Гаванском университете и обучал кубинцев химии сахаров – и химии вообще, но не только. С.Г. Кара-Мурза стал общественным деятелем и очень популярным человеком: ездил с кубинцами на рубку сахарного тростника (так называемую сафру), участвовал в митингах. После этой командировки возникли прочные связи с этой интересной страной. Многие кубинцы работали потом в лаборатории Сергея Георгиевича по несколько месяцев и более.

В 1968-1990 гг. работал в Институте истории естествознания и техники (ИИЕТ АН СССР), где прошел путь от сотрудника до заместителя директора. В этот период он опубликовал более 50 статей по химии, статьи по истории и методологии науки и науковедению. Книги: «Проблемы организации науки» (1981), «Основы науковедения» (1985, в соавторстве), «Технология научных исследований» (1989).

Защитив в 1983 г. докторскую диссертацию по истории и методологии науки техники, как он сам писал «...ушел из любимой химии потому, что я оценил угрозу болезни СССР – в обществе, государстве и особенно в образовании». В эти годы Сергей Георгиевич читал лекции в университетах Испании, в 1989-1990 гг. работал приглашенным профессором университета Сарагосы, участвовал в политических форумах, отстаивал свои позиции в ходе встреч с известными политиками и общественными деятелями мира, например, с Мануэлем Аскарате, соратником Долорес Ибаррури, одним из руководителей компартии.

В 1990 г. был создан новый Аналитический центр по научной и промышленной политике АН СССР (затем РАН), в котором С.Г. Кара-Мурза возглавил отдел. В задачи отдела входило изучение хода и результатов реформ в СССР. А с 2007 г. он главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН (в настоящее время – ИСПИ ФНИСЦ РАН).

Сергей Георгиевич занимается проблемами системного анализа, в частности, разрабатывает темы: «Наука и кризис индустриальной цивилизации», «Россия – традиционное общество – советский проект». Широкую известность он приобрел своими яркими и незабываемыми работами об обществе и общественном сознании. Он автор книг: «Идеология и наука» (1992); «Евроцентризм – скрытая идеология перестройки» (1993); «Евроцентризм – эдипов комплекс интеллигенции» (1995); «Советская цивилизация» (2001); «Идеология и мать ее наука» (2002); «Сталыпин – отец русской революции» (2002); «Антисоветский проект» (2003); «Манипуляция сознанием» (2004). Его труд «Манипуляция сознанием» включен в ряде ВУЗов в учебные курсы по социологии. А издательства «Алгоритм» и «Эксмо» внесли его работу «Советская цивилизация» ((2001) в книжную серию «Классика русской мысли». Этот список можно продолжить и другими работами.

С большим интересом и сегодня люди читают книгу «Советская цивилизация», в которой он показал СССР как великую цивилизацию и описал ее распад. Эта книга помогла не только восстановить образ прошлой страны, но и представила некоторые системы и структуры СССР, других стран.

Особый раздел его творчества представляют книги: «Белая книга России» (1991-2015); «Потерянный разум» (2005); «Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили...» (2005); «Демонтаж народа» (2007); «Между идеологией и наукой» (2013). В ряде работ дается характеристика прошлого и актуального мира. Первая такая книга – «Маркс против русской революции» (2008). Книга «Угрозы России» (2009) представила структуры возможных и вероятных угроз. Автор показывает, что некоторые угрозы были неизбежны. В более позднее время вышли книги «Народное хозяйство СССР» (2012 и 2020); «Аномия в России: причины и проявления» (2013); «Крах СССР» (2013); «Русский коммунизм. Теория, практика, задачи» (2013); «Российское обществоведение: становление, методология, кризис» (2016); «1917. Две революции – два проекта» (2017); «Ленин. Алгоритм революции

и образ будущего» (2018); «Война и политика. История русских воззрений на политэкономия» (2020). Из новых – книга «Погружение в невежество».

В своих работах С.Г. Кара-Мурза утверждает, что, рассуждая о развале СССР, нельзя обойтись простой формулой: «Перестройка стала спецоперацией холодной войны с целью демонтажа народа». Если обращение к прошлому «обусловлено задачей заглянуть в будущее, то этой формулы недостаточно. Тем более Российская Федерация по своему национально-государственному типу – тот же Советский Союз, только поменьше. А значит, мы жизненно заинтересованы не только понять философию и технологию распада (о чем написано немало, в том числе и автором статьи), но и выявить по-настоящему глубинные причины кризиса. А они сокрыты не в 1985-м, а, скорее, в 1955 году». Так что, обратившись к прошлому, мы, по сути, станем размышлять о настоящем и будущем.

Он показывает – постсоветская Россия тридцать лет переживает кризис, а множество обществоведов «не выдали ни одного труда, которые внятно объяснили бы людям, что происходит и куда все это катится». Научное знание живет и «прирастает лишь в сообществе, а его-то не стало в 90-е, и само оно не возрождается. Так, армия, ставшая толпой обезоруженных, теряет боеспособность, мы не извлекли уроки из прошлого, в том числе в должной мере не изучили Запад». Утверждает, что «прогресс, индустриализация травмировали общество, к концу 1950-х годов признаки механической солидарности оставались лишь в деревне и армии. А в целом советское общество начало ликвидировать механическую солидарность, прочную солидарность общины. И мы этого не увидели, не осознали».

Широта научных интересов Сергея Георгиевича, нетривиальность мышления, эрудиция, профессионализм, принципиальность, умение идти по жизни и в науке своим путем снискали не только авторитет и уважение коллег, но и признание в российских академических и писательских кругах. Свидетельство тому – Серебряная медаль имени Пяти-

рима Сорокина за вклад в науку, членство в Союзе писателей России. Как автор политических работ выступает сторонником советского проекта. Член Экспертного совета «Политического журнала».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Комплексная программа научно-технического прогресса СССР на 1991-2010 годы. Проблемный раздел 1.1. Развитие фундаментальных исследований // Академия наук СССР, Госкомитет СССР по науке и технике. – М., 1988. – С. 27.
2. Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Процессы интеграции и дезинтеграции в социальной структуре российского общества // СОЦИС. – 1999. – № 9.
3. Шанин Т. Революция как момент истины. – М., 1997.
4. В 1924 г. А.В. Чаянов дал прогноз: «Какие меры могут предотвратить опасность возникновения в социалистическом обществе на основе новых производственных отношений новой классовой прослойки, которая могла бы создать такие формы распределения социального дохода, при которых режим в целом утратит присущее ему первоначально высокое идейное содержание?» [Чаянов А.В. К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства. – М., 1989]. Так же Сталин (1937 г.) сказал о будущих угрозах.
5. Российская промышленная политика и проблемы индустриализма. – М.: Госкомитет РФ по промышленной политике, 1994.
6. Gundlach H. Riot, rebellions, revolutions. Psychological interpretations in the 19th century // XVIIIth Internat. Congress of History of Science. – Hamburg, 1989.
7. Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. – М.: Прогресс, 1991.
8. Материалы Российской академии наук к проекту доклада Правительства Российской Федерации и Президенту Российской Федерации о направлениях государственной научно-технической политики.
9. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 266.
10. Каттон У.Р.-мл. Конец техноутопии. – Киев: ЭкоПраво, 2006. – С. 8-10.

**ГОСУДАРСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
И ПРАВОВАЯ
АНАЛИТИКА**

СТРАТЕГИЯ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

В.Н. Кудрявцев

В основе данной статьи – доклад, сделанный на заседании Президиума РАН в июне 2003 г. Автор анализирует различные методы, применяемые в борьбе с преступностью в России и за рубежом, богатый опыт многовекового противостояния властей и криминала и намечает пути совершенствования работы наших правоохранительных органов. Более обстоятельно все эти проблемы рассмотрены автором в книге, которая недавно вышла в свет*.

Преступность сопровождает развитие стран и народов от самых истоков их существования. Особенно она выросла во всем мире к концу XX – началу XXI в.¹ Гибель людей, имущественный ущерб, дезорганизация производства, ослабление государственного управления – это далеко не весь вред, причиняемый обществу преступностью. В конечном счете она тормозит общественное развитие, а подчас серьезно угрожает национальной безопасности. В нашей стране она стала подлинным социальным бедствием. Достаточно сказать, что в России в последнее время совершается до 3 млн преступлений ежегодно², и борьба с преступностью относится к одной из приоритетных задач.

Выработка и реализация эффективной стратегии борьбы с преступностью – непростое дело; им занимались все государства не одну сотню лет, но заметных результатов так и не достигли. Мы рассмотрим несколько основных стратегий, известных в прошлом и практикуемых в настоящее время. Классифицировать их можно по-разному. Наиболее продуктивной представляется увязка направленности той или иной стратегии с соответствующим элементом механизма совершения преступления.

* Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью: монография / В.Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Репр. изд. – М.: Норма: ИНФРА М, 2020. – 368 с.

Известно, что всякое преступление – это определенный процесс, который начинается с негативного формирования личности; затем складывается мотивация, принимается решение, осуществляется преступление; потом следуют события, совершающиеся после преступления (наказание преступника или же его уклонение от правосудия). Это отражено в таблице, где упомянуты далеко не все стратегии и не в той последовательности, в которой было бы целесообразно их рассмотреть. Эта последовательность связана с историческими вехами развития законодательства, логикой борьбы с преступностью, а также логикой изложения материала.

Механизм	Формирование личности преступника и мотивов преступления	Совершение преступления	Постпреступное поведение		
Стратегии	Предупреждение преступления (индивидуальное и социальное)	Пресечение преступления	Уголовное преследование	Наказание	Ресоциализация преступника

Учитывая сказанное, прежде всего следует остановиться на такой простейшей стратегии, как пресечение совершаемого преступления, при котором большей частью происходит прямое и непосредственное столкновение жертвы с преступником. С самых давних времен население стремилось пресечь совершаемое злодеяние и тут же, на месте расправиться с виновным. Деревни преследовали конокрадов, горожане защищали свои дома, более или менее состоятельные люди всегда имели при себе оружие. Надо заметить, что государство стало помогать этой борьбе – пресечению преступлений – довольно поздно. В России только в 1649 г. была учреждена полиция, причем численность ее была невелика. Например, в уездном городе, вроде того, что описан в гоголевском «Ревизоре», было только шесть полицейских. Так что сделать они могли мало. Не случайно с давних времен сохранился институт необходимой обороны, или самозащиты от нападения, который постепенно совершенствовался:

кроме защиты самого себя и своего имущества закон стал допускать защиту других лиц, подвергшихся нападению, а также государственных и общественных интересов.

Возник вопрос и о запрете превышения пределов необходимой обороны, потому что самозащитой стали злоупотреблять. В российском уголовном кодексе все эти вопросы решены сейчас достаточно рационально.

Допускается любая защита при нападении, опасном для жизни обороняющегося или другого лица. Иными словами, право необходимой самообороны расширено³.

Но возникает несколько других проблем. Одна из них – вооружение граждан. В средствах массовой информации звучит такой тезис: «Давайте всем раздадим оружие, каждый будет защищаться сам и преступность сократится».

Но есть и другая точка зрения. Я присоединяюсь к ней и считаю, что в наших условиях никакого вооружения населения допускать нельзя, иначе мы сами друг друга перестреляем. Известно, что в Соединенных Штатах Америки, где допускается беспрепятственная продажа оружия, убивают родственников и соседей чаще, чем настоящих преступников. В чем причина? В основном убийства происходят из-за мелких ссор, во время совместного пьянства, незначительных обид, а также из-за неумелого обращения с оружием. Всем известны случаи, когда дети убивали своих учителей и сверстников.

Еще одна проблема – использование войск для пресечения преступлений. Дело в том, что военная доктрина запрещает использовать войска внутри страны. Но как быть, когда преступная сила велика? В исторической практике регулярные войска применялись внутри страны не так уж редко. Вспомним о восстаниях Разина, Пугачева, Болотникова и других, когда войска использовались в борьбе с теми, кого власть признавала преступниками. В Чечне борьба с преступными формированиями тоже происходила с помощью армии. Теперь, как известно, военная доктрина будет пересматриваться.

Говоря о стратегии пресечения преступлений, надо подчеркнуть значение такого факта, как продолжительность и сложность совершаемого преступления. Хорошо известно, что изменилась технология во многих областях жизни, в том числе и технология преступлений. Сейчас не в ходу известный ультиматум «Кошелек или жизнь». Многие преступления усложнены, «растянуты» во времени. Таковы, например, заказные убийства, отмывание денег, пересылка наркотиков, деятельность преступных организаций. Пресечение различных сложных операций вполне возможно. Но для этого нужны новые информационные системы. В ряде стран уже выпускаются мобильные телефоны с кнопкой для вызова полиции; есть и другие устройства, сообщающие о появлении подозрительных лиц. Когда преступник не убит, а пойман во время столкновения, то начинается длительная процедура, которая именуется уголовным процессом (часть его – уголовное преследование).

В процессуальной деятельности в течение, наверное, 5 тыс. лет боролись два направления: первое – состязательный процесс и второе – розыскной процесс. В чем состоит состязательный процесс? Истец и ответчик приходили в суд и вели спор перед судьями, которые занимали нейтральную, беспристрастную позицию. А при розыском процессе ситуация другая. Военная или полицейская стража хватала подозреваемого и волокла его на суд и расправу. Никаких прав он не имел.

Большей частью был смешанный процесс. Вспомним библейскую легенду об Иисусе Христе и Понтии Пилате. К нему пришли местные священники – фарисеи, привели Христа и сказали: «Вот человек, который объявляет себя царем Иудеи. Разбери это дело». Произошла короткая дискуссия. Понтии Пилат, как известно, умыл руки и не стал разбирать дело, а отдал фарисеям Христа, которые осудили его на смерть. Состязательный и розыскной процессы здесь все время пересекались.

Замечу, что достоинствами состязательного процесса являются равенство сторон, гласность, демократичность, не-

зависимость суда. Недостатки: дело исследуется лишь в рамках представленных сторонами доказательств, пассивность суда в достижении истины. Розыскной процесс, напротив, не гарантирует права обвиняемого, который в данном случае становится объектом, а не субъектом судопроизводства. Он часто является тайным, письменным, основанным на доносах, пытках, предположениях. Зато следственные органы и суд не довольствуются заявлениями сторон, а активно стремятся добиться истины⁴. В рамках розыскного процесса развились оперативная деятельность и наука – криминалистика.

В России, как и в других странах, чередовались оба вида процесса, «маятник» судопроизводства склонялся то в одну, то в другую сторону. Теперь, учитывая уроки сталинских репрессий, новый Уголовно-процессуальный кодекс РФ (2001 г.) явно качнулся в сторону состязательных начал (возможно, чрезмерным образом).

Уголовное преследование заканчивается вынесением обвинительного или оправдательного приговора либо прекращением дела. В случае обвинительного приговора осужденного ожидает наказание, которое было и остается разнообразным как по своим целям, так и по формам исполнения.

В историческом плане основная стратегия проста: преступников надо истреблять, а население этим самым устрашать. Инквизиция была официально введена в XIII в. (хотя известно, что практически со времени возникновения христианства действовали «священные трибуналы»). Вплоть до XIX в. инквизиция уничтожила около 1 млн человек. Только в одной Испании 30 тыс. сгорело на кострах. Как мы знаем, это были большей частью больные люди, но тогда не вдавались в такие «тонкости», а огульному уничтожению «еретиков» давалось теоретическое обоснование. Я приведу слова Святого Августина, который говорил: *«Еретики убивают души людей, в то время как власти подвергают пыткам только их тела. Наказание ереси – акт любви...»*. Сами казнимые верили в загробную жизнь. Предшествующие казни

пытки были обычным делом. Инквизиция использовала типичные розыскные формы процесса, в частности, доносы.

Потом подобная практика перешла и в светскую юриспруденцию. Был принят Судебник под названием «Каролина» (его издал король Карл в 1532 г.); этот Судебник почти 300 лет действовал в разных странах Европы. В России некоторое сходство с ним имел Воинский артикул Петра I (1715), где смертная казнь преобладала среди всех наказаний.

Вторая цель рассматриваемой стратегии – устрашение. Достигалась ли она? Поначалу достигалась. Костры, конечно, были жестокостью, но к ним постепенно привыкли, затем они превратились в публичное зрелище, на которое ходили семьями и с детьми. Еще позднее стали смеяться над подобными процедурами, жалеть осужденных и издеваться над средневековым «правосудием». Наступил век Просвещения, бесчеловечное судопроизводство стало подвергаться резкой критике. Явно требовалась смена стратегии борьбы с преступностью. По существу, все образованное европейское общество, прежде всего такие авторитеты, как Вольтер и Руссо, Монтескье и Беккариа, Томас Мор и многие другие, резко возражали против казней, истребления и устрашения⁵.

Казалось, что с XVIII в. все это уходит в прошлое. Но наступил XX в., который совершенно неожиданно для исторического прогресса в целом вернул нас к этим жестокостям. Достаточно напомнить, что в Советском Союзе было репрессировано, по нашим подсчетам, 13 млн человек⁶. Действовали и суды, и внесудебные органы, организованные как при инквизиции. А в нацистских лагерях было уничтожено 19 млн человек со всей Европы. Новая волна гуманизации судопроизводства появилась лишь после Второй мировой войны. К проблеме истребления преступности относится и проблема смертной казни, нерешенная и по сегодняшний день⁷.

Смертная казнь активно применялась в советское время, главным образом по политическим мотивам. Самым кровавым оказался 1937 г., когда было расстреляно 350 тыс. человек. Потом цифры идут на спад.

Сейчас, как известно, эта мера наказания в России заменена пожизненным заключением. Далеко не все согласны с этой заменой. Говорят, в частности, что убийство преступника допускается нашим законом – при необходимой обороне, его задержании и др. Почему же запрещена смертная казнь? Но забывают при этом, что в случае смертной казни речь идет об уже обезвреженном, арестованном, изолированном от общества человеке. Его положение можно сравнить с положением пленного, а убивать пленных считалось делом недостойным уже в Средние века.

Понятно, что для физического устранения преступников можно применить еще одну стратегию: изолировать их навсегда либо на длительный срок от общества отстранить от активной жизни. Исторически было несколько вариантов изоляции. Есть они и сейчас. Во-первых, это высылка из страны. В России от нее отказались лишь в 1903 г., правда, изгнание из страны сохранилось для иностранных граждан, но не для граждан Российской империи. В СССР было введено объявление «врагом трудящихся» с изгнанием из страны навсегда (отменено в 1950-х гг.). Кроме того, существовали ссылка и высылка (до 1980-х гг.). Но эти меры наказания могли применяться только по суду. Поэтому, например, административная ссылка академика А.Д. Сахарова в г. Горький была явным беззаконием. Точно также незаконной была высылка за границу «диссидентов», ни на каком законе она не основывалась.

И ссылка, и высылка применялись только в больших странах, таких, например, как Россия, где было достаточно необжитых территорий. Широкое распространение имела ссылка при «раскулачивании». Считается, что было сослано до 20 млн человек, причем сроки ссылки неоднократно продлевались. В 1952 г. в ссылке находилось 2 млн 750 тыс. человек⁸. Потом ссылку отменили, как и высылку.

Еще один вид изоляции – интернирование, предусмотренное международными конвенциями. Однако практически никогда нормы конвенций не соблюдались. Достаточно сказать, что когда японцы бомбардировали Пирл-Харбор, то

американцы интернировали всех японцев, живших в Соединенных Штатах. Но по конвенции можно интернировать только тех, кто имеет гражданство страны противника. А в США почти все японцы были американскими гражданами.

В СССР к мерам изоляции преступников, а также лиц, подозреваемых в преступлениях, надо прибавить еще переселение 11 народов. Таких было 4 млн человек. Заметим, что к тому времени война кончалась и сотрудничать с врагом они не могли. К тому же переселенные лица обратно тогда не возвращались. Только после смерти Сталина их вернули в родные места.

Еще одна форма изоляции преступника от общества – заточение (в крепость, тюрьму, монастырь) большей частью до конца жизни. Вспомним графа Монте-Кристо из романа Дюма: его заточение в крепость было без указания имени; неизвестно, по какому обвинению, неизвестно, до какого времени. В конце концов он был просто забыт. В России практиковалось заточение в монастыри, Шлиссельбургскую и другие крепости. Тюрьма в России появилась только в XVII в., вначале она была местом предварительного заключения, а не наказания. Часто применялись бессрочное заключение, продление сроков и повторное осуждение за то же самое деяние. Это практиковалось в сталинские времена: многие люди, арестованные еще в 20-30-е гг., пробыли в лагерях и тюрьмах до середины 50-х гг. прошлого века.

Теперь видом изоляции от общества навсегда является пожизненное лишение свободы. Отношение к этой мере разное. О пожизненном лишении свободы Мирабо писал еще в XVII в.: *«Томление в государственной тюрьме, где от всего, что составляло нашу жизнь, оставляют только одно дыхание, – это казнь, не сравнимая ни с одной другой»*⁹.

Лишение свободы в тюрьме, колонии и т. д. (на определенный срок) – один из наиболее распространенных видов изоляции от общества.

Вплоть до тюремных реформ XVIII-XIX вв. всякое заключение в тюрьму, хотя бы и на определенный срок, было крайне тяжелым наказанием.

«В продолжение целого ряда веков, – писал дореволюционный исследователь С.В. Познышев, – от древности и вплоть до XIX столетия, тюрьмы находились в самом жалком и ужасном состоянии... Это обычно было ветхое, низкое, темное, часто подземное помещение, сырое и грязное, в котором теснились полунагие и вечно голодные люди, не разделенные ни по полу, ни по возрасту, не занятые никаким трудом, часто закованные в кандалы и истерзанные пытками... В этих душных подвалах, в лохмотьях, покрытые всевозможными насекомыми, в удушливой атмосфере сырости годы и десятки лет проводили мнимые и действительные преступники, теряя здесь облик человеческий и последнюю искру разума и совести»¹⁰.

Такое положение существовать в просвещенном XIX в. уже не могло. Стала зарождаться новая стратегия – исправление преступника. В идеологическом плане она была связана с развитием гуманистических взглядов, признанием преступника человеческой личностью.

Постепенно получила признание мысль: мучения осужденных не ведут к снижению преступности. Но если изоляцией преступников от общества снижение преступности не достигается, может быть, разумнее попытаться их исправлять? Англичанин Говард в 1777 г. написал книгу «Положение в тюрьмах Англии и Уэллса». В ней он показал нетерпимое состояние тюрем в Великобритании. Книга была переведена на многие европейские языки. Постепенно началось развитие тюремных реформ. Главная цель наказания была сформулирована как исправление осужденных. В российском Уголовном кодексе она записана так: восстановление социальной справедливости, исправление осужденных и предупреждение новых преступлений.

Что практически было сделано в России? Реформы начались только в XIX в. Было введено раздельное содержание заключенных, улучшились условия тюремного быта. Первые советские кодексы взяли курс на исправление и перевоспитание их трудом (вспомним Беломорско-Балтийский канал, Днепрогэс и др.). Но в сталинские времена многие новации

были ликвидированы. Лишь после смерти «вождя» места лишения свободы стали приближаться к европейскому стандарту. Введена выплата заработной платы, восстановлено условно-досрочное освобождение. Допускаются отпуска и свидания с родственниками. Разрешено пользование телефоном. Повышены нормы питания. Создана система обучения профессиям, общего образования и самодеятельных организаций.

Но надо обратить внимание и на серьезные трудности, которые, увы, остаются. Прежде всего необеспеченность заключенных работой. Работают не более чем в половине колоний. К тому же этот труд не будет полезен после освобождения. Ведь речь идет не о компьютерах, не о машинах, не о химии и биологии, а о склеивании картонных коробок или, в лучшем случае, изготовлении табуреток. Сказать, что отбывшие такое наказание будут готовы к труду на свободе, можно только с большой натяжкой. Остаются такие проблемы, как переполнение мест лишения свободы и слабая подготовка персонала. В Магадане за такие деньги, которые в Москве получает уборщица, никто работать не будет.

К лишению свободы в России приговаривается 35-40% всех осужденных. Надо заметить, что, например, в Японии число лишенных свободы – 3% от всех осужденных, остальные осуждаются к другим мерам; в ФРГ – 5%, в Англии – около 6%. Во всяком случае, такого большого числа лишенных свободы, как у нас, нигде больше нет. Поэтому у нас тюрьмы переполнены сверх всякой меры. Эффективность тюремной системы, даже связанной с исправлением заключенных, очень низкая. Общий рецидив в стране, если учесть все меры наказания, составляет около 25%. Но после лишения свободы он гораздо выше: 52% тех, кто побывал в тюрьме, снова туда возвращаются; после условного осуждения – всего только 9%; после исправительных работ – 7%. Эти данные говорят, что тяжелые условия заключения не исправляют людей, а часто еще более портят их. Конечно, люди разные: в тюрьму не попадают те, кого можно исправить путем условного осуждения.

Еще об одной стратегии, которую можно условно назвать «компромиссом». Казалось бы, о каких компромиссах может идти речь? Но в действительности это происходит при соблюдении виновным некоторых условий, например, если похититель человека добровольно отпустил похищенного, он может быть освобожден от наказания. Это, конечно, компромисс: преступление было совершено. В российском Уголовном кодексе упомянуты 11 таких случаев.

Конечно, встречается и незаконное освобождение от наказания, например, за взятку. Такие «компромиссы» никакой поддержки иметь не могут. Сомнение вызывает и освобождение или снижение наказания за сотрудничество с правоохранительными органами, так называемая сделка с правосудием, явно заимствованная нашим новым Уголовно-процессуальным кодексом (2001 г.) из англо-саксонской юридической системы. Эта сделка состоит в том, что прокурор и адвокат договариваются: если обвиняемый будет «сотрудничать со следствием», то ему понизят меру наказания. Думается, это – опасное дело. Оно неизбежно повлечет за собой коррупцию в милиции, прокуратуре и в судебных органах. За деньги будут отпускать кого угодно и в любой момент.

К компромиссам можно отнести и так называемую ювенильную юстицию, т.е. правосудие по отношению к несовершеннолетним преступникам, – к ним применяются более мягкие меры.

Наконец, «восстановительная» юстиция. Она – новое направление. Известно, что преступник боится лишиться тех благ, которые для него наиболее ценные. А какие блага сейчас наиболее ценны для многих или для большинства? Деньги. Некоторые юристы у нас и за рубежом предлагают перейти на коммерческую основу и создать «восстановительную» систему, главной целью которой будут возмещение вреда, примирение преступника с потерпевшим и экономические санкции, что приведет к сокращению лишения свободы, сохранит человека в обществе и удовлетворит интересы потерпевшего¹¹.

Но есть здесь и ряд минусов. Во-первых, возможность укрытия опытными преступниками крупных доходов от контроля и конфискации, во-вторых, трудность взыскания денег с неимущих, у которых, кроме тюрьмы, никакого варианта не остается. И наконец, возможность подкупов. Я уже не говорю о том, что возмещение ущерба, увы, невозможно в случаях человеческих жертв.

На Западе к этому, собственно, сейчас и идут. Например, в ряде стран установлено, что должны учитываться доходы не только самого чиновника, но и его родных и близких. Тогда в случае совершения преступления имущество может быть конфисковано и у родственников тоже. Во всяком случае, идея заслуживает внимания: перейти от различных видов изоляции осужденного (тюрьма, колония) в основном к имущественным взысканиям.

Вернемся теперь к таблице. Как видно, все рассмотренные нами стратегии действуют лишь во время или после преступления. Но существуют также стратегии профилактики преступности. Различают индивидуальную профилактику и социальную.

Индивидуальная профилактика – работа с конкретным человеком, стоящим на грани преступления, но его пока что не совершившим. Таковы, например, «трудные подростки», которые часто превращаются в правонарушителей. Преступления несовершеннолетних составляют примерно 10% от всей преступности. Как формируются такие подростки? Действуют несколько причин. «Трудная» или неполная семья – один из факторов, создающих подростков-преступников. Статистика свидетельствует о том, что среди несовершеннолетних преступников 16% составляют дети-сироты.

Далее – бедные семьи с детьми. Бедными у нас считаются те, кто получает меньше 3.5 тыс. руб. в месяц. Доля бедных семей – около 50%. Крайне бедных (имеющих доход меньше прожиточного минимума) – около 15%¹².

В чем состоит индивидуальное предупреждение? Прежде всего – выделение так называемой группы риска. Для подростков оно включает пять-шесть признаков: пьянство,

бросил работу, школу, нигде не работает, другое ближайшее окружение, прежняя судимость, конфликтность и низкий образовательный уровень родителей.

Подросток, находящийся в «группе риска», большей частью проходит такую, условно выражаясь, «преступную карьеру»; падение обычно начинается с плохой учебы, потом происходит отчуждение от школы. Так как родители ругают и наказывают за неуспехи в школе, происходит отчуждение от семьи и затем – поиск так называемой референтной группы, т.е. таких же ребят, с которыми интересно, есть общие формы развлечений. Затем образуется группа малолетних правонарушителей, которых нередко «опекает» взрослый преступник, большей частью рецидивист.

Индивидуальное предупреждение преступлений в подобных случаях состоит в воспитательных беседах с самим подростком и его родителями, в возвращении его в школу или устройстве на работу. Иногда приходится изымать его из семьи (если, например, родители – алкоголики, наркоманы, преступники) и направлять в интернат. Индивидуальная профилактика ведется и со взрослыми, становящимися на преступный путь, но она гораздо труднее и менее результативна.

Еще одна, более обширная стратегия – социальная профилактика. Это прежде всего социально-экономические меры, а также политико-правовые, нравственные и культурно-образовательные. Нет необходимости все их здесь подробно рассматривать, они, в общем, известны и сводятся к следующему.

Социально-экономические меры:

- справедливое распределение собственности, выравнивание уровней доходов населения;
- национализация природных ресурсов;
- дифференциация размеров налогов в зависимости от доходов;
- пресечение утечки капиталов за рубеж;
- бесплатное образование и здравоохранение;
- поддержка честного предпринимательства.

Политико-правовые меры:

- продолжение реформы законодательства;
- борьба с коррупцией в государственном аппарате;
- демократизация принятия законов, широкое обсуждение и научная экспертиза законопроектов;
- введение парламентских расследований, повышение ответственности правительства перед законодателями.

Меры в области нравственности и культуры:

- повышение общей и правовой образованности населения, обеспечение бесплатного высшего образования для всех;
- преодоление «массовой культуры» в худшем смысле слова.

Все это следует предусматривать в социальных программах, которые должны иметь приоритеты.

Еще одна стратегия предполагает устранение условий, способствующих совершению преступлений. Ее можно назвать стратегией безопасности. Она включает:

Организационные меры (учет, контроль, строгое соблюдение правил техники безопасности и автоматизации производства).

Ситуационное предупреждение преступлений:

- повышение трудности проникновения преступника на объект;
- понижение выгодности совершения преступления (маркировка охраняемых предметов, наблюдение, система датчиков при входе в помещение посторонних лиц и т. д.);
- предупреждение терроризма – выявление возможных целей и объектов нападения террористов, охрана этих объектов, информация о потенциальной опасности; ликвидация источников финансирования опасных групп.

Плюсы стратегии безопасности – ограничение возможностей преступника, затруднение доступа его к объекту. Важное значение при этом имеет использование техники, причем самой разной, начиная с телевизионных камер слежения и кончая идентификацией личности по отпечаткам пальцев, цвету глаз, голосу и др.

Минус этой стратегии состоит в пассивном ожидании преступления. Мы не знаем, например, кто, где и когда может совершить террористический акт. Поэтому остается пассивное ожидание нападения без активных предупредительных мер. Сделаем некоторые выводы:

- эффективность и прежних, и современных стратегий недостаточна (требуются новые идеи в этой области);
- необходимо широко использовать опыт других стран (интернационализация борьбы с преступностью).

При анализе всех этих проблем в сравнительном плане можно констатировать несколько важных тенденций:

- стремление к более точной дифференциации преступников, начиная от опасных, которым может грозить пожизненное заключение, и кончая теми, кому достаточно назначить только условное осуждение или экономические санкции;
- заметна общая линия во всех странах на гуманизацию уголовно-правовой практики (эта линия встречает негативное отношение населения, тем не менее она эффективнее, чем жесткость, выражающаяся в разных формах изоляции, устрашения, ограничения прав осужденных);
- социализация всей пенитенциарной системы (т.е. сосредоточение основного внимания на социальных условиях жизни населения);
- технизация, т.е. внедрение технических средств, которые могут быть использованы для борьбы с преступностью.

Резюмируя, можно сказать, что многие века и тысячелетия общество боролось с преступностью, причем безрезультатно. Теперь мы знаем причину бесплодности этой борьбы: мы сами разными путями порождаем преступное поведение – необеспеченностью одних и бесконтрольностью других, отсутствием заботы о «трудных» семьях и обездоленных детях, плохим школьным обучением и воспитанием, да еще и неумелой работой государственного аппарата, пораженного коррупцией. Разумеется, все эти беды и пороки преодолимы при надлежащей организации жизни общества и

использовании современных научных знаний, в том числе и в сфере борьбы с правонарушениями и охране прав граждан. Нужно активно строить в России демократическое гражданское общество, основанное на законе и имеющее своей главной целью благосостояние человека.

Источник: Вестник Российской академии наук. – Т. 73. – № 12. – С. 1079-1084 (2003). – URL: <http://vivovoco.astronet.ru/vv/journal/vran/acad.htm>

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Лунеев В. В.* Преступность XX века. – М., 1997.
2. *Гилинский Я. И.* Криминология: курс лекций. – СПб., 2002. – С. 308.
3. Уголовный кодекс РФ 1996 г., в ред. 2002 г., ст. 37.
4. *Смирнов А. В.* Модели уголовного процесса. – СПб., 2000. – С. 13.
5. *Мор Т.* Утопия. – М., 1978. – С. 138; *Марат Ж. П.* Избр. произведения. – Т. 1. – М., 1956. – С. 213.
6. *Кудрявцев В. Н., Трусев А. И.* Политическая юстиция в СССР. – Изд. 2-е. – СПб., 2002. – С. 160.
7. *Бородин С. В.* Еще раз о смертной казни за убийство // Государство и право. – 2001. – № 4. – С. 60.
8. Там же.
9. *Чубинский М. П.* Курс уголовной политики. – СПб., 1912. – С. 189.
10. *Познышев С. В.* Учение о карательных мерах и мере наказания. – М., 1908. – С. 77.
11. *Зер Х.* Восстановительная юстиция / пер. с англ. – М., 2002.
12. *Тихонова Н. Е.* Феномен городской бедности в современной России. – М., 2003. – С. 21.

НРАВСТВЕННОЕ ЗАВЕЩАНИЕ В.Н. КУДРЯВЦЕВА

В.Б. Исаков,

*доктор юридических наук, профессор Национального
исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
Председатель Совета Республики Верховного Совета РСФСР,
депутат Государственной Думы первого созыва,
бывший вице-президент Торгово-промышленной палаты России
по правовым вопросам, член Союза писателей РФ*

Ученый-правовед, выдающийся аналитик права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, академик АН СССР, академик РАН, вице-президент Академии наук СССР.

Владимир Николаевич Кудрявцев родился 10 апреля 1923 г. в Москве. Он вырос в интеллигентной семье. Его родители были учителями: отец – Николай Георгиевич и мать – Мария Алексеевна Кудрявцевы уроженцы Рязанской области.

Непосредственно перед Великой Отечественной войной, в июне 1941 г., Владимир Кудрявцев окончил среднюю школу. С началом войны был эвакуирован с матерью в г. Ташкент. Находясь в Ташкенте, в октябре 1941 г. поступил в Среднеазиатский индустриальный институт на энергетическое отделение.

В декабре 1941 г. Кудрявцев был призван в армию Куйбышевским РВК города Ташкента и направлен на учебу в Ташкентское высшее общевойсковое командное училище имени Ленина. В 1942 г. окончил его в звании лейтенанта и был откомандирован в 182-й горно-стрелковый полк Туркменской 68-й горно-стрелковой Краснознаменной дивизии, которая в тот период дислоцировалась на территории Ирана. В армии занимал должности командира пулеметного взвода, комсорга полка, помощника начальника штаба и командира минометной роты. В том же 1942 г. был избран народным

заседателем военного трибунала, исполнял обязанности военного дознавателя, расследовал уголовные дела.

Заметив склонность грамотного и активного офицера к юриспруденции, военная прокуратура рекомендовала В.Н. Кудрявцева в качестве слушателя Военно-юридической академии. Академию он окончил с золотой медалью и был оставлен для продолжения учебы в адъюнктуре, блестяще защитил кандидатскую диссертацию о причинной связи в уголовном праве и был направлен на преподавательскую работу. В Академии В.Н. Кудрявцев прошел должности преподавателя, старшего преподавателя, заместителя начальника научно-исследовательского отдела, ученого секретаря этого учебного заведения. В декабре 1954 г. был утвержден в звании доцента по кафедре уголовного права.

В 1960 г., будучи уже известным ученым, автором ряда статей и монографий, В.Н. Кудрявцев получил предложение перейти на работу в Верховный Суд СССР. Полагая, что для научного работника необходим опыт практической работы, он согласился с этим предложением и был назначен сначала заместителем начальника организационно-инспекторского отдела Военной коллегии, затем – начальником этого отдела. Работая в Верховном Суде, Кудрявцев не оставлял научную деятельность, писал учебные пособия, главы в учебниках по уголовному праву. В июне 1963 г. успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Теоретические основы квалификации преступлений».

Вскоре после защиты В.Н. Кудрявцева приглашают на работу в Прокуратуру СССР в качестве заместителя директора Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. В 1969 г. он возглавил этот институт, где под его руководством были заложены основы отечественной школы *криминологии* – науки о причинах преступности и методах борьбы с ней. В качестве руководителя ведущего научного института Прокуратуры СССР В.Н. Кудрявцев вошел в ряды ученых-юристов, которые в послевоенное время продолжили работу по коренному

обновлению отечественного законодательства, ликвидации последствий нарушений законности в сталинское время, возрождению и упрочению демократических начал судопроизводства и уголовной юстиции.

В 1973 г. в научной карьере Владимира Николаевича Кудрявцева произошло, наверное, ключевое событие – он возглавил самое крупное научное и экспертное правовое учреждение страны – Институт государства и права АН СССР, которым впоследствии руководил 16 лет. Под его руководством Институт государства и права становится, без преувеличения, ведущим научным центром в стране, определяющим стратегические направления развития юридической науки.

Творческая активность В.Н. Кудрявцева на посту директора Института государства и права вызывает удивление и восхищение. Он автор около 600 научных работ, из них более двух десятков фундаментальных монографий. Им был заложен теоретический фундамент отечественной криминологии, теории и социологии права, других смежных с правом общественных наук. При его непосредственном участии разрабатывались многие основополагающие, в том числе конституционные, законы. Под его редакцией вышло около сотни коллективных и индивидуальных монографий и учебников, которые определили современный уровень отечественной юридической науки. Сегодня тот период в истории Института государства и права участники и свидетели тех событий не без оснований называют «ВК-эпохой». В истории юридической науки этой содержательной и творческой эпохой можно только гордиться.

В 1974 г. В.Н. Кудрявцев был избран членом-корреспондентом АН СССР по Отделению философии и права, в 1984 г. – действительным членом (академиком). В 1985 г. В.Н. Кудрявцев избирается членом Президиума Академии наук и в 1988 г. – ее вице-президентом по гуманитарным и общественным наукам. В результате в сферу интересов и ответственности академика Кудрявцева попадает развитие основных отраслей гуманитарного знания в стране. Стоит, на-

верное, особо подчеркнуть, что данное направление впервые в истории Академии наук возглавил юрист. На своем посту академик Кудрявцев активно совершенствует структуру гуманитарных институтов Академии, развивает перспективные направления права, философии, истории, социологии, экономики, психологии.

Люди, лично знавшие и работавшие с Владимиром Кудрявцевым, неизменно отмечают его замечательные личные качества. Человек необыкновенного интеллекта, редкого обаяния, ироничный и прямой, Владимир Николаевич мог с одинаковым блеском вести научные дискуссии и участвовать в капустниках, разрешать жизненные трудности сотрудников своего Института и заниматься масштабными общественными проблемами. Для того чтобы встретиться и переговорить с ним, не надо было пробиваться через заслоны помощников и секретарей, достаточно просто попроситься на прием.

Вместе с бесспорным научным авторитетом приходит и общественное признание. В.Н. Кудрявцев избирался вице-президентом Ассоциации советских юристов, вице-президентом Международного общества социальной защиты, вице-президентом Ассоциации российских юристов и Международной ассоциации юристов-демократов, в 1991 г. был избран президентом Российского общества солидарности и сотрудничества народов Азии и Африки. Научные заслуги Кудрявцева были признаны в других странах: он избран членом пяти зарубежных академий наук и почетным доктором нескольких университетов и институтов.

Конечно же, такой человек не мог остаться в стороне от масштабного обновления общественной жизни в стране, получившего наименование «перестройка». В 1989 г. В.Н. Кудрявцева избирают народным депутатом СССР. Он участвует в деятельности Съездов народных депутатов СССР, возглавляет группу научного обеспечения нового Союзного договора; руководит научным анализом поправок к Конституции СССР и сбором материалов к проекту новой Конституции СССР. Принимая во внимание масштаб личности академика Кудрявцева, его опыт и обширные познания, Президент

СССР назначает его своим советником, а Президент Российской Федерации – включает в свой Политический консультативный совет и Совет по вопросам совершенствования правосудия.

В политических битвах тех лет Владимир Николаевич Кудрявцев неизменно выступает с позиций единства страны, социальной справедливости, верховенства закона, укрепления законности и правопорядка. Он был в числе академиков и профессоров, выступивших против исключения из Уголовного кодекса Российской Федерации такого наказания, как конфискация. Однако, несмотря на активные протесты ученых-юристов, юристов-практиков, юридической общественности, решение об этом было принято. Верх взяли те, кто добивался, чтобы все уворованное у государства «по справедливости» оставалось в руках у вора. Под руководством В.Н. Кудрявцева был разработан законопроект о возвращении наказания в виде конфискации в Уголовный кодекс РФ. В 2006 г., через три года после ее отмены, хотя и в усеченном виде, эта мера наказания была восстановлена.

Находясь в больнице, незадолго до своей смерти Владимир Николаевич Кудрявцев передал своему ученику и научному преемнику, профессору Виктору Васильевичу Лунееву листок бумаги. На этом листке – молитва, которую подарил Кудрявцеву его друг, известный режиссер Алексей Юрьевич Герман. Молитва постоянно висела в кабинете Владимира Николаевича Кудрявцева над его рабочим столом и он взял ее с собой в больницу.

Вот ее текст:

«Из молитвы человека пожилого возраста.

Господи! Ты знаешь лучше меня, что я скоро состарюсь. Удержи меня от рокового обыкновения думать, что я обязан по любому поводу что-то сказать. Спаси меня от стремления вмешиваться в дела каждого, чтобы что-то улучшить. Пусть я буду размышляющим, но не занудой. Полезным, но не деспотом. Охрани меня от соблазна детально излагать бесконечные подробности. Дай мне крылья, чтобы я

в немощи достигал цели. Опечатай мои уста, если я хочу поведи речь о болезнях. Их становится все больше, а удовольствие рассказывать о них – все слаще. Об одном прошу, Господи, не щади меня, когда у тебя будет случай преподать мне блистательный урок, доказав, что я могу ошибаться. Если я умел быть радушным, сбереги во мне эту способность. Право, я не собираюсь превращаться в святого: иные у них невыносимы в близком общении. Однако и люди кислого нрава – вершины творения самого дьявола. Научи меня открывать хорошее там, где его не ждут, и распознавать неожиданные таланты в других людях». (Цит. по статье: *Лунеев В.В.* К 90-летию академика Владимира Николаевича Кудрявцева // Государство и право. – 2013. – № 4. – С. 127.)

Эти замечательные, мудрые и проникновенные слова – нравственное завещание Владимира Николаевича Кудрявцева, адресованное всем нам.

Источник: URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/65166/Кудрявцев

**АНАЛИТИКА
МЕЖДУНАРОДНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ**

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА В ЗАГРАНУЧРЕЖДЕНИЯХ*

Н.С. Леонов

Всякий, кто выбирает в качестве профессии работу по сбору, анализу и докладу информации в вышестоящие инстанции или через средства массовой информации непосредственно общественности и лицам, участвующим в политической жизни страны, должен в своей душе принести **пока не написанную присягу верности правде, объективности, истине**. Более всего вреда своему народу, правительству или работодателю нанесет работник, который начнет подлаживаться под желания заказчика и потребителя, а потом будет выполнять и прямые социальные или административные заказы. Колебания информационного работника между тем, что надо написать, дабы угодить начальству, и тем, что подсказывают писать сердце и имеющаяся в руках объективная информация, приведут рано или поздно к распаду личности, к морально-нравственной деградации. Да и адресату подобная «информация» принесет лишь временное и поверхностное удовлетворение, она будет отучать его от правды. Искаженная информация с неизбежностью будет вести к принятию ошибочных шагов или удерживать от принятия крайне необходимых мер...

Россия вступила на трудный путь демократического развития. Это предполагает регулярное проведение выборов и периодическую сменяемость социально-политических сил, которые будут контролировать исполнительную и законодательную власть. Будут меняться правящие политические партии и лидеры, но интересы государства российского,

* Выдержки из учебного пособия Н.С. Леонова, изданного в 1996 г. на кафедре дипломатии Московского государственного института международных отношений (Университет) под общей редакцией профессора В.М. Матвеева.

интересы россиян должны оставаться постоянными. В нормальном государстве политические партии спорят между собой только по вопросу, кто из них лучше и эффективнее защитит общегосударственные и общенациональные интересы, а также интересы каждого гражданина своей страны.

Работнику, имеющему дело с информацией, принципиально важно ориентироваться именно на коренные, непреходящие интересы своего Отечества и своего народа. Это требование особенно необходимо помнить тем, кто по зову сердца идет на государственную службу.

Тем же, кому судьба определит работу в частных коммерческих, производственных, банковских и иных структурах, в политических партиях, общественных движениях, частных средствах массовой информации и т.д., придется выполнять информационно-аналитические задания исходя из пожеланий работодателя и интересов своего «малого дома», но главное не забывать при этом интересов России и россиян.

Молодому человеку, посвящающему себя работе с информацией, вряд ли удастся избежать искуса продать свои способности и умение за более высокую плату в денежном или морально-политическом отношении. В нормальной рыночной экономике в этом нет никакого греха, если только не придется за эту плату совершать безнравственные, а то и просто противоправные действия, наносящие ущерб другим гражданам, организациям, а в некоторых ситуациях и другим государствам. Частью кодекса поведения информационного работника должен быть решительный отказ участвовать в каких-либо частных или групповых экономических и политических разборках, в преднамеренных кампаниях по оболваниванию общественного мнения, в разжигании межнациональных, религиозных распрей, в раздувании межгосударственных противоречий и конфликтов.

...Бытует широко известное выражение: «Необходимо как воздух, как вода». Смею утверждать, что оно неполно. Следовало бы сказать: «Необходимо как воздух, как вода, как информация», ибо без информации об окружающем мире

человек как биологическая особь был бы не в состоянии прожить и одного дня. Пятью органами чувств мы непрерывно впитываем в себя громадное количество информации, интуитивно анализируем ее и делаем выводы, на основании которых предпринимаем все наши действия. Даже переход городской улицы требует определенной информационно-аналитической работы.

С развитием общества, усложнением функции личности в народившемся государстве пяти органов чувств, данных человеку природой, оказалось недостаточно для правильной ориентации в мире. Он должен был научиться создавать, а также воспринимать и передавать информацию о предметах и явлениях, находящихся вдалеке от него. Таким создателем и в то же время рецептором и транслятором информации стал человеческий мозг. Умение накапливать и анализировать информацию оказалось более необходимым для принятия правильных действий, чем наличие большой физической силы и крутой воли...

Давным-давно люди поняли, что информация несет в себе секрет силы и власти, и разглашение ее, уравнивающее силы противостоящих сторон, всегда считалось великим преступлением...

Мы живем в эпоху информационного взрыва, когда способность государства или общества укротить безмерно растущие объемы информации, умение систематизировать и анализировать их определяют, по сути дела, роль и место наций в мировой таблице рангов.

Информация, как никогда, стала инструментом власти. Когда была обнаружена восприимчивость человеческой психики к внушению, информация в форме пропаганды и агитации стала главным рычагом управления людьми. Она постепенно заменила собой грубую силу, насилие, которые долгое время считались единственным и неременным орудием управления...

Отдавая должное громадной роли информации в управлении обществом, правящие круги всех стран, воротилы бизнеса давно стали «классифицировать» информацию, т.е. де-

лить ее на доступную для всех граждан, предназначенную для ограниченного круга лиц-исполнителей, а также строго оберегаемую — только для нужд правящей верхушки. Информация стала снабжаться грифами различной категории секретности, запирается в сейфы, шифроваться. Она превратилась в особый товар чрезвычайной ценности. Сейчас информацию иногда сравнивают с товарами самой высокой технологии, но она все равно заслуживает более высокого места в иерархии ценностей.

Информация категории «для всех» характерна тем, что почти насильно навязывается потребителям. Газеты и журналы в большинстве стран продаются дешевле стоимости их изготовления. Это единственный товар в государствах рыночной экономики, который продается ниже своей себестоимости. Доход издателя обеспечивается за счет платных коммерческих объявлений или гарантируется стоящими за спиной газеты или журнала политическими деятелями либо финансовыми магнатами. Такая информация ставит своей целью формирование умонастроений читателей, необходимых для проведения определенного политического курса.

«Информация для всех» может быть условно разделена на две категории. Одна, ориентированная на самых рядовых обывателей, тех, которых профессиональные политологи называют «серой зоной», состоит из различного рода сообщений, далеких от экономических и социально-политических проблем общества. Задача этой информации — отвлечь потребителя от острых проблем общественной жизни, исподволь воспитывать в нем невзыскательность к окружающим его явлениям, не критичность ко всему, что не касается его лично. На это направлена мощная информационная машина, фабрикующая и раздувающая спортивные страсти, великосветские сплетни, вопросы эротики, жизнь преступного мира и т.д. и т.п. Сюда же относится и навязчивое предложение антинаучной белиберды вроде ясновидения, астрологии, внеземных пришельцев и др. Границы этой информации безбрежны, они зависят только от воображения и цинизма ее авторов. Потреблять такую информацию — значит «садиться

на иглу» бульварщины, деградировать как гражданин и как личность...

Люди, у которых в кармане оказывается диплом МГИМО, должны без труда вычленять из общего потока видео-, аудио- и печатной информации этот тип сообщений и подходить к ним с критериями, отличающими интеллигента от обывателя, воспитывать в себе и окружающих критическое отношение к источникам подобной информации.

Другая категория «информации для всех» ориентирована на формирование заданных взглядов и позиций по всему спектру внутри- и внешнеполитических проблем. Ее адресатами являются те граждане, которых не удовлетворяет обывательская информационная жвачка, но они не располагают достаточными возможностями получения сведений из альтернативных источников и не воспитали у себя навыков самостоятельного мышления. Эти граждане не потеряли интереса к общественной жизни, но им нужна помощь в формировании сколь-нибудь устойчивых взглядов. Тогда «на помощь» приходит «информация для всех», навязываемая с подачи высокооплачиваемых наемных публикаторов оценки и взгляды, которые разделяют принадлежащие к тому или иному правящему классу владельцы (или администраторы) органов информации...

Будущие специалисты... опять-таки должны профессионально распознавать подобную «информацию для всех», фабрикуемую и навязываемую потребителю с целью моделирования его миропонимания. Такая информация легко распознается по некоторым, даже внешним признакам. Во-первых, она соответствует совершенно очевидным государственным или групповым интересам. Во-вторых, носит долговременный, массированный и последовательный характер: это всегда не эпизод, а кампания. В-третьих, ее выдают слишком предвзятая окраска, тенденциозность, односторонность. В-четвертых, создатели подобной информации нередко навязывают свои оценки, свои взгляды при полном или частичном отсутствии фактических материалов, т.е. путем прямой неправды, выдумок и др.

Если к «обывательской информации» отношение может быть только отрицательным, то информацию, ориентированную на формирование модели общественного сознания, следует изучать как эффективный рычаг управления государством и проведения определенного политического курса...

В наше время информационно-пропагандистские мероприятия призваны подготовить почву для конкретных, чаще всего острых внешнеполитических шагов. Информационное наступление в таких случаях выполняет несколько задач, главной из которых является морально-политическая подготовка общественного мнения своей страны, союзников, мировой общественности к намечающимся шагам во внешней политике...

Начиная информационное наступление, страна-инициатор ставит задачей не только обеспечить морально-политическое единство своего народа, но и оказать максимально возможное психологическое воздействие на противника, подавить или подорвать его волю к сопротивлению, дать возможность всем оппозиционным силам внутри вражеского стана сплотиться, воспрянуть духом.

Такое наступление преследует также цель выяснить отношение ведущих держав и группировок стран к намечаемым акциям. Это своего рода разведка боем. Если окажется, что планируемые шаги встретят отчаянное и «неприемлемое по своим последствиям» сопротивление, то государство-инициатор может без потери своего политического лица изменить план действий или вообще отказаться от них...

...Общим выводом является то, что количество, частота и объемы, а также степень политической напряженности информации, адресованной «всем, всем», — очень серьезные признаки предстоящего перехода от слов к делам.

Далее, за пределами этой общедоступной и количественно безбрежной информации простирается поле более скрытой информации, которая является достоянием узких групп. Существует целая система ограничительных грифов; от «Для служебного пользования» до «Особой важности». С различными названиями ограничительные грифы имеются

во всех странах мира. Чем выше гриф секретности информации, тем уже круг людей, которые имеют к ней доступ. Сама логика государственного управления диктует необходимость отсечения основной массы граждан от информации, лежащей в основе управленческих процессов. Поэтому вся наиболее чувствительная информация по внутриполитическим и экономическим вопросам, информация МИДов, министерств обороны, спецслужб и т.д. засекречена. Повсеместно на земном шаре правительства стараются скрывать от собственного народа и от других правительств свои наиболее уязвимые позиции и особые преимущества. Завеса секретности над слабостями позволяет выглядеть более уверенно и респектабельно перед всем миром, а сокрытие преимуществ дает возможность с наибольшим эффектом применить их в решающий момент и не дать противникам времени для приобретения загодя подобных же преимуществ (военные секреты, как и козырные карты, держатся на особый случай).

Было бы наивно требовать открытия всей информации для всех, да это и невозможно без риска разрушения существующей системы организации общества, поэтому необходимо изучать всю систему производства и использования информации и уметь пользоваться ею для своих профессиональных целей.

Посольства, миссии, генеральные консульства и прочие дипломатические представительства за рубежом наряду со своими представительскими функциями, оперативным решением возникающих проблем, связанных с защитой интересов Российской Федерации, групп россиян или отдельных граждан, имеют не менее важную задачу систематически собирать, накапливать, обрабатывать и направлять в Москву, в МИД информацию о стране пребывания. В этой информации должны найти отражение политическая, социально-экономическая, военная, культурно-просветительская и научная жизнь страны, количественные и качественные изменения в ее политическом истеблишменте, состояние и перспективы

отношений России с этой страной и многие другие вопросы, которые так или иначе затрагивают интересы российского государства и его граждан. Информационно-аналитическая работа занимает добрую половину рабочего времени дипломатического состава посольства или иного диппредставительства. Качество и количество направляемой в Центр информации является важным мерилем политической и профессиональной зрелости дипсостава посольства.

Собираемая, аккумулируемая и направляемая в МИД информация о стране пребывания (или о положении в регионе) составляет банк данных, которым пользуются не только сотрудники МИДа РФ, но и многих других ведомств и организаций страны, которые самостоятельно не располагают актуальными сведениями о зарубежных государствах, их политических институтах, организациях, лидерах и т.д. В МИД РФ обращаются сотрудники аппаратов законодательной и исполнительной власти, отдельные парламентарии и многие другие категории россиян, которым необходима информация о той или иной стране.

Сотрудники МИД РФ активно участвуют в научно-исследовательской работе по линии Российской академии наук, редактируют и рецензируют большое число страноведческих материалов, предназначенных для публикации в научных и общественно-политических изданиях, а также исследований, посвященных актуальным проблемам внешней политики и дипломатии России. Все это предопределяет необходимость иметь постоянный приток свежей информации из российских посольств, а также представительств РФ при крупных международных организациях.

Российская дипломатия имеет славные традиции информационной работы. Почти всегда объем и качество получаемой информации оказывались достаточными для планирования и проведения успешной внешней политики.

Поскольку дипломаты, журналисты, разведчики, а также лица, занятые в международном и отечественном бизнесе, в силу своей профессии в той или иной степени готовят и осуществляют управленческие решения, то, разумеется, их

первоочередной интерес должен сосредоточиваться на информации, которая находится в закрытой зоне^{*}. Ее получение и работа с ней являются важным, если не главным содержанием деятельности многих выпускников МГИМО. Следует учитывать, что из закрытой зоны время от времени, а иногда и регулярно выплескивается в сферу «информации для всех» поток интересных, интригующих сведений. Эти протуберанцы обычно связаны с внутривидовой борьбой за власть в правящей верхушке и необходимостью нанести реальный ущерб своему противнику путем апелляции к общественному мнению, т.е. ко «всем, всем».

В США подобные прорывы информации из закрытой зоны в общедоступную особенно характерны во время предвыборных кампаний, когда о личностях кандидатов можно узнать много такого, что было неизвестно в течение десятилетий, когда становятся достоянием гласности скрывавшиеся до поры до времени компрометирующие конкурента сведения.

Научиться быстро ориентироваться в безбрежном океане информации, правильно отбирать, накапливать, умело подбирать данные, делать объективно вытекающие выводы и формулировать на их основе свои рекомендации – это важнейшее профессиональное качество выпускника МГИМО...

При всем многообразии конкретных информационных систем в различных государствах их можно в конечном итоге свести к двум типам: централизованной – одноканальной и децентрализованной – многоканальной. Первый тип централизованной системы в наиболее чистом виде существует в США. Он характерен тем, что глава государства получает самую важную информацию, требующую принятия решения, из одного «окна» – через Совет национальной безопасности,

^{*} В обществе существуют пласты информации, которая не имеет секретных грифов, но старательно скрывается от разглашения. К ней относятся формирование и борьба политических кланов, дележ бюджетных средств, сведения о здоровье и слабости лидеров и т.д. Эту информацию называют закрытой зоной.

в аппарате которого представлены все ведомства, в той или иной степени причастные к внешнеполитическим проблемам. Из примерно 200 сотрудников аппарата Совета национальной безопасности половина – постоянные работники, а другая половина прикомандировывается из ведомств. Причем их состав изменяется в зависимости от тех проблем, которые на каждом отрезке времени стоят в фокусе американской внешней политики.

В Совет национальной безопасности поступает обильная информация из госдепартамента, разведывательных организаций, ФБР, министерств и ведомств, но на стол президента ложится уже обобщенная, максимально сжатая, предварительно коллективно осмысленная информация. Не исключаются случаи подачи ведомствами и отдельных самостоятельных докладов, когда на то имеются особые основания, но в целом нормой является «струйный» выход информации, как из воронки, из одного источника.

Такая система снимает остроту конкуренции ведомств между собой за право первым доложить информацию, исключает ее дублирование, повышает надежность и, кроме того, упорядочивает объем докладываемых материалов.

В нашей стране, независимо от ее названия в разные исторические эпохи, сложился тип многоканальной системы подачи информации главе государства (императору, генеральному секретарю, президенту...). **Самое существенное отличие состоит в том, что информацию самостоятельно готовит в окончательном, проанализированном виде каждое ведомство или министерство и направляет ее первому лицу, не согласовывая в большинстве случаев с коллегами по правительству. Глава государства получает таким образом множественность оценок одной и той же ситуации, несколько вариантов рекомендаций. Такое положение порождает постоянное соперничество между ведомствами и министерствами за право первым доложить ту или иную информацию.**

Это способствует живучести... феномена, ...когда полнота и достоверность информации приносятся в жертву ради того, чтобы быть первым, кто «принесет на хвосте» очередную новость. При такой практике обычным является дублирование информации, что ведет к потере времени на ее передачу, прочтение. Сами информационные сообщения поступают к главе государства часто не благодаря сущностной ценности, а вследствие важности лица, их подписавшего.

Наличие личной канцелярии у императора, Общего отдела ЦК КПСС или Администрации президента РФ не меняет существа дела. В этих регистрационно-распределительных механизмах не велась и не ведется обобщающая, аналитическая работа по поиску единого взгляда на те или иные проблемы, по выработке единых рекомендаций, диктуемых долгосрочными стратегическими и национальными интересами.

Такая организация информационной работы дает широкое поле для дворцовых интриг, личного соперничества, что выливается в неадекватное отражение действительности, а следовательно, ведет к неправильным решениям.

...Система информирования генерального секретаря ЦК КПСС была хаотичной, в ней не было места объективной приоритетности, царил волюнтаризм. Информационный хаос рождал и хаос в принятии управленческих решений.

После августа 1991 года состояние информационной работы не улучшилось. На месте единого ранее канала КГБ появились четыре новых, самостоятельных: Служба внешней разведки, Федеральная служба безопасности, Федеральная пограничная служба, Федеральное агентство правительственной связи и информации. Созданный Совет безопасности РФ стал еще одним органом, генерирующим информацию. По своим функциям и структуре он мало чем напоминает американский Совет национальной безопасности. Администрация президента стала также поставщиком информации. Прежняя множественность стала супермножественностью каналов поступления информации.

Состояние информационной работы во всех эшелонах власти отражает общий уровень развития и зрелости демократии. Законопослушничество и подчиненность всех звеньев государственной машины служению высшим национальным интересам страны снимают, как правило, почти все доводы, приводимые в оправдание хаоса в системе информационного обеспечения главы государства.

После окончания Великой Отечественной войны, в 1947 году, И.В. Сталин предпринял попытку централизовать поступление хотя бы внешнеполитической информации. По его указанию был создан Комитет информации, первым председателем которого стал В. М. Молотов...

Тогда были существенно расширены полномочия послов, им подчинялись в значительной степени кадры и возможности военной и внешнеполитической разведок. В Комитете информации обрабатывалась иностранная печать, фонограммы передач зарубежных радиостанций. На какое-то время в нем была сосредоточена вся внешнеполитическая информация. Это явно не нравилось многим министрам и руководителям ведомств, потерявшим право непосредственно докладывать материалы и иметь свою долю влияния. Вскоре после смерти И.В.Сталина, в 1953 году Комитет информации был упразднен и поток информации вновь рассыпан по ведомствам.

В настоящее время в России можно выделить 6 основных поставщиков внешнеполитической информации для главы государства и правительства: Министерство иностранных дел, Служба внешней разведки. Главное разведывательное управление Генерального штаба Министерства обороны РФ, Федеральная служба безопасности, Федеральное агентство правительственной связи и информации, средства массовой информации, в том числе информационные агентства. Все эти источники располагают собственными возможностями — официальными, неофициальными, техническими и иными — для получения первичной информации. У каждого из них имеется своя специфика, свой азимут интересов и свои профессионально ориентированные кадры...

Очень непросто, а порой драматично складываются отношения между теми, кто добывает и обрабатывает информацию, и теми политическими верхами, которые принимают государственные решения. Если по каналам здоровой информационной системы в верхний эшелон подается объективная, соответствующая национальным интересам страны, лишенная личностных или групповых интересов информация, а руководство государства принимает те решения, которые из нее вытекают, то подобную ситуацию можно считать близкой к идеальной...

Если же главы государств склонны излишне доверять отдельным влиятельным группам или даже личностям, недооценивая мнение экспертов-профессионалов, то создается почва для принятия волюнтаристских решений, несущих в себе большую опасность ошибок...

Всякий, кто будет в той или иной мере заниматься информационно-аналитическими проблемами, неизбежно столкнется со случаями, когда президенты, премьеры и структуры исполнительной власти будут принимать решения, игнорирующие потоки объективной информации или противоречащие им. Это порождает приливы профессиональной неудовлетворенности, раздражения, иной раз горькой обиды. Но подобное расхождение между вроде бы очевидной целесообразностью и реальными шагами может объясняться причинами, лежащими вне сферы внешней политики. В основе такой расстановки обычно находятся соображения, связанные с укреплением личной или групповой власти, а также тактические расчеты, вытекающие из внутривнутриполитического положения и предвыборной борьбы.

Чем выше уровень культуры государственного управления, тем теснее связь между структурами, добывающими и анализирующими информацию. Это выражается в четкой постановке заданий для добычи информации, периодической оценке подготавливаемой информации, своевременном и умелом перенацеливании добывающего аппарата на новые задачи.

...Нередко можно увидеть, как расплывчато формулируются задачи (иногда подолгу их вообще не могут сформулировать), когда оценка информации дается в раздраженной неясной форме типа: «Это совсем не то!», когда вместо стратегических долговременных задач информационные службы в пожарном порядке решают сиюминутные задачи-однодневки...

Работники внешнеполитических ведомств, независимо от того, будут ли они сотрудниками посольств, консульств, иных загранпредставительств, иметь отношение к разведывательным структурам, журналистами-международниками либо просто экспертами в области мировой политики, обязаны всеми силами и средствами собирать информацию о стране пребывания, о регионе и мире в целом. Эта информация необходима государству, народу, а также отдельным гражданам для правильной ориентировки в мировых проблемах и процессах и выработки адекватных политических мер.

Вся работа по сбору информации должна отвечать следующим основным требованиям.

Во-первых, ***информация должна быть актуальной, т.е. она должна отвечать тем политическим задачам, которые стоят в повестке дня деятельности правительства или которыми интересуется общественное мнение.***

Ценность информации состоит в том, насколько она соответствует сегодняшним заботам государства и общества. Есть темы, постоянно находящиеся в перекрестии общественного прицела, такие как безопасность государства, стабильность его экономической и социальной систем, интересы за пределами государственных границ. Но и в рамках постоянных тем внимание государственных структур и общественного мнения переносится с одного участка на другой...

Актуальность информации состоит в том, что она помогает принятию решений по важным проблемам, которые ставит на повестку дня жизнь.

Например, вполне естественно, что предстоящие встречи глав государств, крупные международные совещания вызывают информационные всплески. В средствах массовой информации общественное мнение можно почерпнуть из сведений о предыстории вопросов, которые будут обсуждаться во время предстоящих переговоров, о позициях сторон, иногда о личности участников (если это новые в политике люди) и т.п. Журналисты как бы «массируют» общественность страны, повышая, тонизируя ее интерес к предстоящему событию.

В то же время в посольствах, аппарате МИДа, других информационных ведомствах готовятся справки, аналитические записки, характеристики политических деятелей и другие материалы, необходимые для формирования позиций страны на переговорах. В конечном счете все полученные и наработанные информационные материалы могут быть сконцентрированы в итоговом документе, обычно составляемом в МИДе, называемом «Тезисы для бесед», который лежит в папке у главы государства или правительства прямо на столе переговоров и в который ведущий переговоры может время от времени заглядывать, хотя, как правило, после нескольких предварительных прочтений и обсуждений основные параметры позиции страны запоминаются довольно прочно.

Актуальность ни в коем случае **нельзя понимать как сиюминутность**. В актуальности информации может быть вовсе не заложен временной компонент. Категория актуальности информации носит политический характер...

...На практике гораздо чаще встречаются ситуации, когда актуальность временная и актуальность политическая совпадают...

Высшим сортом политической информации является та, которая носит упреждающий характер, т.е. относится к будущему, предвидит действия, которые еще не совершились, но наверняка произойдут. В этом случае правительство заранее имеет возможность спланировать свои шаги, скорректировать позиции...

Упреждающая информация часто бывает заложена в аналитических документах. Следует отметить, что на практике политические ответственные лица у нас на родине с большим недоверием относятся к упреждающей информации и рекомендациям, содержащимся в аналитических документах...

Вторым основополагающим требованием к информации является ее **достоверность**. В точном следовании правде заключается мера профессионализма и гражданственности лица.

Великой привилегией свободного человека является его право и способность говорить правду, причем делать это не только в близком кругу, но и своим непосредственным руководителям по службе. Достоверность информации – залог успешной работы ведомства, а в конечном итоге – основа безопасности интересов Отечества.

Третьим обязательным требованием, которое предъявляется к информации, является ее **полнота**...

В цивилизованном, демократическом государстве, каким хотят видеть Российскую Федерацию все ее граждане, профессиональный работник внешнеполитических служб должен помнить, что он служит Отечеству, Родине, а не тому правительству, которое в данный момент осуществляет власть в стране. Правительства сменяемы – Отечество и его интересы постоянны. От самого правительства зависит его политическое долголетие, оно неотделимо от адекватности реакции правительства на те новые данные, новые обстоятельства, о которых оно узнает из получаемой информации.

Последнее по счету, но отнюдь не по значению, желаемое качество информации – это ее **секретность**. Секретность вовсе не означает, что речь идет только о тайных планах, замыслах и намерениях, хранящихся под семью замками в толстенных сейфах. Секретная информация существует в любом обществе и любом государстве в тысячах... форм. Например, характер взаимоотношений между различными кланами правящей элиты, размежевание и специфика пред-

принимательских групп, управление средствами массовой информации и т.д. вовсе не являются в строгом понимании слова секретными, но их в то же время старательно скрывают от общественности, которая не должна слишком много знать о «магии управления». Все, что связано с так называемой «политической кухней», является тщательно оберегаемой, но фактически секретной информацией, получение которой всегда остается желанной целью всех зарубежных представителей от журналистов до разведчиков. Знание этой информации существенно облегчает работу посольства или другого загранпредставительства.

Любые конкретные политические планы, прежде чем лечь на бумагу и получить ограничительные грифы, проходят длительный период обсуждения на уровне идей, предложений и т.д. В развитых демократических странах к участию в этих обсуждениях привлекаются большие группы специалистов-профессионалов. Уметь поймать на этой стадии лейтмотив будущей государственной политики страны пребывания – задача внешнеполитического работника.

Существует бесконечное множество стадий засекреченности информации. На каком-то уровне кончаются возможности доступа к ним законными, общепринятыми средствами и начинается заповедное поле деятельности разведок и, возможно, журналистов, для деятельности которых практически нет запретных тем...

Государства, как правило, засекречивают либо самые сильные, либо самые слабые свои стороны. Свою силу засекречивают, чтобы ее не скопировал, не имитировал, не взял на свое вооружение возможный конкурент, вероятный противник. Свою слабость тщательно скрывают, чтобы она не была использована во вред национальным интересам...

В общем потоке информации временами встречаются ручейки, отдельные островки антиинформации, специально фабрикуемые для целей межгосударственной или внутриполитической борьбы. Такой вид информации называется «дезинформацией». Она рождается либо в особых подразделениях спецслужб, либо в министерствах иностранных дел

(в государствах, где нет развитой функциональной специализации), либо в министерствах внутренних дел.

Из истории царской России мы унаследовали несколько дезинформационных акций, которые в той или иной степени продолжают существовать.

Одна из них известна как «Завещание Петра Великого», в котором российский император якобы завещал своим преемникам вести линию на безудержную территориальную экспансию, особенно в южном направлении («к теплым морям»). Наибольшее число исследователей сходятся в том, что это фальшивка, носящая форму документа, была создана англичанами, озабоченными усилением Российской империи и заинтересованными в том, чтобы опорочить внешнюю политику своего соперника, создать вокруг него негативную ауру. Несмотря на то, что достоверность этого «документа» давно опровергнута наукой, он все же время от времени появлялся в качестве пропагандистского жупела в печати западных стран, когда возникала необходимость в возбуждении антирусских настроений...

Общим для всех дезинформационных материалов является бездоказательность, отсутствие или сомнительность первоначального источника, откуда они появились. В то же время такие фальшивки рассчитаны на благоприятную почву, на общественные или политические круги, готовые подхватить их и растиражировать в собственных интересах.

Сродни дезинформации направленная, подтасованная информация. Последняя становится подлинной героиней, когда где-нибудь вспыхивает военный конфликт. Обе воюющие стороны непременно вводят в контролируемой ими печати цензуру и начинают отцеживать информацию таким образом, что в результате получается искаженная картина. Каждая сторона непременно героизирует свои действия и всячески принижает противника, преувеличивает свои победы и скрывает поражения (либо минимизирует их). Никакой профессиональный обозреватель или аналитик не станет полагаться на сообщения одной из воюющих сторон. Он будет либо сопоставлять информацию обоих участников конфлик-

та, либо обратится к данным третьей стороны, не заинтересованной в исходе конфликта, либо поищет возможности лично побывать на театре военных действий и создать свое мнение о событиях...

Не меньшей направленностью отличается информация, связанная с внутривнутриполитической борьбой за власть. Восхваление себя и поношение противника – обычное дело, норма даже в тех странах, которые отличаются устоявшимися демократическими институтами... Беззастенчиво препарируются статистические данные, перевираются или утрированно примитивизируются высказывания политических противников, взаимно искажаются программные установки и т.п. Карикатуризация противника – высшая цель в политической борьбе. Здесь нелегко подчас докопаться до подлинной сути. В таких случаях помогает аналитическая работа, накопление больших объемов информации из разноплановых источников, личное участие в политических акциях (пресс-конференции, митинги, съезды и пр.), изучение объектов исследования в историческом развитии...

В западных странах, как и в России, имеются обширные «зоны умолчания», т.е. комплексы проблем, о которых правящие круги страны предпочитают не говорить публично, не выносить их в средства массовой информации. Например, для Соединенных Штатов такой зоной является распределение военных заказов между фирмами-исполнителями...

В России почти полный мрак покрывает процесс приватизации, т.е. переход в частные руки государственной собственности...

«Зонами умолчания» в большинстве стран являются здоровье, образ жизни, склонности (в том числе вредные) глав государств, ведущих лидеров экономического мира и т.п. Эти сведения способны влиять на стабильность обстановки в стране, в бизнесе, они как бы приземляют образ государственного деятеля, который должен по неписаным законам власти значительно возвышаться над головами обычных граждан...

В условиях загранпредставительств аналитическая работа занимает подчиненное место по сравнению с оперативно-информационной работой. Все-таки главная задача посольств и иных представительств состоит в том, чтобы быстро и точно информировать Центр о событиях в стране пребывания. Видение мира в основном ограничено страной пребывания, сложные мировые проблемы смотрятся через призму ее интересов или через средства массовой информации. Источники собственной информации ограничены, получаемая из Центра информация, как правило, скудна и нерегулярна.

Аналитическая работа, тем не менее, ведется на уровне местных материалов и по местным проблемам. Чем выше ранг страны пребывания в мировом сообществе, чем разнообразнее и полнокровнее ее отношения с Россией, тем активнее ведется аналитическая работа. Возможность приезда правительственных делегаций в страну пребывания или высокая вероятность вызова посла в Москву в связи с приездом высоких гостей из страны пребывания в Россию – все это предполагает выработку целостной концептуально-аналитической модели страны, которая легла бы в основу всей системы отношений между нашей страной и страной пребывания.

Аналитическая работа проводится в ходе обычных производственных совещаний, на которых обсуждаются те или иные проблемы, постепенно вырисовываются основные контуры политического лица ведущих государственных деятелей, вычленяются основные тенденции внутренней и внешней политики государства, перспективы и ограничители для укрепления позиций России в данной стране или регионе. Аналитическая работа всегда подразумевает постепенное накопление данных, осмысление их и выстраивание в логическую цепь, которая ведет к объективно правильным выводам.

Составление годовых отчетов, политических и информационных писем неизбежно проходит стадии накопления,

обсуждения фактов, их анализа. Чаще всего аналитическая работа проводится коллективно. В этой коллективности заложена основная характерная черта анализа. **Чем больше экспертов принимают участие в обсуждении той или иной суммы фактов, тем меньше вероятность ошибок при формулировании выводов. Чем больший объем фактов вовлечен в процесс обсуждения, тем точнее будут суждения экспертов.**

...В условиях загранпредставительства, где ограничен круг сотрудников, где невозможно накапливать и систематизированно хранить большие объемы информации, в экстренных случаях может быть применен (и применяется) метод «мозгового штурма» для анализа, когда необходимо в кратчайшие сроки дать оценку сложной ситуации и принять решение о действиях. «Мозговой штурм» предполагает созыв круга наиболее компетентных специалистов, несущих к тому же ответственность за последствия принимаемых решений, ознакомление всех участников с имеющейся информацией и предоставление каждому из них возможности высказать свое мнение и сформулировать предложение. Решение принимается по консенсусу или по мнению большинства.

...Большой объем аналитической работы выполняют в посольствах в случаях приезда высоких правительственных делегаций из Москвы в страну пребывания. Несмотря на то, что основная масса информационных документов готовится в центральном аппарате МИД и других ведомствах заранее и глава делегации имеет возможность заблаговременно ознакомиться со всем пакетом документов и изучить их, посольство, тем не менее, со своей стороны составляет свои аналитические документы.

Посольство лучше знает специфику страны пребывания, лучше представляет себе, какие вопросы могут быть подняты партнерами и какими аргументами они будут обставляться, какие элементы российской действительности являются наиболее острыми раздражителями для политического и общественного мнения этой страны, каковы особенности мировоззрения и характера тех государственных и по-

литических деятелей, которым предстоит вести переговоры и беседы с российской делегацией. Даже если бюджет времени не позволит главе прибывшей из Москвы делегации подробно изучить подготовленный набор документов, посол непременно использует все основные ключевые моменты своего «пакета» при устном докладе, с которого, как правило, начинается визит в страну пребывания.

Если по ходу работы прибывшей делегации на высшем или высоком уровне возникают непредвиденные обстоятельства, побуждающие к изменению или пересмотру нашей ранее выработанной и утвержденной позиции, то в интересах успеха визита проводятся аналитические обсуждения у главы делегации с участием наиболее квалифицированных сотрудников посольства, с обязательным участием посла, а иногда с приглашением руководителей резидентуры военной разведки и Службы внешней разведки. Итогом таких обсуждений являются те корректирующие моменты, которые вводит в переговорный процесс глава делегации...

* * *

АНАЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА В ЦЕНТРАЛЬНОМ АППАРАТЕ*

В 1971 году в моей службе произошел крутой поворот. Мне было сделано предложение стать заместителем начальника информационно-аналитического управления разведки. Еще через два года я стал начальником этого управления. ...С военных и послевоенных лет высшим пилотажем в разведке считалось приобрести хорошего агента-документальщика (того, кто добывает подлинные документы политического и научно-технического характера), получать от него пачки материалов или микрофильмы и направлять их без обработки прямо в ЦК партии или в заинтересованные ведом-

* Выдержки из мемуаров Н.С. Леонова «Лихолетье: последние операции советской разведки». – М.: Алисторус, 2015.

ства. До поры до времени в разведке вообще не ощущали необходимости иметь информационное подразделение. До 1943 года обходились без него, из добытых документов отбирали наиболее интересные, по мнению начальства, и направляли «в живом виде» Сталину, Молотову и другим иерархам ведомств.

К концу войны, однако, поток добываемых разведывательных материалов резко вырос, победы советского оружия делали явной скорую перспективу превращения СССР в великую мировую державу с многочисленными обязательствами и широким спектром интересов. Потребовалось создать подразделение, которое бы фильтровало поток информации по ее значимости и качеству, вело систематическое накопление добытых данных и занималось анализом всей собранной документации...

С приходом в 1967 году на пост председателя КГБ Ю.В. Андропова медленно, но неуклонно работа разведки становилась более интеллектуальной, более осмысленной. ...К этому толкали и объективные факторы. Если в годы войны и в первые послевоенные годы советская разведка приобрела широкую агентуру исключительно ценного качества в решающих звеньях государственных аппаратов благодаря высокому авторитету СССР, завоеванному всем советским народом в годы борьбы с фашизмом, то с началом холодной войны приток новых источников стал замедляться. Психологическая обработка населения западных стран, волны шпиономании, сменявшие одна другую, делали свое дело. Условия для работы разведки в западных государствах становились все сложнее. Советские посольства и представительства накрывались своеобразным колпаком...

Хотя справедливости ради следует подчеркнуть, что до самого последнего момента существования СССР разведка располагала высококласными источниками информации по важнейшим направлениям политики, науки и техники...

Возникали проблемы, которые просто невозможно было решить с помощью какого-либо одного «источника», не-

зависимо от его ценности. Эти проблемы надо было осмысливать, анализировать...

Для меня первым боевым крещением ...был, пожалуй, разговор [с *Председателем КГБ. – прим. В.В.*] об отношении к правительству Сальвадора Альенде, возникший весной 1973 года, когда тучи сгустились над правительством народного единства в этой далекой латиноамериканской стране.

Тогда Андропов спросил мнение разведки о целесообразности оказания финансовой помощи правительству Альенде, которое срочно изыскивало средства для приобретения товаров по импорту. Свободных валютных резервов у СССР уже не было... Деловое обсуждение всех аспектов внутри- и внешнеполитического положения в Чили привело к выводу, что правительство Альенде не имеет рычагов и воли изменить основные тенденции, действовавшие в стране и разрушавшие мало-помалу его социальный базис. При сохранении же этих тенденций судьба правительства обречена и его поражение – лишь вопрос времени. И 30 млн долларов ни в коей мере не в состоянии изменить обстановку, а могут лишь оттянуть развязку на некоторое, к тому же весьма короткое время...

Как трудно было нам высказываться на этом совещании! Ведь мы всей душой и сердцем были на стороне чилийских коммунистов, социалистов и их союзников, которые пришли к власти не путем заговора и переворота, не в результате вторжения Советской армии, а в результате демократических выборов, волеизъявления чилийского народа. А Соединенные Штаты организовали, как теперь досконально известно, настоящую травлю чилийского правительства и повели самую активную работу по подготовке военного переворота. Сальвадор Альенде наивно думал, что можно противостоять этому напору, не выходя из конституционных рамок. Рок обреченности повис над демократическим правительством Чили...

Профессиональная свобода восторжествовала в информационно-аналитическом управлении раньше, чем в целом в

разведке и тем более в КГБ. Это были свобода мышления и выработки предложений и демократия в методах изложения результатов своего анализа и синтеза. ...[Начальнику разведки. – прим. В.В.] принадлежит формула: «Информационная работа в разведке – это профессия» ...

Косная традиционная система подбора кадров не могла нам дать свежие силы. Главными критериями все больше становились интеллектуальный потенциал, знание страны, региона, международной проблематики. Мы создали свой собственный кадровый аппарат из состава знающих аналитиков, понимающих, какое качество людского материала нам нужно. Они, преодолевая сопротивление своих же чиновников от кадровой работы, знакомились с выпускниками МГИМО, Института иностранных языков, Военного института, МГУ. Удалось подобрать первых 50–60 молодых людей, толковых, грамотных, рвущихся к знаниям...

С помощью Крючкова мы «открылись» миру. Доселе ни один из разведчиков не смел выступать за стенами КГБ в качестве сотрудника Первого главного управления. Бывало, широко общаясь за рубежом с коллегами-дипломатами, работниками торгпредств, журналистами, военными, мы не виделись и не встречались с ними, работая в СССР...

Теперь сотрудники информационно-аналитического управления открыто участвовали в научных конференциях, симпозиумах, круглых столах (тогда на них началась мода), устанавливали контакты по интересам в институтах Академии наук, общались с коллегами-страноведами в МИД...

Бывшая разведшкола № 101 теперь была повышена в статусе до Краснознаменного института и также вовлечена в процесс наших реформ. Там была создана специальная кафедра информационно-аналитической работы, кадры которой были укомплектованы на первое время специалистами нашего управления. Все первоначальные учебные пособия были в спешном порядке подготовлены также в управлении...

Для новичков, пришедших непосредственно в управление, будут организованы курсы из полутора десятков лекций,

которые прочтет руководящий состав управления в рабочее время, в перерывах между выполнением практических каждодневных заданий...

Постепенно появляются первые результаты. Мы их чувствуем в возросшем уважении, которое стали оказывать нам оперативные отделы. Мы охотно принимаем на стажировку их сотрудников, присылаем им на апробацию всю аналитическую продукцию, касающуюся их зоны ответственности, даем оценки работы их «источников» и целых резидентур...

С годами информационно-аналитическое управление превратилось в одно из самых гибких и продуктивных подразделений разведки. Оно работало в круглосуточном режиме, непрерывно вело обработку поступающих материалов, было в состоянии в кратчайший срок мобилизовать любую группу для «мозгового штурма» внезапно возникшей проблемы. Сотни разных запросов ежедневно поступали в управление, и мне кажется, что мы оптимально удовлетворяли ожидания заказчиков. Но в силу атавистичности мышления... количественные параметры нашего управления оставались скромными. Если в ЦРУ соотношение между добывающими информацию работниками и информационно-аналитическими сотрудниками составляет 1:1, то в нашей разведке это соотношение едва равнялось 10:1.

Помнится, что когда во второй половине 70-х годов специальная сенатская комиссия обследовала ЦРУ, то она в своем заключении записала, что слишком много средств и людей занято добычей информации и недостаточно поставлена аналитическая работа. И это при соотношении 1:1! А у нас этот перекося, выходит, был в десять раз больше.

Наша система информационного обслуживания советского руководства по вопросам внешней политики была безнадежно устаревшей. Существовали четыре основных потока информации: один шел из МИД, второй – из КГБ (в основном материалы разведки), третий – из Минобороны (военная разведка) и четвертый – из отделов ЦК, где существовали международный отдел, ведавший вопросами, связанными так

или иначе с капиталистическим миром, и просто отдел ЦК, ориентированный на работу с соцстранами. Никакого четко определенного разделения труда между этими ведомствами не существовало...

Нередко резиденты разведки вторгались и в военно-стратегическую сферу, в вопросы строительства вооруженных сил иностранных государств, освещали не только политическую, но и военную сторону международных конфликтов...

Наши военные коллеги не оставались в долгу. Продолжая заниматься своими прямыми профессиональными темами, они тем не менее все больше увлекались общеполитическими проблемами, к освещению которых были менее подготовлены. Иногда это приводило к тому, что обе разведки начинали соревноваться не в качестве освещения той или иной проблемы, а в скорости передачи первого сообщения о ней наверх...

Все фильтрующие этапы, вплоть до помощников, были озабочены тем, чтобы на глаза шефов не попала тревожная, критическая информация. Ее подавали в подслащенном, приглаженном виде, где все шипы были загодя срезаны.

...Министры, руководившие ведомствами, ни в какую не соглашались на изменение установленного порядка информирования правительства. В соответствии с этим «порядком» единственным адресатом всех бесчисленных телеграмм и записок был первый руководитель партии и государства. Каждый ревниво оберегал неприкосновенность своего права на доступ к уху генерального секретаря.

У некоторых государственных чиновников, имевших прямое отношение к информационным делам, особенно у разведчиков, знакомых с их организацией в западных странах, время от времени возникали проекты создания у нас государственного органа наподобие Совета национальной безопасности США, который бы осуществлял координацию работы ведомств и способствовал выработке разумной системы доклада информации главе государства. Но таким проектам не давали хода...

...В последние годы существования СССР получила развитие практика составления коллективных «записок» по комплексным вопросам международного положения, таким, как разоружение, гуманитарные проблемы и т. д. Подготовка таких «записок» шла трудно, занимала уйму времени на согласование, сбор виз, подписей. Стоило одному министру заупрямиться – и вся работа останавливалась на неопределенный срок. Чтобы выйти из тупика, исполнители искали и часто находили «взаимоприемлемые» формулировки, но документ выхолащивался и становился просто ненужным...

Разведка очень часто пользовалась «записками» как самостоятельной формой информационного документа. Наши «записки» были короткими – три-четыре страницы, в них проблема подавалась в комплексе мировых событий с отражением ее динамики, эволюции. Мы привыкли к тому, что любой вопрос надо подавать как бы заново, максимально полно и сжато...

Упорное нежелание [руководства] видеть объективную обстановку в стране сказалось на отношении к информации вообще. Никто в реальности не хотел внедрения современных информационных систем, ибо культура их использования связана с необходимостью введения в банки данных точных, проверенных, четко сформулированных сведений. Современная информатика не позволяет давать произвольные оценки действительности, то есть лгать. Объективная информация вынуждает руководителя принимать вполне определенное решение, не оставляет места для волюнтаризма, отказаться от которого советские и российские руководители никак не могли...

Главное, что отбрасывало информационное обслуживание правительства назад, состояло в отсутствии реального интереса у тогдашнего руководства страны, предпочитавшего ограничиваться общими оценками, которые передавались по телефону или во время совещаний. Но тогда информация может быть радикально искажена. Эти явления известны давно. Они назывались «лакировка действительности», «очковтирательство», «замазывание недостатков» и пр. ...

Что касается информационно-аналитической работы конкретно в разведке, то у нас существовало правило – нести честно свою профессиональную службу. Андропов напутствовал нас: «Никогда не пишите неправду! Я не заставляю вас подделываться под заранее данные оценки»...

Работа над основными аналитическими документами, устные «мозговые штурмы» велись обычно коллективно. С самого начала было установлено, что при анализе проблем участники перестают делиться на начальников и исполнителей. Весомость высказанного мнения зависит не от должностного положения, а от новизны, неординарности, глубины аргументации. В такой обстановке поддакивание, послушничество, безропотное соглашательство становились заметными и вызывали отторжение со стороны коллектива...

С директором этого института [*США и Канады*] Г.А. Арбатовым у меня состоялся единственный, но памятный для меня разговор. В один из летних дней 1978 года я поехал к Арбатову по прямому указанию В.А. Крючкова для обсуждения проекта под девизом «Северное сияние», за который тогда активно ратовал академик. Проект предусматривал постройку крупного газопровода из Западной Сибири до Архангельска, а то и до Мурманска. В этих городах-портах предполагалось соорудить заводы по сжижению газа, а затем продукцию отправлять на специальных танкерах в США. Американцы изъявляли готовность выделить под этот проект необходимые средства, которые оплачивались бы поставками жидкого газа. Арбатов исходил из того, что газа в СССР «практически неограниченное количество», а сейчас надо получить валюту для страны.

В разведке существовало убеждение, что торговля невозобновляемыми ресурсами, особенно энергоносителями, является непозволительным мотовством, ставящим под угрозу экономическое будущее государства. Легкое сиюминутное получение валюты за счет благополучия завтрашних поколений россиян лишь ослабляет поиски других, более надежных и стабильных путей оздоровления внешней торговли. Перед глазами стоял пример самих США, стремящихся сохранить

каждую тонну своих природных ресурсов и предпочитающих наращивать импорт нефти из-за рубежа. К тому же вырученная валюта в СССР не шла на коренную реорганизацию промышленности, на развитие науки и техники, на подготовку рывка в развитии экономики, деньги-то преимущественно тратились на покупку устарелого оборудования, годами гнившего на открытых площадках, да на оплату ежегодного импорта зерна.

Большинство экспертов из министерств геологии, нефтяной и газовой промышленности, специалисты из Тюмени, с которыми мы связывались, были против проекта. Они доказывали, что в условиях агрессивной среды Севера основные сооружения планировавшегося газопровода должны были прийти в полную негодность как раз к тому времени, когда стоимость газопровода была бы оплачена поставками газа в США. Нам в наследство остались бы только разрушенная экология трассы, опасно изношенные трубы и компрессорные станции на грани остановки.

Вот эти доводы я высказал в беседе с академиком, который защищал противоположную точку зрения в поисках экономического наполнения политической разрядки в отношениях с США. Разговор кончился ничем, и больше деловых встреч у нас не было...

Обретенная открытость, насыщенность политической информацией дали нам необходимый кислород для активной аналитической работы. Чтобы ввести ее в четкое русло и подчинить практическим интересам государства, мы один раз в шесть месяцев составляли план, то есть перечень тем, по которым были готовы представить свои информационно-аналитические документы. План утверждался лично Ю.В. Андроповым и был обязателен к выполнению. Жизнь всегда богаче, чем ее предвидение даже на шесть месяцев вперед, и никто не мешал нам откликаться на все вновь возникающие ситуации.

...В течение двух десятков лет мне каждое утро приходилось просматривать сотни телеграмм – как разведывательных, так и мидовских, и военных. ...Информация по внешне-

политическим делам – это истинное бедствие. Груды бумаги, набитые тривиальными рассуждениями о текущих вопросах. Многословие – родная сестра пустословия – главная черта «информации». ...Объемы этих «сведений» и рассуждений столь громоздки, что пользоваться ими нельзя.

...Эти недостатки в равной степени относились ко всем авторам информации из-за рубежа. Но мы время от времени одергивали резидентов, посылая им указания о необходимости увеличивать информационную плотность документов, выжимать из них воду.

...В разведке было принято железное правило: любой информационный материал не должен превышать трех страниц. Это в равной мере касалось информационных телеграмм и аналитических документов. К аналитическим документам разрешалось в качестве приложения добавлять необходимые справочные материалы.

...Начиная с конца 1986 года мне довелось принимать участие в рабочей группе межведомственной комиссии по вопросам разоружения. Она состояла из руководителей ряда министерств и ведомств, имевших непосредственное отношение к этой проблематике, – МИД, МО, руководителей военно-промышленной комиссии Совмина СССР, руководства нескольких отделов ЦК КПСС, КГБ.

...Поскольку многие вопросы, которые там обсуждались в связи с направлениями развития науки и политики в области вооружений, и сейчас остаются национальными секретами, я остановлюсь лишь на том, как бессистемно и импровизированно принимались некоторые решения по важнейшим вопросам, связанным с безопасностью страны. У меня сложилось твердое убеждение, что никакой ясной концепции, а тем более осмысленной программы разоружения у нас тогда не существовало. Выдвигавшийся принцип «разумной достаточности» фигурировал только как словесная формула. Научно и экономически обоснованного военно-технического наполнения ее не существовало. Никто из политических или военных руководителей не смог бы тогда ответить даже сам себе, в чем же выражалась эта «разумная

достаточность», переведенная на язык количественных показателей вооруженных сил, вооружений, экономических затрат.

В ходе работы ... все время «искрило» из-за плохих контактов между МИД и Министерством обороны. ...Подходы к решению проблем были пропитаны разным содержанием. Мидовские эксперты всегда отстаивали ту линию, которая могла гарантировать принятие и подписание соглашения американской стороной. Это была последовательная линия уступок. Она могла диктоваться ведомственным стремлением во что бы то ни стало добиться «результата» в виде очередного согласованного и готового к подписи документа.

...Отстаивая на рабочей группе те или иные позиции, они никогда не ссылались на то, что их точка зрения наиболее точно соответствует интересам государства. «Успешность переговорного процесса» заменяла им категорию «национальной безопасности». ...Они работали бессистемно, хаотично, не подчиняя свои усилия и усилия других ведомств какому-то определенному принципу, лежащему в основе политики государства. В истории дипломатии известны эпизоды, когда дипломаты даже потерпевших поражение государств умудрялись спасти территориальную целостность и защитить интересы своих стран путем выдвижения какого-либо универсального принципа, выгодного своей стране.

...Мне могут возразить, что, мол, и не обязательно изыскивать какой-то основополагающий принцип для переговоров. Могу согласиться, но в этом случае уместен вопрос: ради чего тогда ведутся двусторонние переговоры? Китай, например, не ведет ни с кем переговоров о разоружении, он определяет уровень своих вооруженных сил и вооружений самостоятельно, в зависимости от своих национальных потребностей. Он не насилует ни свою науку, ни промышленность, ни армию, подчиняя их чьей-то воле. Зачем нам переговоры, если мы не получаем ни равной безопасности, ни даже фиксации какого-то пропорционального соотношения наших вооруженных сил, ни признания исторически сложившейся их конфигурации? Не проще ли тогда пойти по

пути самостоятельного, независимого формирования своих сокращенных оборонительных сил, освободившись от постоянно указующего перста партнеров по переговорам?

Руководство Министерства обороны и его эксперты придерживались принципа сохранения всего, что было накоплено за предыдущие годы. На них, пожалуй, и лежала главная ответственность за конкретную ненаполненность принципа «разумной достаточности». В результате весь переговорный процесс носил малоуправляемый характер.

...Делегации СССР, которая вела переговоры в Женеве, приходилось весьма трудно, ее постоянно лихорадило. Одни требовали от нее результативности, а другие – твердости в отстаивании интересов безопасности.

Американцы строили свою тактику на переговорах на принципе неуступчивости, выдвижения предложений, ориентированных на сокращение количественных параметров наших вооруженных сил, на ограничение их боевых возможностей. Их совсем не беспокоил фактор времени, у них не было желания достичь немедленных решений любой ценой. Они последовательно вели линию на обеспечение себе односторонних преимуществ. Когда не удавалось в течение длительного времени вырвать что-либо у наших переговорщиков, американцы добивались своего на «высшем уровне».

...Весной 1988 года по указанию тогдашнего председателя КГБ В.М. Чебрикова мне пришлось совершить поездку по трем прибалтийским республикам с задачей составить реальную картину политической обстановки в этом регионе. ...В течение почти трех недель я находился в поездке, провел несколько десятков встреч с представителями партийного и государственного аппарата этих республик, обстоятельно проанализировал ситуацию с нашими коллегами из Комитетов государственной безопасности, побывал у представителей местной интеллигенции, в колхозах, на предприятиях. Эту поездку мы совершили вместе с опытным разведчиком генералом Ромуальдом Анатановичем Марцинкусом, литовцем по национальности, прекрасно знакомым с проблематикой прибалтийских республик.

По возвращении я доложил лично Чебрикову свои выводы, суть которых сводилась к тому, что сформированные новые общественно-политические структуры вроде «Саюдиса», народных фронтов и др. ведут дело к полному отрыву республик от Советского Союза, к восстановлению буржуазных порядков. Бездеятельность центральных властей, отсутствие ясности в их позиции парализовывали активность тех сил, которые имелись в каждой республике и которые убежденно выступали за сохранение Советского Союза. В качестве предложения о возможной линии поведения я сформулировал мнение о необходимости предоставления этим республикам реального хозрасчета, при котором они сохранили бы полную независимость в хозяйственном развитии, не разрывая связи с Союзом. Поскольку главным содержанием программы оппозиционных сил был протест против «экономического ограбления» региона, то следовало бы дать этим республикам определенную свободу. Предлагалось предоставить им особый статус автономии, наподобие того, которым пользовалась Финляндия в составе Российской империи. На такой основе можно было сплотить значительные общественно-политические силы и удержать от разрыва союзные отношения. Непринятие энергичных мер грозило нарастанием жестко сепаратистских настроений со всеми вытекающими последствиями.

Каково же было мое удивление, когда я узнал об оценках ситуации в Прибалтике, сформулированных А.Н. Яковлевым, съездившим туда чуть позже! Из его слов вытекало, что ничего тревожного в регионе не происходило, что общественно-политические структуры были ориентированы на поддержку «перестройки», никакой угрозы целостности СССР не было. Любой непредубежденный наблюдатель мог увидеть опасные для СССР политические метастазы, и только Яковлев рисовал совершенно неадекватную реальности картину. Предположить, что он не видел реалий, невозможно.

Судьбе было угодно свести меня с ним вторично в эти годы. Речь идет не о личных встречах, а о параллельных оценках ситуаций. В конце 1989 года назначенный уже пред-

седателем КГБ Крючков распорядился, чтобы я выехал в ГДР и использовал все имевшиеся возможности, дабы вынести заключение о перспективе сохранения ГДР как независимого государства – союзника СССР. Год этот, как известно, стал фатальным в истории ГДР, которая только что, в октябре, отметила 40 лет со дня своего создания. По случаю этой даты в Берлин приехал Горбачев, принесся сюда кометный хвост «перестройки». Э. Хонеккер, сторонник сохранения твердой системы, называемой командно-бюрократической, был изолирован, а вскоре устранен с поста руководителя партии и государства. Началась чехарда политических временщиков, усилился напор по всем каналам из Западной Германии, 9 ноября 1989 г. была открыта государственная граница. В этот день газеты вышли с уникальными полосами, на которых было написано всего два слова: «Спасибо, Горби». Ни о какой демократизации или социалистическом обновлении речи не шло, хотя Горбачев и наша печать именно об этом и твердили.

Прибыв в Берлин, я связался с нашим представителем, генералом Анатолием Георгиевичем Новиковым, умным и честным солдатом и прекрасным человеком. Вместе с ним мы составили план работы и начали энергично собирать информацию. Опять бесконечные беседы, бессонные ночи, встречи, встречи, встречи. Наконец настало время докладывать в центр о наших выводах. Они были суровыми и не оставлявшими никаких сомнений. Мы с Новиковым (телеграмму мы подписывали вдвоем) сообщили в центр, что никаких шансов на сохранение ГДР в качестве самостоятельного, суверенного государства – члена Варшавского пакта нет, равно как практически – нет и шансов на сохранение в ГДР социалистического строя. Националистические страсти захватили полностью страну, политическое руководство, состоящее из новых людей, не может овладеть ситуацией.

Мы рекомендовали избавиться от всяких иллюзий и начать планировать наши практические шаги, в том числе касавшиеся пребывания нашей армии и экономических отно-

шений с ГДР, исходя из реальной обстановки. Нам достоверно известно, что эта телеграмма легла на стол Горбачеву. Буквально через пару дней после ее отправки в Берлин прибыл А. Н. Яковлев. Не исключено, что телеграмма могла послужить поводом для его приезда, потому что ранее он не планировался. Я по газетам видел, что Яковлев ходил буквально по тем же кабинетам, где тремя днями раньше побывали и мы (правда, у нас круг контактов был значительно шире), подолгу беседовал с нашими дипломатическими представителями. Но когда пришлось знакомиться с изложенными на бумаге результатами его поездки, то пришлось подивиться вялости, размытости, уклончивости формулировок.

...28 января 1991 г. меня вызвал начальник разведки и сказал о моем предстоящем назначении начальником аналитического управления Комитета госбезопасности ...оно существовало всего несколько месяцев и являло собой типичную «новостройку». Управления как такового пока не существовало: был лишь скелет его, да и то построенный наполовину. Работники были собраны из других подразделений, они сильно отличались между собой по уровню подготовки, опыту работы, даже возрасту. По существу, это была пока еще учебная команда, но на раскачку времени не оставалось.

Знакомство с информационным хозяйством Комитета госбезопасности вскрыло ...знакомую картину: заскорузлое местничество, слабый профессионализм и желание каждого крупного оперативного начальника «раздуть ноздри», то есть создавать видимость, что именно он-то и держит Бога за бороду. Каждое главное управление или просто управление имело свой собственный информационный отдел, в который сливались несостоявшиеся или отработанные кадры. Численность отделов была внушительной, иногда до сотни человек, а отдача рахитичной. Способность к осмыслению общегосударственных проблем, глубинных тенденций развития общества оставалась на крайне низком уровне. Но ни один руководитель самостоятельного управления не готов был передать получаемую информацию в «чужое» аналитическое управление и лишиться возможности доклада пусть ущерб-

ной и корявой, но своей информации. В КГБ не было никакого единого банка данных по внутривнутриполитической и социально-экономической проблематике.

...Предстояло забрать всю информслужбу в одни руки. Я успокаивал себя тем, что коллеги все равно скоро поймут неизбежность централизации информационного дела, его профессионализации. Наши первые шаги были обнадеживающими. Мы стали предлагать готовить совместные документы другим управлениям, и они охотно шли на это. Так постепенно, путем двух-трехсторонних наработок, мы и пришли бы через годик к требуемому результату. А пока надо было проявить гибкость, такт и убеждать людей в нашей правоте умением лучше вести аналитическую работу.

* * *

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ Н.С. ЛЕОНОВА НА СОБРАНИИ ДЕПУТАТСКОЙ ГРУППЫ «СОЮЗ»

20 апреля 1991 года

Уважаемые товарищи народные депутаты!

Спасибо вам за предоставленную возможность выступить на таком высоком собрании. Депутатская группа «Союз» провозгласила своей целью отстоять историческое наследие наших предков. Подавляющее большинство моих коллег и я вместе с ними безоговорочно становимся под ваше знамя в этом благородном деле. Я проработал более четверти века в разведке, много лет отдал аналитической работе, и поверьте слову старого солдата: у нас будет много врагов не только из числа доморощенных удельных князьков, но и зарубежных стратегов, которые боятся, что наше великое государство с его территорией, ресурсами, демографией, уровнем образованности населения может при нормальной организации своей жизни быстро превратиться в действительно могучую державу.

Соединенные Штаты несут в себе врожденный страх перед другими великими державами. Им не нужна никакая великая держава на территории СССР: ни коммунистическая, ни демократическая, ни монархическая. В дни Потсдамской конференции после Второй мировой войны США выдвигали проекты разделения Германии на несколько государств, им же принадлежит и план раздела Китая в 1945 году. Теперь наступила наша очередь. Они любят препарировать слабых или ослабевших.

Это не возрождение образа врага, а довольно очевидная истина. Послушайте хотя бы один день передачи радиостанции «Свобода», состоящей на бюджете Конгресса США. Они буквально сочатся злобой по отношению к нашему единому государству, весь их материал направлен на разжигание ненависти между народами СССР. В передачах на Азербайджан они науськивают население республики на армян, их дикторы, вещающие на армянском языке из соседней студии, натравливают слушателей на азербайджанцев и т. д. И постоянным мотивом остается разжигание ненависти к русским.

Почитайте статьи и выступления Збигнева Бжезинского, бывшего специального помощника президента США по национальной безопасности, и вы увидите, что он патологически заиклен на уничтожении СССР как единого государства.

Госсекретарь Джеймс Бейкер во время последнего посещения Москвы дал понять, что США признают СССР в границах 1933 года, когда они установили с нами дипломатические отношения. Что это значит? Это не только Прибалтика, за отторжение которой они выступали всегда, долгие годы за свой счет содержали в Вашингтоне «посольства» Литвы, Латвии и Эстонии. Границы 1933 года будут означать пересмотр границ с Финляндией (такие голоса там уже раздаются), ревизию границ на западе Украины и Белоруссии, границ с Румынией, отторжение половины Сахалина и Курильских островов. По существу, мы сталкиваемся с программой раздела Советского Союза. Две стаи стервятников, своих и чужих, закружили над ослабевшим телом Отчизны.

Эти стаи летают не раздельно, а сбиваются в одну. ...Дело дошло до того, что гражданин США, бывший капитан «зеленых беретов» Эйва инструктировал группы «саюдистов», которые взяли на себя охрану здания Верховного Совета в Вильнюсе. Он же учил изготавливать взрывные устройства, обучал приемам ведения боя в городе. На Западе печатаются денежные знаки сепаратистского правительства, оттуда же поступают средства связи, множительная техника и многое другое. Разработку Конституции Литвы консультировали граждане США Уэйман (из Гарвардского университета) и Джонсон (эксперт по административно-правовым вопросам).

А как любят на Западе наших трубадуров сепаратизма! Для них выделяются самые лакомые кусочки – высокооплачиваемые лекции, высшие гонорарные ставки за статьи и интервью. И за все это требуется только одно – поносить свое Отечество и призывать к его развалу. За голубой цвет глаз на Западе никто не заплатит ни копейки, расчетливые политические зазывалы платят только за работу, выгодную и нужную им....

Хотелось бы напомнить, что американские конгрессмены не имеют права получать подарки стоимостью выше 50 долл., не могут принимать оплату проезда, проживать за чужой счет в гостиницах или брать иные подношения. Все это рассматривается как обязательная норма этики, нарушения которой караются вплоть до лишения мандата. Сразу же скажу, что по законам США всякая политическая или общественная организация, которая в какой-либо форме будет ставить целью разрушение целостности США, будет объявлена антиконституционной и ее судьба будет решаться в суде.

Американцы поощряют у нас все, что запрещают у себя дома.

В последние годы обращает на себя внимание повышенная активность радио, газет и журналов западных стран в предоставлении своих страниц и вещательного времени для политических и общественных деятелей, бывших и настоящих, из СССР. Трудно представить себе, чтобы рядового

американца, англичанина или немца уж очень интересовал очередной протуберанец слов нужного Западу политика. В данном случае чужие журналы, газеты служат лишь отражающим зеркалом, пускающим раздражающие зайчики ненависти в глаза нашему народу. Эти интервью берутся, чтобы легализовать подкормку избранного человека и подлить масла в огонь наших внутренних неурядиц. Мы все дети одного Отечества, и нечего нам звать в помощь и в судьи чужих дядек.

Нередко в дипломатических переговорах и застольных тостах западные представители говорят о своей озабоченности развитием ситуации в Советском Союзе и о желательности сохранения целостности нашего государства. Они могли бы доказать это давно делом. Достаточно было бы снять торгово-экономическую блокаду, распространенную на всю наукоемкую технологию, сменить ключи в пропагандистском наступлении. Они этого не делают. Зато они панически боятся, что в результате развала Советского Союза ядерное оружие может оказаться одновременно в руках противостоящих группировок и последствия такого положения станут непредсказуемыми...

Но даже из этой озабоченности они делают свои собственные выводы! Начинают поговаривать, что может создаться обстановка, при которой будет оправдано установление международного контроля над ядерным оружием и ядерными объектами Советского Союза. Здесь уже речь пойдет не о разделе Советского Союза, а о его фактической оккупации. Вот в каком направлении работают головы геостратегов за рубежом.

Обо всем, что я сказал, Комитет государственной безопасности своевременно и подробно информировал руководство страны, и мы очень встревожены, что может повториться трагическая история кануна Великой Отечественной войны, когда разведка во весь голос кричала о неминуемом приближении фашистского вторжения, а Сталин считал эту информацию неверной и даже провокационной. Во что это нам обошлось, вы знаете!

Товарищи депутаты! Всем сердцем я разделяю вашу боль и заботу о сохранении Союза. Уже как историк по профессии хочу сказать, что лицемерны обвинения в адрес некоей «русской империи», созданной насилием. Через борьбу за объединение прошли все великие державы, и лидеры этой борьбы остались в памяти как величайшие патриоты. Авраам Линкольн не допустил развала Соединенных Штатов. Он не побоялся начать даже гражданскую войну, чтобы сокрушить Конфедерацию южных штатов. История его оправдала.

Англия длительное время воевала с Шотландией, а затем с Ирландией, пока не стала Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии. Королева Елизавета велела отрубить голову последней шотландской королеве Марии Стюарт. Англичане не намерены уходить из Ольстера, оставлять Мальвинские острова, сколько бы ни сокрушалось мировое общественное мнение.

В Азии Китайская Народная Республика решает проблему Тибета с учетом своих национальных интересов. Индия четко и ясно определила свою позицию в кашмирском вопросе.

В Африке появилось много сепаратистских движений. Вы, безусловно, помните Катангу, отделявшуюся от Заира, Биафру, воевавшую за отделение от Нигерии, Западную Африку, Эритрею и т. п. Чтобы не давать сепаратистской опухли разрушать молодые государства, Организация африканских государств постановила не признавать законность всяких трайбалистских движений (т. е. племенных, национальных), направленных на ломку границ и территориальной целостности. Неужто африканцы окажутся мудрее нас, и их позиция станет нам укором?

И последнее. Всякий объединительный государственный процесс объективно сродни прогрессу. Бисмарк, «мечом и кровью» объединявший в прошлом веке Германию, создал основы для роста и процветания нации и государства. Виктор Эммануил, с одной стороны, Гарибальди – с другой, создали единую Италию. Для развития нужны большие хозяйственные пространства, единый рынок, крепкая денежная система,

надежный правопорядок. К этим ценностям всегда стремилась буржуазия. К развалу, к национальной замкнутости, деревенской обособленности всегда звали люди с феодальным образом мышления.

В руках депутатов, прежде всего союзного уровня, сейчас будущее Родины. История не простит пассивности и бездействия. Она будет судить только по делам, по результатам. Сегодня каждому советскому гражданину хочется увидеть день, когда заседание съезда народных депутатов СССР сравнится по решительности и значимости с Нижегородской сходкой в далеком 1611 году, когда Кузьма Минин одной речью поставил на дыбы страну, создал ополчение и пошел выручать Москву, погрязшую в интригах с поляками и склоках между собой.

Желаем вам успехов в работе! ...

* * *

У НАС НЕТ ОТВЕТА НА ВОПРОС: «КУДА ИДЕТ РОССИЯ?»*

... Наша [*внешней разведки. – прим. ред.*] аналитическая служба была очень крупной. В ней работали сотни квалифицированных офицеров, глубоко разбирающихся в событиях определенных регионов и стран. Мы могли в течение суток создать документ по развитию ситуации в любой точке земного шара.

Раз в неделю по четвергам Политбюро собиралось на свои заседания. Перед каждым четвергом к нам поступала повестка дня очередного заседания – в той части, которая касалась обсуждения международных дел. Андропов как член Политбюро просил подготовить для него позицию разведки

* Выдержки из интервью Н.С. Леонова еженедельнику «Аргументы и факты». – 2021. – № 1.

по конкретным темам. И потом часто рассказывал, как реагировали на наши документы члены Политбюро и какие были приняты решения. Эта была обратная связь.

Но мы и сами могли направить через Андропова в Политбюро записки по тем темам, которые считали необходимым поставить на обсуждение. Они так и назывались записками в ЦК, по сути – в Политбюро. И докладывал этот документ лично Андропов...

Первый такой документ был подготовлен в 1975 году. Мы просили Политбюро прекратить расширение зоны нашего влияния за счет государств Юго-Восточной Азии и Латинской Америки. Тогда со всех сторон сыпались просьбы оказать военную и финансовую помощь в деле «строительства социализма». И тут мы разошлись в оценках с ЦК КПСС. Заместитель главы международного отдела ЦК КПСС Карен Брутенц стоял на иной точке зрения – надо всемерно поддерживать ориентирующиеся на нас государства, расширять сферу влияния СССР.

Особенно эти идеи набрали силу после «революции гвоздик» в Португалии, когда к власти там пришли прогрессивные военные и португальские колонии получили свободу. Мы писали, что у СССР уже нет ни финансов, ни кадров, ни военных ресурсов для расширения сферы влияния. Мы называли это «политической буффонадой», для которой Брутенц придумал сомнительное идеологическое обоснование в виде идеи стран «некапиталистического пути развития». И требовал под это выделение финансовых ресурсов.

Мы были категорически против. Приводили в пример Англию, которая точечно оказывала помощь тем странам, с территории которых можно было реально контролировать морские пути. Это Гибралтар, Мальта, Сингапур, Йемен. Лондон не разбрасывал свои ресурсы широким неводом, как это делали мы, а контролировал через эти точки морской путь в Индию. Мы же влезали по уши. Помню, как мучился Андропов. Он просил записку сократить. Мы ее сократили раз, потом второй, довели до 8 страниц. И все равно он не осмелился ее подписать. Сказал, что доложит устно. Доло-

жил ли – не знаю. Но судя по расширению помощи, эта порочная практика была продолжена...

...Мы влезли туда [*в Афганистан. – прим. ред.*], и это стало для нас реальным доказательством, что Андропов не посмел идти против течения в ЦК за расширение сферы влияния СССР. Спустя два месяца после введения наших войск он приехал в Ясенево и произнес фразу, которая нас поразила: «Мы вляпались в Афганистан»...

Я знаю, члены Политбюро тоже думали о своей карьере и не шли против течения. Наверное, потому о вторжении в Афганистан наша служба не была поставлена в известность. Я узнал об этом решении часа за три до начала операции. Обидно, но члены Политбюро не дали нам поручение просчитать все последствия этого шага. Это было недальновидное решение.

И первым за вторжение был Брежнев. Он обиделся, что Амин убил своего бывшего руководителя Тараки, проигнорировав просьбу генсека сохранить ему жизнь и отправить в СССР. Ну понятно, что министр обороны Устинов проголосовал «за» потому, что он всегда был сторонником максимального роста военного бюджета, что и похоронило СССР. В итоге нас втянули в 10-летнюю войну, которая надорвала силы СССР и стала одной из причин его развала.

Но есть много примеров, когда с нашими записками считались. Помню один случай: в 1975 году началось наступление патриотов Северного Вьетнама на Южный Вьетнам. Андропов приехал в разведку и признался, что на Сайгон пошла вся северо-вьетнамская армия, а не только партизаны. А Северный Вьетнам полностью оголился. Андропов боялся, что американцы могут высадить десант и взять Ханой штурмом. И попросил нас обсудить, возможен ли такой сценарий. Мы сходу сказали: американцы не пойдут на эту операцию из-за сложного внутривнутриполитического положения и нарастающих антивоенных протестов. Для такого вывода были у нас и разведданные. И мы оказались правы...

Союз США и Китая против СССР во многом стал следствием головотяпства советского руководства. Мы своим ру-

ками создали почву, на которой Киссинджер ловко выстроил антисоветский альянс. Мы собачились из-за островов на реке Амур. Наша верхушка почему-то решила, что Китай – это враг № 1.

Я помню время, когда Андропов публично говорил нам, что СССР должен иметь военный потенциал, равный потенциалам США, НАТО и Китая. Эти мысли генсека вызвали у нас в разведке ступор. Мы знали, что СССР не вытянет такое напряжение. Но слова Андропова были указанием к действию. И министр обороны Устинов (кстати, близкий друг Андропова) после этого выкачивал все ресурсы на безумную политику наращивания этого потенциала.

Кстати, Устинов сыграл ключевую роль в выдвижении Андропова в генсеки. Наверное, потому Андропов и не противился его планам. А Устинова с того времени я считаю главным могильщиком СССР. Страна вкачала гигантские деньги в ненужную и безумную гонку вооружений. Потом все эти масштабные запасы оружия, которые накапливались десятилетиями, были уничтожены или гнили на складах. Это было преступлением. Мы все наши ресурсы закопали в землю. Зачем производились эти десятки тысяч танков, самолетов, артиллерии, которые к тому же устаревали? Ведь наличие ядерного оружия все это обесмысливало.

Мы не понимали, зачем при таком его количестве – более 10 тыс. различных систем – мы вколачивали миллиарды рублей в обычное вооружение? Пытались с позиций разведки убедить вышестоящие инстанции не делать этого, умерить пыл. Но все попытки продвинуть идею разумного и достаточного вооружения отвергались самим Андроповым... Причем в качестве примера разумной достаточности ссылались на ядерный щит Китая. Они создали 600 ракет с ядерными боеголовками и на этом остановились, не стали накапливать десятки тысяч танков и орудий. Реакция была резкой. Андропов бросил фразу: «Не учите нас управлять государством! Мы тоже кое-что в этом понимаем»...

В этом мире нет ничего вечного. США зародились из самого динамичного и активного населения, которое выехало

из Англии и Европы. Из России, к примеру, наши переселенцы завезли самую лучшую пшеницу – одесскую. США стали магнитом для желающих со всего мира жить лучше. Но если сначала туда ехали европейцы, то сегодня вектор демографии изменился. Америку заселили выходцы из Латинской Америки. Выросло и негритянское население. И американское общество покрывается трещинами межэтнических противоречий. Усиливается раскол между расами.

Мы не раз в ходе официальных контактов по линии разведки спрашивали наших коллег, допускают ли они возможность в США социальной революции? В смысле, что имущественное расслоение может вызвать революционные изменения в обществе. Они отвечали, что в обозримом будущем это вряд ли возможно. Ссылались на успешное развитие экономики, что делало маловероятным какой-то социальный взрыв. А вот расовые проблемы признавали, тем более с учетом религиозных различий. Упоминали и о моральной проблеме в обществе, когда размываются сдерживающие нравственные устои. И эти опасения отчасти оправдались...

Но я бы не стал говорить о закате Америки. В обозримом будущем там вряд ли стоит ожидать гражданской войны, которую на телеканалах предрекают многие российские эксперты. Америка достаточно сильна, и центробежные силы пока не способны ее развалить. У нее достаточно сил и есть все необходимые законы для того, чтобы дать по зубам сепаратистам или тем силам, которые попытаются разжечь гражданский конфликт. Кстати, таких жестких законов, как в США, в СССР не было. У наших республик всегда сохранялось формальное право на выход из Союза. В Америке такое не пройдет. Вы сразу будете объявлены вне закона, к вам применят военную силу, и всех заговорщиков отправят за решетку...

У Америки реальный враг не мы, а Китай. ВВП Китая сегодня составляет 18% мирового, а России не дотягивает и до 2%. Объем внешней торговли Китая – 4 трлн долларов, а России – 270 млрд. А ведь всего лишь 40 лет назад ВВП Китая равнялся российскому сегодня – 2% мирового, а у

СССР был 20%. Ну какой же мы враг США? С нашей экономикой это смешно...

...Китай совершил колоссальный рывок в своем развитии и реально претендует на статус мировой сверхдержавы, равной США. И XXI век станет веком противостояния этих двух супергигантов. Это как два огромных бойца сумо, пытающихся вытолкнуть один другого из круга. Но характер этой борьбы другой. Эти две страны очень связаны друг с другом, в том числе в научно-технической области. Их взаимный оборот внешней торговли колоссальный. И каждый раз на высшем уровне они стараются найти компромисс. Так было при Трампе, так будет и при Байдене.

А вот у России иная судьба: она выбрана на роль врага из-за своей слабости. И потом, в США столько сил и средств было потрачено на создание из СССР образа врага, что этот имидж по наследству перешел к России. Особо ничего и выдумывать не пришлось. Ну добавили российских хакеров, взламывающих серверы госучреждений США и их союзников по всему миру. И все пошло по накатанной. ... Так что страхи перед Россией носят наследственный характер...

Мы могли пойти по китайскому пути, но надо было перешагнуть через свою площадь Тяньаньмэнь. И потом, в Китае был Дэн Сяопин, который дал добро на расстрел студентов и твердой рукой вывел Китай из кризиса. В итоге страна сохранила свою промышленную структуру и социально-ориентированную экономику и стала наращивать темпы. Мы же пошли по иному пути. У нас появился опереточный ГКЧП, а главным реформатором стал Чубайс, который под руководством американских советников проводил идеи приватизации...

Россия заросла непроходимыми зарослями воровства, расхищения государственного добра и бюджетных средств... Военный молох, по сути, сожрал СССР. Сегодня эту роль в России выполняет масштабная коррупция. Эффект тут одинаковый: в СССР мы закапывали деньги в землю, а коррупционеры в России вывозят их за рубеж и обескровливают нашу экономику....

Беда в том, что у нас в то время не оказалось ни одного решительного лидера. Крючков был обычным партаппаратчиком. Он пришел к нам в разведку из партийных органов. Пока был Андропов, у которого была своя жесткая позиция и видение мира, Крючков отражал его свет. И все было правильно. И у нас было с Андроповым отличное взаимодействие. Но когда Андропова не стало, то вся позолота с личности Крюčkова мгновенно слетела, все развеялось, как утренний туман. Потому он оказался абсолютно негодным для тех событий, которые произошли в 1991 году. Эти трусы не смогли даже выбрать председателя ГКЧП. Руки тряслись, ноги подкашивались...

Ни меня, ни руководителя внешней разведки Леонида Шебаршина он [Крючков] не посвящал в свои планы. Одно могу сказать: в день объявления ГКЧП Крючков пригласил нас и сказал: военные приняли решение ввести чрезвычайное положение в некоторых районах СССР для того, чтобы предотвратить нарастающий бардак и беспорядки. И надо поддерживать это решение. Мы подумали, что если решение принято военными, а я хорошо знал по опыту стран Латинской Америки, что, если военные берутся за дело, значит, будет Пиночет. Другого не дано. Мы взяли под козырек...

Наблюдая за ситуацией, я быстро понял, что организаторы ни к чему не готовы. Первое же обращение к населению показало всю аморфность планов: их просто не было, как не было ни призывов к населению, ни объяснений трагичности ситуации. Никто не мобилизовал партию, а ведь в КПСС насчитывалось 20 млн членов. И ни слова, ни одного призыва к ним встать на защиту страны, выйти на улицы. В итоге члены ГКЧП под тяжестью ответственности были просто раздавлены и сами подавлены своей «смелостью». Потому и не было сопротивления с их стороны...

А ведь произошла реальная революция или контрреволюция, называйте, как хотите. Но это была, как верно заметил Владимир Путин, «крупнейшая геополитическая катастрофа». И она не вызвала никого отклика у населения. Да, покончили с собой генерал Ахромеев, поэтесса Юлия Друнина,

некоторые другие. Но – и все. Все было парализовано и распластано. Нemoщный и инертный партаппарат был просто сметен как осенняя листва ветром. А что организаторы? Они сели писать покаянные письма Ельцину. Читать эти оправдания маршала Язова, главы КГБ Крючкова просто стыдно. Трудно себе представить всю глубину их политической немощности, неготовности ни к каким поступкам. Потому эта революция была бескровной, но очень тяжелой по своим последствиям...

... Росстат дважды на моих глазах пересматривал прогноз по росту населения страны. Мы с каждым годом демографически слабеем. Идет убыль населения. В этом году нас станет меньше на 130 тысяч. А в 2021 году убыль будет еще больше, так как у нас старое население. И пандемия усилит эту негативную тенденцию. Усыхание населения всегда лежит в основе затухания цивилизации. А резкое удорожание основных продуктов питания, которое ведет к обнищанию основной массы населения, – с чем уже начали бороться на самом высоком уровне. Добавьте к этому рост тарифов ЖКХ.

... Неподъемные цены на транспортную связь становятся еще одной огромной проблемой. Сегодня единственная пуповина, связывающая нас с этим регионом, – это Транссиб и БАМ. А вся экономика Дальнего Востока давно ориентируется на Японию, Китай, Южную Корею – туда идут рыба и лес, а обратно – всевозможные товары. Ось грузовых потоков давно смещена в Азию, а центральная часть России зияет пустотой.

... Мы, к примеру, с трудом представляем, как живут жители Калининградской области. Это анклав, далекий от России. В Польше уже пишут, что в будущем эта российская область уйдет от Москвы и станет называться «Янтарной республикой». Немцы туда зачастили. Когда я там был, обратил внимание, что местная молодежь часто не знает, что такое Россия. Они родились в Калининграде и никогда не были «на материке». У них нет чувства сопричастности к нашей Родине.

А ведь туда после войны переселили исконно русских людей, но выросло иное поколение, и они уже смотрят на Запад. Оттуда им поставляют продукты, торговля тоже идет с Западом. Связи с материковой Россией слабеют, в том числе из-за высокой стоимости поездок. Постепенно область отрывается от России. И стоит какому-нибудь местному начальнику проявить гонор и заявить о «независимости», как мы окажемся в щекотливой ситуации. Не посылать же туда войска — это прямой конфликт и с местным населением, и с НАТО, которое окружает анклав со всех сторон и не преминет заявить о поддержке новой республики.

Как когда-то заметил один из кремлевских чиновников, мы пока удерживаем Россию административными обручами. И до сих пор так и не создали страну как единый народнохозяйственный механизм, который был бы связан нитями, разорвать которые невозможно. Так вот, возвращаясь к Дальнему Востоку, меня тревожит перенос многих учреждений из Хабаровска как некой столицы региона во Владивосток. Ведь американскому флоту намного легче оказать поддержку любому сепаратистскому движению со столицей в портовом городе.

Может, мои страхи и преувеличены. Но власти надо держать в уме все возможности. Ведь все эти идеи разных республик — от Архангельской до Дальневосточной — не мои выдумки. Западу для поддержки сепаратизма надо, чтобы столицы новых образований были в приморских городах, а сам регион обладал неким экономическим потенциалом, чтобы смог существовать как независимое государство.

А опыт общения с коллегами из США и работа в разведке убедили меня в одном: американцы терпеть не могут большие страны. Это они в свое время придумали план раздела Китая на 4-5 государств, чтобы не сложилась такая монолитная и огромная империя. Запад, как говорил Лев Толстой, пугает обширность России. Там уже не видят научно-техническую, индустриальную или экономическую угрозы с нашей стороны. Они видят единственную угрозу в нашем ядерном потенциале. А так, по их оценкам, Россия давно вы-

дохлась. Но их страшит, что потенциально на такой обширной и богатой территории может снова возродиться сильная держава. Их пугает перспектива возрождения страны, а потому они всячески содействуют сепаратизму и ослаблению России. Цель – добить и разделить на части. Еще недавно они робко мечтали отобрать у СССР часть Украины по левому берегу, но после победы майдана аппетиты резко выросли. И уже на повестке дня стоит долгосрочная задача расчленения России на куски, искоренения нашего менталитета...

Я считаю, у нас [*страны. – прим. ред.*] нет цели развития, перспективы. Ведь каждый человек, каждая семья строит какие-то планы на будущее, а вот страна у нас живет одним днем. Чего ради она живет и куда движется, об этом мало кто задумывается. Наш максимум – дожить до понедельника. Все это я и отношу к признакам умирающей цивилизации...

Мы блуждаем по лесу. Бредем наугад, меняем курсы, галсы. Открытый разговор, что мы хотим создать из страны, давно назрел. Для себя, для потомков это важнейшая вещь – понять, «камо грядеши»? Куда мы идем? С таким вопросом спутники Христа обратились к учителю. Мы ответа не знаем. И наша жизнь на планете превращается в пустое биологическое прозябание. Нужна такая «дорожная карта», с которой мы бы работали по-иному – четко и понятно, с колоссальной отдачей. Только так из нашего народа можно было бы высвободить еще оставшуюся творческую и созидательную энергию. Но, повторяю: для этого мы должны знать, куда идем.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ Н.С. ЛЕОНОВА

Н.С. Леонов родился 22 августа 1928 г. в селе Алмазово Горловского района Рязанской области в крестьянской семье. В 1938 г. их семья переехала в город Электросталь.

В 1947 г. окончил среднюю школу с золотой медалью, после чего поступил в Институт международных отношений (МГИМО). По окончании института направлен в издательство литературы на иностранных языках. В мае 1953 г. был на стажировке в Мексике. Учился в университете Мехико на факультете филологии и философии. Летом 1956 г. отношения с Че Геварой и Раулем Кастро послужили поводом для высылки Н.С. Леонова из Мексики.

Вернувшись в СССР в издательство, учился в заочной аспирантуре Института истории АН СССР, специализировался на странах Латинской Америки.

С 1958 г. во внешней разведке. В 1959 г. в составе делегации, возглавляемой заместителем Председателя Совета министров СССР А.И. Микояном, поехал в Мексику, а затем – на Кубу. В 1961 г. направлен в Мексику под дипломатическим прикрытием третьего секретаря посольства, где проработал до 1968 г. Сопровождал и переводил Ф. Кастро во время его поездки по СССР в 1963 г.

В 1971 г. Леонов стал заместителем начальника информационно-аналитической службы внешней разведки. В сентябре 1983 г. – заместитель начальника разведки по главному противнику, в 1991 г. – начальник Аналитического управления КГБ СССР. В этом же году в связи с распадом СССР ушел в отставку.

С 1994 г. – профессор кафедры дипломатии МГИМО. В 2005 г. наряду с другими российскими деятелями подписался под письмом 5000. В последние годы публикует книги и аналитические статьи, сотрудничая с патриотическими издательствами.

Имеет правительственные награды: Орден Октябрьской Революции, два ордена Трудового Красного Знамени, Орден Красной Звезды, награжден Кубинским орденом Че Гевары I степени.

АНАЛИТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА И СЛУЖЕНИЕ АНАЛИТИКЕ НИКОЛАЯ ЛЕОНОВА

В. Волин,

ветеран внешней разведки СССР – РФ

Мне выпала честь представить читателям настоящего сборника посвященные аналитике выдержки из некоторых публикаций высокого профессионала в этой области и замечательного человека Николая Сергеевича Леонова. В них раскрываются в основном вопросы технологии информационно-аналитической работы и организации информационно-аналитической деятельности на разных участках такого специфического внешнеполитического ведомства нашей Родины, как внешняя разведка.

В разведке Николай Сергеевич служил 33 года. Из них 12 лет руководил информационно-аналитической службой, численность которой доходила до нескольких сот экспертов-аналитиков. Эту службу он развернул из небольшого информационного отдела, по-новаторски настроил ее работу, превратив в индустрию аналитического обеспечения процессов принятия организационных и политических решений на разных государственных уровнях, вплоть до верховного.

В 1991 г., в связи с распадом СССР, Николай Сергеевич не присягнул новому руководству и подал в отставку с поста только что созданного тогда в структуре КГБ СССР Аналитического управления, которому в те драматические дни уже не было суждено выполнять свое предназначение в части объективности и принципиальности. И, тем не менее, оказавшись в режиме свободного творческого служения добросовестной аналитике высшего государственного уровня зрелости, Николай Сергеевич своими книгами и другими публикациями такое предназначение отчасти принял к выполнению и во многом выполнил.

Это он – Николай Сергеевич Леонов, осмыслив последние операции советской разведки и последние годы СССР

в мемуарах «Лихолетье», выпущенных в 1994-1995 гг. в издательстве «Международные отношения», на первых же страницах своей следующей книги «Крестный путь России. 1991-2000 годы», выпущенной в 2002 г. в издательстве «Русский дом», сделал и обнародовал сакраментальный аналитический вывод, который до настоящего времени работает и, наверняка, дальше будет работать для пользы Отечества: «За десять лет в огромной степени по вине Б. Ельцина произошла **самая крупная геополитическая катастрофа века** [*подчеркнуто редактором*], эпицентром которой оказались историческая Россия, Москва, Кремль».

Развал СССР Николай Сергеевич остро пережил как большую личную трагедию. Многие годы работая на ответственных постах, будучи профессионалом высочайшего класса, он самоотверженно укреплял безопасность нашей страны на мировой арене. На важных участках международной деятельности обеспечивал эффективную работу по выполнению стратегических задач. Знал и недостатки, и преимущества Советского государства.

В новых обстоятельствах, он, генерал-лейтенант КГБ в отставке, будучи доктором исторических наук и став профессором кафедры дипломатии МГИМО, посчитал неразумным заниматься лишь историей чужих народов, оторвавшись от действительности своей страны, и принял вызов судьбы, отдавшись активной публицистической работе, острой и мужественной, чтобы помочь Отечеству снова стать могучей и процветающей державой.

Анализ текущих проблем страны и путей их решения находим мы и в книге «Закат или рассвет? Россия: 2000-2008» (2008), завершающей трилогию Николая Сергеевича о трагических бедствиях и несбывшихся надеждах, выпавших на долю России, русского и других народов в XX и начале XXI века. Блестяще владея искусством слова, досконально разбираясь в тонкостях внешнеполитических процессов, он, как и в своей прежней практической работе, последовательно и аргументированно отстаивал в обществен-

ной полемике первой декады нынешнего века национальные интересы исторической России.

В книгах трилогии, очередной книге «Холодная война против России» (2010) и в многочисленных его журнальных и газетных статьях и интервью по актуальным вопросам жизни в стране и в мире были поставлены вопросы, ответы на которые российское общество ищет и по сей день: «Даст ли нам Господь еще один, последний шанс на возрождение? Осознает ли верховная власть причины продолжающейся национальной катастрофы и свою историческую ответственность перед Россией и ее народом, проявит ли политическую волю для восстановления не только материально-технического фундамента, но и человеческого потенциала, во всех его проявлениях?» и другие.

Опираясь на свой богатый жизненный опыт аналитика общественно-политических явлений, ответственного ученого-историка, яркого публициста и полемиста, Николай Сергеевич вскрыл подоплеку многих событий с середины 50 годов прошлого века, участником и свидетелем которых он являлся. Показал внутренние механизмы социальных процессов в нашей стране и на международной арене, прикрытых лживыми мифами и дезинформацией. Дал точные характеристики участвовавшим в них политическим, общественным и государственным деятелям как российским, так и зарубежным. Проанализировал подлинные и камуфлирующие мотивы их действий.

Автор этих строк работал под требовательным и мудрым руководством Николая Сергеевича в информационно-аналитической службе внешней разведки в течение более 10 лет. И на личном опыте со всей ответственностью удостоверяет, что отзывы о нем сослуживцев и подчиненных ничуть не расходятся с тем, каким Н.С. (так они называли и называют его по сей день) предстает перед читателями в своих публикациях по его взглядам, чувствам, настроениям, оценкам и устремлениям. Его публикации написаны без фальши и без рисовки.

Враг политической демагогии и беспринципного оппортунизма, карьеризма, тщеславия, шкурничества.

Искренний, принципиальный, глубоко верящий в правоту своего дела, мужественный и самокритичный в отстаивании аналитических выводов, в присутствии любых авторитетов сохраняющий свободу суждений и действий. Чуждый тщеславию и готовый к тому, что его выводы без ссылок перекочуют в руководящие доклады, управленческие документы, тексты решений и резолюций. Всегда распорядительный, конструктивный и никогда не назидательный в отношении других аналитиков, пусть даже подчиненных. Энциклопедист, боящийся показаться «всезнайкой».

Человек природного оптимизма, подлинной доброжелательности и строгого достоинства. Вдохновляющий необыкновенной лучистостью своих глаз, умиротворяющий тихой речью и зажигающий пламенными выступлениями, в которых всегда много чеканно выраженных мыслей и афористичных суждений. Сквозь все особенности службы во внешней разведке, где он занимался не только аналитикой, искусство которой в выдержках из его текстов здесь хотелось продемонстрировать, но еще и вербовочной работой, речь о которой молчит, Николай Сергеевич пронес твердую убежденность в том, что всякая ложь, тем более инициированная от имени государства, является свидетельством слабости и аморальности, независимо от того, кто и для чего ко лжи прибегает. Этим он руководствовался сам и этого же требовал от тех, с кем работал.

Не только в разведке, но и в открытой жизни своими публичными выступлениями, как печатными, так и устными, по самым острым проблемам страны и современности Николай Сергеевич подтверждает непреложную для него истину: подлинным экспертом-аналитиком движут не конъюнктура, а исключительно идейные убеждения; не мелкий сиюминутный прагматизм, а твердая патриотическая ориентированность на защиту стратегических интересов Отечества, высо-

кая одухотворенность и видение далеко идущих последствий.

Своим примером Николай Сергеевич Леонов по всем статьям доказал, что аналитик в своем служении воистину является государственным достоянием как человек четкой дисциплины мысли, без понуждения решающий ответственные интеллектуальные задачи, видящий в исходной информации надежные существенно значимые выводы, которых текстуально в исходном источнике чаще всего нет и которые становятся видны остальным только тогда, когда на них упреждающе укажет аналитик или когда их неумолимо обнажат последующие события.

**АНАЛИТИКА
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ**

ЧТОБЫ ЗНАТЬ, ЧТО БУДЕТ, НАДО ЗНАТЬ, ЧТО БЫЛО

*Подборка из интервью В.М. Фалина
журналу «Экономические стратегии» 2008–2018.*

В 2008-2018 гг. В.М. Фалин дал ряд интервью журналу «Экономические стратегии». Далее представлена их выборка. Кроме того, В.М. Фалин неоднократно участвовал в заседаниях Экспертно-дискуссионного клуба «Аналитика».

Как Вы думаете, почему распался СССР, можно ли было избежать этой катастрофы?

Сведущие бегут от ответа на сей вопрос. Несведущие дают простор домыслам, используют подтасовки. Наверное, пройдет немало времени, прежде чем соберутся воедино все факты, из которых объективные исследователи выплавят истину. Пока же можно констатировать следующее.

Наряду с внутренними перипетиями и неурядицами – а их было в избытке – свою роль, подчас определяющую, сыграли внешние факторы. Возьмите монголо-татарское нашествие. Два с половиной века Русь не могла выпростаться из-под пяты завоевателей. Комментарии вроде бы излишни. Или? Часто из поля зрения выпадает, что Русь была взята в клещи. С востока – Чингисхан, Батый, Мамай. С запада – поляки, литовцы, шведы, католический Рим. Польша вдвое увеличила территорию за счет Руси, Литва – почти в 10 раз, шведы обкорнали Русский Север. Римская курия учуяла шанс подсесть под корень «греховное» православие. В 1348 г. Папа Климент IV призвал к крестовому походу против Руси, причем не только единоверцев. Рим был причастен к походу Мамай на Москву.

И не нужно гадать, каким боком повернулся бы к нам рок, не выиграл Дмитрий Донской Куликовскую битву.

Тогда же, в середине XIV в., с подачи Рима была введена в практику экономическая и технологическая блокада Руси. В 1533 г. по инициативе шведского короля и австрийско-

го императора, возглавлявшего Священную Римскую империю германской нации, состоялось так называемое «Любекское согласие». По нему запрещалось продавать россиянам металлы, передовой по тем временам инструментарий, который мог бы послужить ее обороне, лошадей и даже продовольствие. Вне закона объявлялось строительство российских портов на Балтийском море. А всех нарушителей «Любекского согласия» круто карали. Живущие по пословице – нет ничего ближе, чем сегодня, и дальше, чем вчера, – готовы воскликнуть: ну, было, да прошло. Если бы прошло, не повторялось из века в век, не нанизывалось на одну ось, имя которой – русофобия.

С XVIII столетия на роль подковерного или ведущего в большинстве враждебных России комбинаций и альянсов выдвинулась Англия.

Каждый, кто не манкировал в школе уроками истории, наслышан о Русско-прусской войне 1756–1762 гг. Но не все прилежные ученики припомнят, что на стороне России в этой войне выступали Австрия и Франция, а в союзе с пруссаками действовал Лондон. И уж совсем немногие в курсе, что наряду с Европой в водоворот войны были втянуты Азия и Америка. Россия одолела Пруссию, а Англия лишила Францию всех ее владений в Индии, отобрала у французов Канаду и Луизиану. Антирусский крен у Альбиона увеличился после признания Петербургом де-факто независимости Соединенных Штатов Америки (1787 г.). Императрица Екатерина II явно не оправдала средств, инвестированных англичанами в ее шалости в то время, когда принцесса только примеряла корону.

Свет в конце туннеля как будто забрезжил после свержения Бурбонов. Европейские монархи сговорились общими усилиями усмирить взбунтовавшуюся чернь. Павел I отправил к французским границам русские войска, не без успеха действовавшие против отрядов республики. И вдруг император отзывает Суворова и Римского-Корсакова восвояси. Обычно историографы ставят здесь точку, когда напрашивается многоточие. Почему Павел приказал трубить отбой?

Лондон нарушил все обязательства перед ним по снабжению русских войск продовольствием, боеприпасами, медикаментами. Потери от болезней и недоедания превышали потери от боевых столкновений. Не предопределил ли Павел своим решением собственную участь? Дворцовый переворот, стоивший ему жизни, не обошелся без англичан. Еще о знаках препинания. М.И. Кутузов, преследуя «великую армию» Наполеона, вышел на западные российские рубежи и объявил: дальше не пойдем. Усталость или старческая прихоть заговорили в фельдмаршале? Почему бы не добить супостата? Не прихоть, а расчет. Михаил Илларионович продолжил: у Англии в Европе должен остаться хотя бы один враг – Франция.

Видное место в свершениях XIX в. занимает Крымская война. Ее сценарий писался в Лондоне. Британское кредо не отличалось замысловатостью. Урезать влияние азиатской России на европейские и внеевропейские дела. Франция, Сардинское королевство, Турция действовали с англичанами заодно. Театр военных действий не ограничивался Крымом. Россию вынудили держать круговую оборону. Англо-французская эскадра пыталась прорваться к Петербургу, военные корабли противника вторглись в Белое море и обстреляли Соловки, дважды атаковали Петропавловск-Камчатский. Союзная с Лондоном Турция высаживала десанты в Абхазии – правда, закрепиться там не смогла.

Россия сохранила за собой Крым и Кавказ. Британский расчет оторвать Финляндию и Польшу, запереть россиян в Балтийском и Черном морях, заблокировать Архангельск и дальневосточные владения не оправдался. Но, как заметил министр иностранных дел Извольский, после поражения 1855 г. Россия жила своими чувствами и чужими мыслями.

Нет возможности в деталях воспроизвести козни Лондона в момент освобождения Россией Болгарии от турецкого ига. С другой стороны, нельзя обойти молчанием роль англичан в развязывании Русско-японской войны 1904–1905 гг. Кстати, половину издержек Японии на агрессию против России оплатили американские финансисты... С 1893 г. лобби-

ровали в конгрессе США финансовый ostracism официального Петербурга, в их числе группа Якоба Шиффа.

Англичане подвигнули Японию на захват Кореи в 1907 г. Они потворствовали приобщению Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии. В 1909 г. Англия, Италия и Австро-Венгрия конституировали государство Албания, дабы перекрыть Сербии доступ к Адриатическому морю, – Сербии, слывшей самым надежным другом России.

Судя по документам, британцы выступали закоперщиками Первой мировой войны, которая, по их мысли, должна была стать расширенным изданием Крымской войны. Исполнители несколько другие. Лондон недвусмысленно подбивал австрийцев и немцев на сведение счетов с сербами и их российскими покровителями за убийство эрцгерцога Фердинанда. На высшем уровне Берлин и Вена заверяли, что рамки четверки (Германия, Австро-Венгрия, Россия и Сербия) схватка не перерастет. Но стоило немцам объявить войну России, как Эдвард Грей, шеф Форин-офис, тут же сменил партитуру. Англия, заявил министр в парламенте, не позволит ни одной стране занять доминирующее положение в Европе.

Имеется документ, высвечивающий, что держали за пазухой хитроумные русофобы. 20 октября 1930 г. Уинстон Черчилль встретился с внуком Отто фон Бисмарка. Он был тогда первым секретарем посольства Германии в Лондоне. Вы, немцы, сказал Черчилль, – недоумки. Будь Берлин пошмысленнее, он бросил бы в Первой мировой войне все силы на разгром России. Англичане позаботились бы о том, чтобы Париж немцам не мешал. Но если бы французы все же ввязались в драку, то Британия оставила бы их на произвол судьбы. Затем Черчилль рассуждал о том, как упредить повышение обороноспособности Советской России, помешать ее индустриализации и т.п. Текст записи этой беседы советская разведка переслала Сталину, который держал его под рукой до конца жизни.

Примем откровения Черчилля к сведению. Взглянем под этим углом зрения на события ноября 1917 г. Для убедит-

тельности призовем в свидетели Локкарта, руководителя британской миссии при правительстве Советской России. Большинство населения, читаем мы в воспоминаниях дипломата-разведчика, встретило революцию спокойно, скорее с симпатией; если тревога и ощущалась, то возникала она по поводу активности анархистов и криминальных элементов. Действительно, 25–26 октября (по старому стилю) рестораны и театры Петрограда были полны посетителей. Улицы спокойны, никакой стрельбы. Штурм Зимнего и канонаду лет десять спустя додумал Эйзенштейн. Какая революция без канонады? На деле солдаты и матросы заняли дворец, не повредив его убранства. Пострадали лишь винные погреба. Чтобы победители на радостях не перепились, все бутылки были перебиты.

Передача власти Временным правительством А.Ф. Керенского временному правительству В.И. Ленина совершилась без чрезмерных перехлестов. Если число жертв в первые дни Февральской революции шло на многие сотни (вспомним хотя бы самоуправство в Кронштадте), то «Октябрьский переворот» стоил жизни полдюжине юнкеров, послушавшихся приказа – не стрелять. Реакция «демократов» на отречение Николая II и на смещение Керенского была диаметрально противоположной. Кончину монархии приняли без причитаний. Приход к власти большевиков встретили преданием социального вызова анафеме.

В начале декабря 1917 г. Антанта приняла решение о вооруженном вмешательстве во внутренние дела России. Прошу обратить внимание на одно прелюбопытное обстоятельство. Англия и Франция ведут борьбу «до победного конца» с Германией и ее союзниками. Но в их операциях против России прослеживается синхронность и даже скоординированность. Вероломно нарушая Брестский мир, кайзеровские войска рвутся к Питеру – это февраль 1918 г. А 4 марта в районе Мурманска и Архангельска высаживаются американцы, англичане, французы, итальянцы, латышские стрелки и прочие, чтобы также двинуться на Питер. По официальной версии, они хотели спасти столицу от немцев.

Статья 433 Версальского договора обязывала Германию отозвать войска со всех оккупированных ею после 1914 г. и отторгнутых от рейха территорий. Отовсюду, за исключением Финляндии, Литвы, Латвии и Эстонии. Там они оставались до тех пор, пока «правительства главных союзных и объединившихся держав не сочтут уместным их вывод, сообразуясь с внутренним положением этих территорий». И не только. Германские войска, дислоцированные в Прибалтике, должны были составить ядро похода Юденича на Петроград (октябрь – ноябрь 1919 г.). Правительственный Берлин уклонился от возлагавшейся на него стратегами Антанты миссии, что, выразимся мягко, вызвало отчуждение «главных союзных держав».

Как бы то ни было, «демократы» стали пристальнее присматриваться к внутригерманским течениям, не разделявшим веймаровского «прагматизма»... Первые контакты американцев с нацистскими лидерами приходится на 1923 г. На встрече с помощником военного атташе США Гитлер заявил: не дожидайтесь, когда вам придется столкнуться с коммунистами на поле брани, предоставьте нам возможность разделаться с ними. С этого времени НСДАП без устали вкушала от заокеанских щедрот. По крайней мере, идейно мир заново раскололся еще до окончания Первой мировой, когда Россия отказалась поставлять «пушечное мясо» к жертвеннику «европейских цивилизаторов». Тогда фронты смешались, возникли новые театры враждебности. Открытым оставался лишь вопрос о том, когда вал неприязни и ненависти выйдет из-под контроля.

Генри Стимсон, госсекретарь США в администрации Гувера и военный министр при Рузвельте, отслеживал «путь во Вторую мировую войну от железнодорожных рельсов под Мукденом», т.е. с момента вторжения Японии в Китай в 1931 г. Лига Наций квалифицировала действия Токио как агрессию и высказалась за принятие санкций против агрессора. Однако до санкций дело не дошло ни в 1931, ни в 1933, ни в 1935 г. Им воспротивилась Великобритания. Против санкций были настроены и Соединенные Штаты.

Трагедию Китая, Абиссинии, Испании, Австрии, Чехословакии, Албании нельзя обойти молчанием. Зарево мирового пожара обогрело горизонты не в час удара Германии по Польше. На 1 сентября 1939 г. война уже поглотила десятки миллионов жизней в Азии, Европе и Африке. Старания «демократий» перекроить историю под себя не отменяют фактов. Нельзя доказать китайцам, эфиопам, испанцам, чехам или словакам, что их путь по кругам ада Второй мировой мостила агрессия нацистов против поляков. Никто не убедит китайцев, эфиопов и нас в том, что во Второй мировой не применялось химическое оружие. Итальянцы травили им жителей Абиссинии, японцы применяли его более 530 раз против китайцев. В Освенциме «циклон» опробовался на тысячах плененных советских офицеров. Примеров превратного толкования непреложных фактов не перечесать. Этим промыслом занимаются люди, причисляющие себя к христианам. Им бы заглянуть в книгу Притчей Соломоновых: «Неодинаковые весы, неодинаковые меры, то и другое мерзость перед Господом».

Японию, занимавшуюся изведением «избыточных ртов» в Китае, не призвали к порядку. Против Италии, когда она разбойничала в Абиссинии, не ввели санкции. Не вступились за законное правительство Испании, когда республику терзали фашистские хищники. Не защитили дитя Версаля демократическую Чехословакию или ту же Австрию, когда над ними нависла свастика. Эти разрозненные в пространстве события объединяло нечто общее – намерение, как бы сейчас сказали, золотого миллиарда откупиться чужими интересами и судьбами, канализировать агрессивную энергию германского национализма и японского милитаризма против России. Не против Советского Союза, а именно против России.

«Демократы» беспардонно пренебрегали возможностями остудить пыл Берлина, Токио, Рима. Элита Лондона, Парижа, Вашингтона понимала, что аншлюс Австрии, сдача Гитлеру Чехословакии суть составляющие нацистской программы завоевания жизненного пространства. В этом отда-

вали себе отчет также поляки и венгры, активные актеры мюнхенского сговора. Должны были понимать, хотя бы потому что с Австрией и Чехословакией Берлин обретал обширный военно-промышленный и ресурсный потенциал и весомый арсенал оружия, готового к немедленному использованию. В 1938 г. Чехословакия лидировала на мировом оружейном рынке...

Если кто-то усомнится в обоснованности критики «демократий», то скептиков можно было бы пригласить ознакомиться с протоколами переговоров Англии, Франции и Советского Союза в Москве в августе 1939 г. Их целью являлась выработка конвенции, нацеленной на обездвигивание потенциальных агрессоров. Конкретно имелись в виду угрозы Германии в адрес Польши. Советское, равно как и британское, руководство знало, что 3 апреля 1939 г. Гитлер распорядился ввести в действие план «Вайс» – операция против Польши должна была начаться «не позднее 1 сентября».

Казалось бы, яснее ясного – нужно не разговоры говорить, а действовать. Какие же инструкции получили переговорщики? Советская делегация озвучила план развертывания в случае войны всех родов войск, адекватных вызову агрессора. Наказ главе британской делегации адмиралу Драксу сводился к формуле: никаких конкретных обязательств не брать, переговоры затягивать по возможности до конца сентября, когда осенняя распутица смешает планы нацистского командования. Французского делегата Думенка коробило это интриганство, но его руководство не позволяло ему отпочковываться от англичан.

Московские переговоры, по задумке премьера Чемберлена, были призваны «предотвратить установление Россией каких-либо связей с Германией». Не исключалось даже подписание некой декларации, которая не связывала бы Лондону руки и позволила бы в час истины заявить: «Мы не обязаны вступать в войну (на стороне России), так как мы не согласны с ее интерпретацией фактов». Собеседования в Москве являлись инсценировкой. Она должна была стимулировать

диалог англичан с Берлином на предмет выработки модус вивенди, подставлявшего под удар Советский Союз. Сорвалось. Не рой другому яму. Гитлер счел, что он созрел для того, чтобы не подыгрывать великим мира сего, а дирижировать, навязывая «демократам» свою волю.

Не буду останавливаться на пакте о ненападении, подписанном 23 августа 1939 г. Молотовым и Риббентропом. Замечу лишь, что Англия оформила соответствующее соглашение с немцами в сентябре, а французы в декабре 1938 г. Министр иностранных дел Франции Бонне подытоживал договоренность с Берлином так: «Германская политика отныне ориентируется на борьбу с большевизмом. Германия проявляет свою волю к экспансии на Восток». Причем Париж обещал Берлину «не интересоваться восточными и юго-восточными делами».

3 сентября 1939 г. Англия и Франция объявили Германии войну. Странную войну. Они стоически восприняли захват немцами Дании и Норвегии, приручение ими Венгрии, Румынии, Болгарии. «Демократов» больше занимало, как преподать урок Советскому Союзу за то, что он отказался таскать для других каштаны из огня. Руководство США не драматизировало европейские события. Шла очередная перегруппировка интересов в рамках одной системы.

Однако правительство США бурно отреагировало на Советско-финскую войну?

Да, эта война в Вашингтоне отозвалась истерикой. В феврале – марте 1940 г. президент Рузвельт предпринял попытку развернуть мировой конфликт в антисоветское русло. Он настоятельно убеждал Берлин, Лондон и Париж покончить с внутривидовой сварой и создать общий фронт против Москвы под предлогом помощи беззащитной Финляндии, которую подминал восточный медведь. По ряду причин миссия Самнера Уэллеса провалилась. Вашингтону не удалось усадить своих клиентов за один стол. А если бы сговор состоялся? В любом варианте мир выглядел бы совершенно иначе, чем в 1945 г., после развала СССР в 1991 г. или сегодня.

Есть мнение, что советская система изначально не была жизнеспособной...

Мое прочтение летописи XX в. выпадает из устоявшихся канонов. Тезисно изложу свое восприятие происходившего. Если присягать не форме смены власти в ноябре 1917 г., то свершившееся было бы правильно называть революцией. Можно сколько угодно спорить, имелись ли объективные условия для перехода от самодержавия к прямой демократии, к самоуправлению снизу доверху в государстве, три четверти населения которого было неграмотным, несло в подсознании вериги крепостничества и верноподданничества. Итак, утопия или шанс? Этого нам не дано достоверно установить. Теория проверяется практикой. Но практика практике рознь. Осенью 1918 г. разверзлись хляби Гражданской войны и иностранной интервенции. Смыло зачатки народовластия, его заместил военный коммунизм. И будем честны сами перед собой, без сверхцентрализации власти Россия тогда была бы разделена на дюжину-другую государств и подконтрольных внешним опекунам территорий. Заглянем в комментарий полковника Хауза, автора «программы мира» президента Вильсона. В январе 1918 г. правительственный документ США зафиксировал установку на расчленение России. Судя по всему, Вашингтон не распрощался с ней по сию пору.

Россия отстаивала право на собственный путь развития. Только был ли этот путь социалистическим? Не преуспел ли Черчилль в стремлении придушить социальную ересь в колыбели? Или, что то же самое, идею выхолостили до неузнаваемости? Да, в 1921 г. открылась много обещавшая глава новой экономической политики. Пять лет спустя Советская Россия вышла по синтетическим показателям качества жизни на одно из передовых мест в мировом рейтинге. Почему бы не следовать оправдавшим себя маршрутом и впредь? Но нэповская модель не вписывалась в замешанные на мессианстве наклонности И.В. Сталина, в его представления о темпах и императивах дальнейшего развития. В середине 1920-х гг. он занялся выстраиванием административно-командной систе-

мы, запрограммировавшей развитие Советского Союза на 60 лет вперед.

Карл Маркс предостерегал: «Отнимите... общественную власть от вещей, и вы должны будете дать эту власть (одним) лицам над (другими) лицами». Сталин пристально вчитывался в слова «классиков». Но сплошь и рядом делал из их наставлений обратные выводы. Прав и еще раз прав М.Н. Рютин, секретарь одного из столичных райкомов ВКП(б): «Сталин убивает ленинизм под флагом ленинизма, пролетарскую революцию под флагом пролетарской революции и социалистическое строительство под флагом социалистического строительства». К 1934 г. от советского социалистического строя остался лишь фасад. Союз рабочего класса и крестьянства, основа основ созидания сообщества свободных тружеников, был разрушен. Партию из политической организации переделали в подобие рыцарского ордена, обслуживавшего магистра-диктатора. Профсоюзам отвели функцию приводных ремней от всезнающего вождя к «шестеренкам» и «винтикам», олицетворявшим народ.

Понятно, самодержец нового покроя нуждался в оправдании капитальной смены вех. Страна жила во враждебном кольце. Изгнание иностранных интервентов не принесло Советскому Союзу желанной безопасности. Предстояло наперегонки со временем во что бы то ни стало создать оборонный щит по всем азимутам. А когда (и если) внешние происки не воспринимались массовым сознанием как угроза, Сталин и его сатрапы добавляли в котел «революционной бдительности» внутренние «заговоры», устраивали гон на маловеров и оппозиционеров. Логика сталинского субъективизма предопределяла массовые репрессии и террор в ответ на любое неповиновение, даже пассивное, демонтаж идейного наследия Октября, затворничество от внешнего мира.

Когда партия при Хрущеве услышала дозированные откровения о злодеяниях «отца народов» и причастности к ним Молотова, Кагановича, Маленкова, я открыто на собрании призывал сказать всю правду о сталинизме как системе. В 1957 г. мне прочли нотацию о вреде «демагогии». 30 лет

спустя то же требование я повторил на совещании, которое созвало Политбюро во главе с М.С. Горбачевым, заявив: без однозначного отречения от сталинизма как идеологии и системы власти у перестройки нет будущего. Увы, Горбачев со товарищи не вняли предостережению. Новый генсек полагал «сталинщину» отклонением от социализма, а не предательством социалистической идеи.

В чем правда о сталинизме?

Сталинизм есть тирания, чуждая народовластию. Она — отрицание понятия «социализм», попрание элементарных этических норм.

Природа одарила Сталина неординарными способностями. Обращи он их не на самоутверждение и возвеличивание, истребление инакомыслия, подавление любой вольности, снискал бы, наверное, благодарную память потомков. Если бы. Чем талантливей художник, подметил К.С. Станиславский, тем опаснее его ошибки. К государственным деятелям сей критерий применим стократно.

Мне довелось знать немало незаурядных людей, тесно общавшихся со Сталиным. А.Н. Косыгин, его не надо представлять. Н.К. Байбаков, корифей нефтедобычи и Госплана, Н.С. Патоличев, уважаемый партийный и государственный деятель, А.С. Яковлев, известный авиаконструктор. Большинство из них почитали талант Сталина-экономиста, отдавали должное его суждениям и интуиции в военнотехнической сфере. От маршала И.С. Конева и начальника стратегической разведки периода Отечественной войны генерала И.И. Ильичева я слышал о способности Сталина схватывать информацию, запоминать ее и системно анализировать.

Ни одного из названных, да и многих других, не упомянутых мною по имени деятелей военной и послевоенной поры, не упрекнешь в низкопоклонстве или запоздалом прозрении. Но и они терялись в догадках, как могли ужиться в Сталине ориентированный на много ходов вперед ум и маниакальная подозрительность, обрекшая на гибель стольких честных людей? Или недалеко от истины предположе-

ние, что три десятилетия страной правил параноик? Как бы то ни было, коль скоро есть желание извлечь уроки из прошлого, обществу не обойтись без того, чтобы докопаться до правды, всей правды и только правды о прошлом – следовательно, и до правды о Сталине.

Как Вы оцениваете 50 лет холодной войны?

Принятая периодизация событий XX в. скверно сочетается с реалиями. После 1917 г. у страны не было ни единого мирного часа. Вопрос перманентно стоял так: когда, где, под каким предлогом на нее нападут и насколько масштабным окажется удар? Басмачами, вторгавшимися из Афганистана и Ирана в республики Средней Азии, командовали английские офицеры. Последний басмаческий рейд был совершен в 1942 г. Сколько рейдов против Советского Союза устроили те же японцы или банды, оперировавшие с территории Польши? Сколько раз нас собирались предать в 1941-1945 гг., когда СССР входил наравне с США и Англией в антигитлеровскую коалицию?

Если кого-то интересует эта тема, ознакомьтесь с правительственными документами США, принятыми в канун нападения Гитлера на СССР и сразу после

22 июня. Остановлюсь без подробностей на паре знаковых моментов. Предстоявшее вторжение нацистских полчищ в СССР Вашингтон воспринял как сигнал к радикальному пересмотру политики на российском направлении. Советский режим загодя списывался в архив. Ему на смену собирались создать «правительство в изгнании» во главе с Керенским. День спустя после начала Отечественной войны оборонное ведомство США докладывало Рузвельту: «Германия будет капитально занята месяц, а максимум, возможно, три месяца задачей разгрома России». И далее: «Этот акт Германии – почти дар providения», он дает Соединенным Штатам шанс адаптироваться к новой конфигурации мира.

Самые крутые циники – бывший президент США Гувер и будущий президент Трумэн во всеуслышание рекомендовали поспособствовать тому, чтобы Германия и СССР погрузились в пучину противоборства как можно глубже, а немцы

и россияне убивали друг друга как можно больше. Когда же оба противника обескровят друг друга, США должны будут поднять стяг, чтобы продиктовать миру свои требования. Некоторые исследователи осторожно намекают, что помимо русофобских побуждений давало о себе знать и то, что около трети населения Соединенных Штатов тогда составляли выходцы из Германии и их потомки. Случайно или нет, но некоторые корпорации саботировали президентские программы по повышению оборонного потенциала Соединенных Штатов, и администрации Рузвельта пришлось вводить войска на отдельные предприятия. Генри Форд вообще считал излишним проводить какие бы то ни было мероприятия, прямо или косвенно направленные против Германии...

В Атлантической хартии, опубликованной 14 августа 1941 г. – ей не устают петь дифирамбы по сию пору, – нет ни слова о нападении Германии на Советский Союз, как и о вторжении Японии в Китай. Там об агрессорах говорится скопом и ставится задача обезвредить тиранов. Показательно, что тогда же Рузвельт поручил спецслужбам подработать операцию «Георг» – устранение или оттеснение Гитлера от власти. Эта тема постоянно присутствовала в контактах немецких «фрондеров» с официальными лицами США. Не забудем, что до декабря 1941 г. между Германией и Соединенными Штатами сохранялись дипломатические отношения и возможностей для поддержания «деловых связей» было предостаточно.

А каково в этом контексте значение полета Гесса?

Не следует принимать на веру легенду, будто Гесс отправился в Англию без ведома Гитлера. Наиболее существенные данные о беседах заместителя фюрера с британскими представителями по его приземлении в Шотландии остаются засекреченными. Работая послом в ФРГ, я готовил почву для внесения ясности в «аферу века», как пресса окрестила полет Гесса. Сожалею, что А.А. Громыко и Ю.В. Андропов не дали хода моим предложениям. Вернемся, однако, к Атлантической хартии. Ее авторы условились передать текст документа японцам с ремаркой: дальнейшие экспансии нетерпимы.

В переводе с дипломатического языка это означает: что произошло до 14 августа 1941 г., принимается к сведению, об остальном извольте договариваться. Но немцы ведь не лыком шиты и наверняка подсказку экстраполировали на себя.

Возможно, нет прямой причинно-следственной связи между августовскими маневрами англосаксов и судьбоносными событиями октября 1941 г. 30 сентября немцы развернули операцию «Тайфун», нацеленную на захват Москвы, – «последнее решающее сражение Второй мировой войны», как подчеркивалось в приказе Гитлера. 10 октября шеф имперской службы информации Дитрих объявил: «Военная задача на востоке исполнена», «с Россией покончено». 15-16 октября в Москве началась паника. Из столицы в Куйбышев эвакуировались правительство и дипкорпус. Ситуация была аховая.

Как считывали бег событий на туманном Альбионе и за океаном?

15 октября Рузвельт шлет Черчиллю телеграмму: «Я думаю, японцы направляются на север, ввиду этого Вам и мне обеспечена двухмесячная передышка на Дальнем Востоке». 16 октября командующий Тихоокеанским флотом Киммелл получает ориентировку: «Наиболее вероятна война между Японией и Россией». Чуть раньше Черчилль заявит на заседании военного кабинета: «Возможность сепаратного мира (с Германией) не может быть полностью исключена».

А пару недель спустя премьер обозначит свою позицию так: «Мы публично заявили (договорное обязательство Англии о совместных с СССР действиях в войне против Германии девальвировали в слова), что не будем вести переговоры с Гитлером или нацистским режимом. Но мы пошли бы слишком далеко, если бы заявили, что не будем вести переговоры с Германией, взятой под контроль ее армией».

Вот так настраивались в критические дни октября – ноября 1941 г. не только противники СССР, но и как бы его союзники. С падением Москвы в войну против СССР вступили бы Япония, Турция и, возможно, Швеция. Очевидно, не было бы Перл-Харбора и войны Японии с Соединенными

Штатами. Много чего не было бы. Вся совокупность доступных для исследования данных свидетельствует о том, что битва за Москву являлась главной битвой, поворотным событием Второй мировой войны.

И надо бы согласиться с выводом члена команды Рузвельта госсекретаря Корделла Хэлла: «Своей героической борьбой против Германии русские спасли союзников от сепаратного мира с Германией. Такой мир унизил бы союзников и открыл двери для новой тридцатилетней войны».

Что, на Ваш взгляд, сыграло решающую роль в предотвращении грозившей миру катастрофы?

Прежде всего и главным образом – подвиг советских солдат и ополченцев, ценой бесчисленных жертв остановивших врага буквально у ворот Москвы. Сколько людей тогда погибло? Точно это не подсчитано по сей день. Дивизии ополченцев – числом 35 – были смяты вермахтом. Их личный состав, как и участники партизанского движения, не проходят по армейским учетам. Огромные потери несли наши регулярные войска. Под Вязьмой в окружение попали четыре армии Западного и резервного фронтов. Сотни тысяч солдат и офицеров оказались в плену. Немцы согнали их в чистое поле, оцепили колючей проволокой. Ни воды, ни еды, ни крова. Мороз под 25°. Все погибли. До настоящего времени не воздвигнуто этим спасителям Отечества доброго памятника. Без преувеличения спасителям, ибо, прежде чем пасть, они оттянули на себя, сковали 28 нацистских дивизий...

Конечно, потери СССР во Второй мировой войне несопоставимы с потерями стран-союзников. Причем США в итоге оказались в наиболее выгодном положении...

Идеологи «пакс Американа» готовились подхватить эстафету у оступившихся немецких претендентов на мировое господство. Обратите внимание, изначальные прикидки нападения на Советский Союз с использованием атомного оружия датируются августом 1945 г. По следам уничтожения Хиросимы и Нагасаки, еще до капитуляции Японии и формального окончания Второй мировой войны прикидывали, сколько понадобится ядерных зарядов для уничтожения

15 советских городов. Приметим сей факт и спросим себя: возможно ли в принципе народовластие в условиях тотальной войны? Или вернее предположить иное – тотальное противоборство генерировало тоталитаризм? Как без сверхцентрализации, презирующей законы поступательного экономического и социального развития, можно было решать сверхзадачу: поднять страну из руин, мобилизовать ресурсы на сколачивание противовеса угрозам, зримо материализовавшимся в оружии массового поражения?

Как до июня 1941 г., так и после 1945 г. Советский Союз, не устану повторять, не был удостоен ни единой минуты мира. Вот меморандум Джозефа Грю. И.о. госсекретаря США направил его президенту Трумэну 19 мая 1945 г.: «Если в мире есть что-то неотвратимое, то таким неотвратимым является война между Россией и Соединенными Штатами». Грю призывал «немедленно ужесточить американскую политику в отношении Советской России по всем направлениям». «Гораздо лучше и надежнее, – подчеркивал он, – иметь столкновение прежде, чем Россия сможет провести восстановительные работы и развить свой огромный потенциал военной, экономической и территориальной мощи».

Я уже не говорю о чудовищном проекте Черчилля – операции «Немыслимое», нападении на СССР силами 110 дивизий, включая 10 дивизий вермахта, которые англичане держали в резерве нерасформированными в земле Шлезвиг-Гольштейн и Южной Дании. Операция по превращению без волокиты Второй мировой войны в Третью мировую должна была начаться 1 июля 1945 г. Этот план не был реализован из-за сомнений британских военных («легко начать войну против СССР, сложнее успешно ее завершить») и из-за разногласий в правящей верхушке Соединенных Штатов.

Трумэн был не прочь пустить под откос антигитлеровскую коалицию в конце апреля 1945 г. Начальники штабов вооруженных сил США, однако, настояли на сохранении сотрудничества с Москвой до капитуляции Японии. Военные исходили из того, что штурм японской метрополии, если

Советская Армия не свяжет миллионный контингент Квантунской армии, обернется для американцев гибелью от 1 до 1,5 млн матросов и солдат. Как бы то ни было, намерение вовлечь СССР в заключительную фазу войны с Японией привело Трумэна в Потсдам.

Потсдамская конференция стала прощальным салютом союзничеству. По дороге домой Трумэн приказал генералу Эйзенхауэру готовиться к конфликту с СССР. Земля слишком мала для двух сверхдержав, и в январе 1946 г. президент окончательно зафиксировался на этой позиции – нет равенству среди неравных по силе, никаких компромиссов, никакого баланса интересов, соглашение имеет смысл лишь тогда, когда закрепляет уступки контрагентов, не налагая на Соединенные Штаты долговременных обязательств. В конце 1946 г. в основу американской стратегии легла установка – какую бы политику ни проводило советское правительство, само существование СССР несовместимо с американской безопасностью.

Попытки Москвы спасти хоть что-то из конструктивного опыта, отраженного в тегеранских, ялтинских и потсдамских решениях, заранее обрекались на неудачу. Вашингтон превратил политику и дипломатию в продолжение войны иными средствами, войны до безусловной победы «американского образа жизни». Первейшей задачей стал выигрыш Советским Союзом времени, чтобы успеть ликвидировать атомную монополию США и противопоставить сходный арсенал американскому потенциалу «гарантированного уничтожения противника».

Так складывался биполярный мир, коим повелевали не разум и не право, но насилие и произвол, непрерывное балансирование на грани: быть или не быть. Споры нет, с 1945 по 1949 г. инициатива в международных делах принадлежала Вашингтону. Вступление СССР в атомный клуб не вдруг урезонило американских стратегов. Советской стороне еще долго пришлось отражать внешние угрозы со стороны США и их адептов и реагировать на пестрый набор враждебных акций. США приступили к долговременной осаде России,

сочетая военные, политические, информационно-психологические, экономические, разведывательно-диверсионные средства. До конца существования Советского Союза с повестки дня не снималась возможность «превентивных ударов» по нашей стране.

Доказано, что на подпись президента Эйзенхауэра выносилось не менее трех проектов приказов о превентивном ядерном нападении на СССР. По одному из вариантов, на гибель обрекалось до 195 млн советских граждан. Бестии во фраках и военных мундирах *обосновывали* запланированное злодейство не наличием советских угроз – спецслужбы докладывали, что Москва не вынашивала агрессивных планов, – но ссылками на то, что время работает против Соединенных Штатов. Если не воспользоваться «часом икс», когда достигнуто подавляющее превосходство США, шанс одним ударом смести Россию может быть утрачен навсегда. Президент Эйзенхауэр не поддался на уговоры «ястребов». Он не подписал приговора человечеству. Это не оговорка. На карту была поставлена биологическая жизнь на Земле. Результатом задуманной агрессии против СССР стала бы планетарная «ядерная зима»...

В 1981 г. совет НАТО принял решение навязать СССР гонку вооружений в области так называемого умного (неядерного) оружия. Почему? Умное оружие обходится в 5-7 раз дороже, чем ядерное. Натовцы подсчитали, что советская экономика дополнительных расходов не выдержит. Начальник Генштаба Н.В. Огарков, председатель Госплана Н.К. Байбаков докладывали Политбюро: втягивание в новый виток технологического противоборства тождественно банкротству. Обоих сместили с занимаемых постов.

Еще раз подчеркиваю: национальная безопасность складывается не только из ядерных и неядерных вооружений, средств их доставки к целям, систем наведения и т.п. Без социальной, продовольственной, технологической (не зауженной до военных потребностей) безопасности любая стратегия уподобляется дырявому зонту. Пренебрегая этой элементарной истиной, все замыкая на раздувании военных

арсеналов, экономику и с ней всю страну обрекали на скольжение по наклонной, с каждым годом принимавшее все более необратимый характер.

Сегодня нередко можно услышать, что М.С. Горбачев пробрался к власти с намерением восстановить капитализм.

Я не верю, что Горбачев принял в 1985 г. бразды правления, имея в заглавнике программу слома Советского Союза. Ему не терпелось порулить. А каким румбом вести государственный корабль, ясности у него не было. «Ввяжемся в бой, потом оглядимся», – вещал новый генсек. Но отсутствие логии – тоже программа. Она обслуживает собственное эго, ее данником являются коренные национальные интересы. Как личностный кризис Хрущева, так и кризис Горбачева обрек на кризис режим власти и в конечном счете страну. Нет, это не был кризис социализма, ибо социализм существовал лишь на транспарантах. Это был кризис антисоветской системы. Не идеи подлинного народовластия, социальной справедливости, межнационального согласия виной тому, что случилось в 1991-1992 гг. Катастрофа была рукотворной. Она не была фатально неизбежной.

А дальше возникли душеприказчики – Ельцин, Гайдар, Чубайс. Они – все равно что Грабовой в политике и экономике. Все и всех стали измерять в условных единицах. Саму Россию превратили в условную единицу. Можно ли думать о стране как о самостоятельном и независимом субъекте, когда ее бюджет составлялся в Вашингтоне? Основные решения при Ельцине до их презентации публике апробировались либо за океаном, либо американцами – наставниками, сидевшими в посольстве США, либо заокеанскими «экспертами», посаженными для надзора за деятельностью российских министерств. На зарубежные деньги «приватизировались» ведущие предприятия, например, Уралмаш и Сормовский завод. Только экономический урон, причиненный России командой Ельцина, вдвое превосходит потери СССР от нацистского нашествия.

Сегодня Россия инвестирует в Соединенные Штаты миллиарды и миллиарды, в том числе в виде интеллекта. Она

вместе с КНР и Арабскими Эмиратами поддерживает на плаву американский «свободный рынок». Не убежден, что на благо россиянам. Сомневаюсь, что интересам нашей страны послужит реформа ее образовательной системы по американскому лекалу. Сделав русский диплом конвертируемым, авторы реформы, по-видимому, облегчат отъезд наших специалистов за рубеж. Какая средняя школа сейчас лучшая в мире? Исландская. Но исландская школа есть усовершенствованная финская. Финская школа – усовершенствованная школа ГДР. А чем была школа ГДР? Усовершенствованной советской школой.

Что создали, не храним. Растранижив реальные достижения, отбросив собственный трудный опыт, наверное, еще не раз всплакнем.

Как мировые реалии воспринимаются в сегодняшней российской действительности?

Президент Российской Федерации и глава Правительства неизменно подчеркивают необходимость приведения программ развития страны в соответствие с императивами постиндустриальной эпохи. Была даже учреждена комиссия по модернизации и технологическому развитию экономики России. Но горизонт едва ли просветлел. Мы продолжаем проедать советское наследство.

Философы учат: не суди по концу о начале и принимай конец за отправную точку нового начала. Разобрались ли мы в своем прошлом, в связях внешнего и внутреннего, в причинах, обрушивших на человечество мировые войны? Связь времен – категория объективная. Нравится это или нет, все мы родом из прошлого, хотя частенько пребываем не в ладах с опытом, сыном ошибок трудных.

Почему многие ключевые документы, касающиеся генезиса Первой мировой войны, «демократы» не рассекречивают по сию пору? Была ли война ниспослана с небес или являлась творением земных центров власти? Ее, Первую мировую, подчас называют войной машин. Но машины – это инструментарий. А какие цели и кем преследовались? Не было ли случившееся продолжением на более жестком уров-

не давних посягательств на господство – континентальное и планетарное?

Обратимся к прошлому. Возвышение России, истинной победительницы Наполеона, Великобритания восприняла как вызов. М.И. Кутузов, выдворив войска Бонапарта из российских пределов, изрек: «Дальше не пойдем». Как правило, интерпретаторы былого опускают фельдмаршальскую ремарку: «У Альбиона должен остаться хотя бы один противник в Европе – Франция». Таким образом, Михаил Илларионович солидаризировался с А.В. Суворовым, которого, как и Павла I, доводило до гнева коварство британцев. Императору Павлу сие коварство даже стоило жизни.

Англичане приложили руку к замене Людовика XVIII более податливым Лондону Луи-Филиппом. Еще четче обозначились русофобские контуры при подготовке к Крымской войне (1853-1856). Она не замыкалась на Черноморский бассейн. Англо-французская эскадра прорвалась в Белое море. Британские корабли пытались атаковать Петербург. Дважды вместе с французами английские ВМС нападали на Петропавловск-Камчатский. Иными словами, крымский конфликт никак нельзя принимать за региональный. В том числе и по последствиям. Потерпевшая поражение Россия была принуждена жить, по выражению министра иностранных дел Извольского, своими чувствами и чужими мыслями.

В 1902 г. Лондон заключил с Токио союзный договор. Весь японский флот, разбивший эскадру Рождественского, был построен на британских верфях. Без натяжек – Англия выступала соучастницей самурайской агрессии против Российской империи. Свою лепту в эту агрессию внесли финансовые магнаты США, оплатившие половину расходов Японии в войне 1904–1905 гг.

Русофобия пронизывала политику Лондона, Парижа и Вены на Балканах. По их инициативе в 1909 г. было конституировано государство Албания с целью перекрыть выход Сербии, дружественной России стране, к Адриатическому морю. Тогда же Хорватию и Словению приобщили к Австро-Венгрии. Недоставало искры, чтобы пороховая бочка взорва-

лась. Тут подоспел экстремист Принцип, застреливший эрцгерцога Фердинанда.

Все происходившее дальше вписывалось в понятие дипломатической техники. Германия и Австро-Венгрия предъявили Белграду ультиматум. Его удовлетворение означало бы деградацию Сербии в немецкий протекторат. Россия заняла сторону сербов. Лондон же на высшем уровне заверял Вильгельма II и Франца-Иосифа, что в его намерения не входит вмешательство в «конфликт четырех». Однако буквально день спустя после объявления Берлином войны России, «торгашеская британская сволочь» (выражение германского кайзера) сменила румб: Эдвард Грей, шеф Форин-офиса, заявил в палате общин: «Альбион не позволит какой-либо стране доминировать на континенте».

Суть «подставы», сконструированной на Темзе, яснее ясного раскрыл Уинстон Черчилль. В записи его беседы с внуком Бисмарка (20.10.1930 г.) мы читаем: вместо того чтобы сосредоточить все силы на разгроме России, немцы затеяли войну на два фронта, спутав Лондону карты. Англичане, пояснил Черчилль, имели в виду удержать Францию от активных действий против рейха. Не правда ли, перед нами призрак «странной войны» 1939-1941 гг.? В канун Первой мировой Черчилль вместе с Греем формировал британскую стратегию. Он знал, что говорил Бисмарку, который вскоре переквалифицировался из дипломатов в советники Альфреда Розенберга, идеолога нацистской партии.

Почему об этом мало пишут?

Упрощенчество при обобщении случившегося в анализе глубинных и поверхностных течений ведет к умножению сложностей. Мнение, что никогда не поздно начать жизнь заново, к политике неприменимо, ибо чревато эскалацией угроз и рисков. С нуля не начинают даже потерпевшие тотальное поражение.

Великая Россия сошла с авансцены, но голос по временам еще подает. У «пакс американа» заметнее проступает одышка. Но из этого не следует, что вашингтонские «вулканы» перестают засорять атмосферу пеплом, навешивать на

мировую экономику долларовые вериги. Остается в силе вердикт Теодора Рузвельта: «Мы не позволим парням из Гааги определять политику США» (речь шла об осуждении Международным Гаагским судом отторжения Вашингтоном Панамской провинции от Колумбии.). Также как, впрочем, не изъяты из арсенала исключительности и вседозволенности прочие пароли, которыми пользуются «неоконы».

Когда близкое соседство России стало раздражать Вашингтон?

Русофобская составляющая набирала влияние в политике США с конца XIX века. Тогда банки лоббировали финансовую блокаду царской России. Эта блокада не отменялась даже в разгар Первой мировой. После смены у нас социально-экономических вех Вашингтон счел себя вольным стрелком.

Формально президент Вудро Вильсон признавал за Советской Россией право на выбор собственного пути развития. Более того, первые шесть пунктов из его известной «программы мира», предложенной в январе 1918 г. конгрессу, по смыслу перекликались с декретами Октябрьской революции. Но! Из комментариев полковника Хауза, одного из авторов вильсоновского опуса, следовало, что оптимальное решение «русского вопроса» виделось правителям США в расчленении нашей страны на несколько территорий и государств, зависимых от заграницы.

Американскую делегацию на Парижской (Версальской) конференции оснастили в 1919 г. картой, на которой переустроенная Россия должна была выглядеть так: Украина, Белоруссия, Бессарабия, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь, Дальний Восток, не говоря уже о Прибалтике и Польше, отсекались. Что же оставалось? Москва и Среднерусская возвышенность. Стряхните пыль с американских архивных документов, к примеру с плана «Дропшот», прислушайтесь повнимательнее к разглагольствованиям Клинтона, Олбрайт, Райс, не останется и тени сомнений – российские просторы по-прежнему манят любителей чужого добра.

Для чего необходима систематизация исторического наследия, «воскрешение минувшего века во всей его истине», как призывал А.С. Пушкин? Не любознательности ради. Первая мировая война, по меньшей мере в британском видении, являлась продолжением Крымской войны. Вторая мировая затевалась как восполнение упущений Первой мировой войны и иностранных интервенций во внутрироссийские события. Холодная война являлась не просто послесловием «горячей войны», но заключительным аккордом Второй мировой. Наши потомки смогут убедиться в обоснованности данной констатации, когда руководство США и Англии, если они, разумеется, сдержат обещание, в 2044 г. допустят исследователей к своим архивным хронам с запытанной в них правдой о катастрофах XX в. Правдой, имеющей лишь отдаленное сходство с нынешними официальными версиями совершавшегося.

Вы говорили о причастности англичан к убийству Павла I. Насколько серьезно утверждение, что без британского вмешательства не обошлось при устранении Распутина?

Имеются сведения, что контрольный выстрел в Распутина произвел британский агент. Старец был бельмом на глазу у Антанты. Он страдал Николая II губительными для династии и страны последствиями втягивания России в вооруженную схватку с Германией. Распутин, насколько известно, не отказался от своего мнения и с началом войны. Он возмущался потребительским отношением англичан и французов к русскому солдату.

Сходные с распутинскими оценки недоброжелателей России бытовали в офицерской среде. Пару лет назад у нас вышла книга «Неуслышанные пророки грядущих войн». Еще за пять лет до развязывания Первой мировой Вандам (под этим псевдонимом выступал с геополитическими анализами генерал генштаба) настойчиво предостерегал: Российской империи готовят Голгофу. Расставляемые тенета могут оказаться губительными, их надо во что бы то ни стало избегать. Верховлядство правителей и пресловутое «авось» взяли тогда верх.

Как случилось, что Николай с семьей, когда все летело в тартарары, не укрылся в эмиграции?

Сложный, обросший легендами вопрос. Многие точки над *i* еще не поставлены. Кто и что подвело царя к отречению? Бесхарактерность, разочарование в приближенных – «кругом сплошь измена»? Чувство собственной вины в подстерегавшем крушении, в сравнении с которым проигранная война против Японии выглядела легкой встряской?

Посмотрим на происходившее под другим углом. Провозглашение империи республикой Антанту не взволновало. Нет самодержца – отпадают тайные сговоры с ним. Российское посольство в Лондоне обращалось к Форин-офису с запросом, не предоставит ли Великобритания убежище Николаю Романову. Как-никак родственник короля Георга V. Зондаж не получил положительного отклика. Толкуйте как хотите.

На Темзе и Сене не вызвали хотя бы легкой ряби массовые расправы матросов с офицерами в Кронштадте – погибло около полутора тысяч человек. Еще бы! «Демократов» занимало лишь одно – удержать Россию в войне против Германии, и, пока восточный противовес немцам не выпадал из обоймы, российские неурядицы воспринимались отстраненно – не вызов это, а шанс поднатореть.

Правительству Керенского было предложено партнерство. Никого не смущало, что, за исключением Гучкова и Милюкова, кабинет состоял из масонов. Поскольку масонские ложи ставили себя выше национальных интересов, присягая войне до победного конца, подобная конфигурация новой российской власти Антанту вполне устраивала.

Попутно о Юровском. Он выдавал себя за большевика, прибыв в канун Первой мировой на Урал из Германии. Там он окончил школу, готовившую фотографов-профессионалов. Девять из десяти абитуриентов сотрудничали затем с немецкой разведкой. Кто же он был, Юровский?

Между прочим, незадолго до расстрела бывшего царя и его семьи английские спецслужбы готовили операцию по вызволению Романовых. Белому движению явно не доставало

символа. Деникин никак не мог сговориться с Колчаком, казачьи атаманы тянули каждый свою узду. Немцев же, активно осваивавших Финляндию, Прибалтику, Белоруссию, Украину, протянувших щупальца в Грузию, подобный раздразн вполне устраивал.

Действительно, белых пятен в смуте 1917-1922 гг. избыток. Каково Ваше прочтение переломных событий того периода?

В июне 1986 г. М.С. Горбачев созвал совещание руководителей СМИ, ученых-обществоведов, ведущих журналистов, политологов, писателей и озадачил их вопросом: как сделать перестройку понятной широкой общественности?

В числе других предоставили слово и мне. Я не стал ходить вокруг да около: если размежевание с прошлым и дальше будет сводиться к личности Сталина, без должной оценки сталинизма как идеологии и режима власти перестройка лишит себя будущего.

Генсек и Е.К. Лигачев попытались оспорить эту посылку. Зал безмолвствовал. Убежден, что в середине 1980-х гг. нам давался последний шанс привести к единому знаменателю теорию и практику, слова и дела. Архитекторы перестройки пренебрегли этим шансом и тем запрограммировали сход Советского Союза в небытие.

Что являла собой Октябрьская революция? Ее именovali пролетарской. Если иметь в виду пролетариат города и деревни, такое понимание можно было принять при условии, что крестьяне и рабочие не будут выступать антиподами. Это первое. Далее: союз рабочего класса и крестьянства предполагал сотрудничество партий, представлявших их интересы. «Временное правительство» В.И. Ленина в январе 1918 г. сменило многопартийное правительство, в котором ключевые посты распределялись между РДСРП(б) и эсерами. Вскоре камнем преткновения для них стал Брестский мир. Его, этот камень, привнесли внешние силы.

«Демократы» позаботились о том, чтобы заместить народовластие военным коммунизмом. Де-факто сложившийся как условие самосохранения военный коммунизм превра-

тился в способ существования. Если строго научно и честно оценивать тяжкий путь становления Советского Союза, придется признать, что социализм, адекватный критериям Октября, просуществовал у нас с 8 ноября 1917 г. до осени 1918 г., когда все смешалось. Ненадолго свет в конце туннеля зажгла новая экономическая политика.

Ныне никто не докажет, могла ли смешанная система хозяйствования конкурировать с административно-командной системой, насаждавшейся с 1925-1926 гг. И.В. Сталиным. Дэн Сяопин возродил нэп в китайской редакции. Результаты впечатляют. Но ситуация 1920-1930-х гг., конечно, качественно отличалась от теперешней, и не в лучшую сторону.

Советской России не было суждено вкушать плоды ни единого мирного года, месяца или дня. Объявленные и необъявленные войны стали ее уделом. Тем не менее только внешними факторами неверно объяснять девальвацию основ социалистического учения, и никак не извинить «заносы» и расправы Сталина в ходе создания им режима личной власти в 1928-1934 гг.

Кто с кем воюет сейчас?

Ответ на Ваш вопрос вытекает из позиционирования главных игроков на современной мировой арене. Отказались ли Соединенные Штаты от заявки на крестовый поход под стягом самого «совершенного» и единственно верного американского образа жизни?

После Джорджа Буша-младшего сей стяг реже извлекают из кладовки. Пресловутой советской угрозы нет, но военный бюджет Вашингтона разбухает. Ныне он превосходит совокупные военные расходы остальных стран мира, не считая отдельных ассигнований Пентагона и ЦРУ на войну в Ираке и Афганистане и более чем полутриллионных инъекций в развитие новейших военных технологий. Борьба с терроризмом и «изгоями» – очередной жупел. Ничего более впечатляющего вашингтонские умельцы пока не придумали.

Конечно, США теперь больше всего заботит Китай. Утвердившаяся в нем система наглядно демонстрирует эффективность. Минет два-три десятилетия – и диалог с Со-

единенными Штатами китайцы поведут как минимум на равных. Европа расплачивается за то, что на каком-то этапе не соразмерила желаемое с действительным. Стремление подобрать под себя трофеи холодной войны мстит за себя. Исправительные работы будут стоить Европе больших денег и, что хуже, временных затрат.

Я не упоминаю Индию, Бразилию, Венесуэлу и ряд других государств. Не потому, что нечего сказать о них. Напротив, они заслуживают обстоятельного разговора. Однако жанр интервью имеет свои пределы.

Отношения России и Европы до сих пор хранят множество тайн. Некоторые восходят к 1812 году.

Русские войска вошли в Париж. Наполеон изгнан. На трон воссел Людовик XVIII. 22 декабря 1814 года делегаты Франции, Англии и Австрии договариваются об альянсе с целью изгнания россиян восояси во имя, цитирую, «чести, справедливости и будущности Европы». Каждая из сторон обязывалась выделить для этого по 150 тыс. солдат. Далее имелось в виду втянуть в русофобскую операцию Швецию, а также Турцию, «способную осуществить ряд полезных диверсий».

Судьбе было угодно, чтобы несколько дней спустя сей коварный замысел стал известен бежавшему с Эльбы Наполеону – Людовик XVIII оставил документ на своем рабочем столе, когда в панике ретировался из дворца Тюильри. Наполеон нашел его и тотчас же с курьером отправил оригинал Александру I.

Царь вызвал к себе Меттерниха и потребовал объяснения. Австриец счел за благо промолчать. Александр I бросил документ в камин, сказав, что ни с кем больше на эту тему говорить не намерен, но соответствующие выводы сделает. Поскольку опять понадобились русские воины, теперь чтобы «обручить» Наполеона со Святой Еленой, позорная сделка вчерашних союзников как бы отошла на второй план. Но вскоре подтвердилось предсказание Руссо: «Иногда удар не попадает в цель, но намеренье не может промахнуться». Крымская война не заставила себя ждать.

Напрашивается знаковая параллель: Курская битва закончилась 23 августа 1943 года, а 20 августа в Квебеке встретились Рузвельт, Черчилль и их начальники штабов. Обсуждался вопрос: как быть дальше? Красная Армия доказала, что СССР в состоянии разбить вермахт без помощи западных держав. Выжидать у моря погоды становилось все более рискованно. Было решено готовить операцию «Оверлорд» (высадка в Нормандии) и одновременно попытаться сговориться с нацистскими генералами об оказании совместного отпора русским. В расчете на сделку с нацистами был утвержден план «Рэнкин», который формально не рассекречен по сию пору. Л.А. Безыменский по моему заданию произвел «раскопки» в лондонских архивах. Сначала он обратился в британское Министерство обороны с просьбой показать ему текст пресловутого «Рэнкина» и получил отказ: документ не рассекречен. Удача ждала Безыменского в Форин-офисе. Оказалось, во время войны этот план попал на согласование к дипломатам, и последние его деклассифицировали, причем в обоих вариантах.

Суть «Рэнкина» сводилась к следующему: западные «демократы» сговариваются с «настоящими» немцами о выводе соединений вермахта со всех оккупированных территорий на западе, севере и юге и перемещении их на Восточный фронт. Под контроль США и Англии передаются все узловые центры в самой Германии и, кроме того, в Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Австрии, Югославии. Красную Армию надлежало остановить на линии 1939 года или, в худшем случае, на рубежах 1941 года.

Замечу, заговор против Гитлера назревал на фоне Сталинградской битвы. «Демократы» по своим каналам рекомендовали повременить с устранением фюрера, поскольку Германия могла погрузиться в хаос, которым воспользовалась бы часть офицерства, настроенная, по данным западных разведслужб, капитулировать перед Москвой. Было предложено связать отстранение Гитлера от власти с открытием второго фронта.

Некоторые историки намеренно рвут связь времен, как если бы каждая новая эпоха начиналась с нуля. По моему убеждению, никакое значимое событие нельзя постичь в реальном масштабе, вырвав его из исторического контекста. А контекст – это прошлое, настоящее и будущее. Они теснейшим образом взаимоувязаны, что подтверждает и опыт наших дней. Вдумайтесь, как должно квалифицировать стратегию, нацеленную на то, чтобы «вбомбить противника в каменный век»?

Приведу несколько цифр. На Вьетнам, а заодно на Камбоджу и Лаос США и их поделщики сбросили 21 миллион бомб, выпустили 228 миллионов снарядов (14 миллионов тонн взрывчатки) – это больше, чем на всех фронтах Второй мировой войны. Более двух миллионов гектаров земли подверглись заражению химическими веществами. На этой территории уничтожена вся растительность. В Северном Вьетнаме фактически изъято из хозяйственного оборота 43 процента возделываемых земель. Ждать, когда природа и человек справятся с подобного рода «демократизацией», придется, по оценкам ученых, от 100 до 200 лет.

Вторая мировая война жестоко прошла по моей семье. Позже по заданию руководства мне пришлось разбираться с Бабьим Яром, со зверствами в лагерях смерти в Прибалтике и расправами над мирным населением, что творились нацистами и их пособниками в Белоруссии, Новгородской, Псковской областях. Наблюдать отрешенно за безобразиями, творимыми поныне в разных частях света, я просто не в состоянии.

Вы имеете в виду сегодняшние Ливию и Сирию?

Отвечу словами Гете:

«Ему немножко лучше бы жилось,
Когда б ему владеть не довелось
Тем отблеском божественного света,
Что разумом зовет он: свойство это
Он на одно лишь смог употребить –
Чтоб из скотов скотиной быть!»

В 1988 году в США вышла в свет книга двух американских физиков Д. Аксельрода и М. Каку под названием «Ставка на победу в ядерной войне: секретные военные планы Пентагона». Авторы приводят неопровержимые факты подготовки Соединенных Штатов к нападению на Советский Союз в 1945–1986 годах с применением атомного, химического и биологического оружия. Исходной посылкой практически всех сценариев был тезис: тот, кто наносит первый вероломный удар, выигрывает.

Еще в 1945 году президент Г. Трумэн заявил: «Вашингтон не должен принимать на себя каких-либо международных обязательств, ограничивающих его свободу действий», – и исключил любые компромиссы с Москвой. На следующий год администрация решила: какую бы политику ни проводило советское руководство, само существование СССР несовместимо с американской безопасностью. Остается напомнить, что нечто подобное в 1919 году заявляли Ж. Клемансо и Ф. Фош, а в 1938 году – Н. Чемберлен (цитирую дословно: «Чтобы жила Британия, Советский Союз должен исчезнуть»). Им вторили Гитлер, Геринг и прочие нацисты: «Безразлично, какой строй господствует в этой стране, царский или большевистский, Россия должна быть стерта с политической карты».

Я с большим уважением отношусь к американскому народу, чту его достижения в области науки и технологий, однако нельзя закрывать глаза на то, каким целям служат эти достижения. Исчез Советский Союз, который именовали «империя зла» и возмутителем спокойствия, угрозой «американскому образу жизни». Тем не менее американский военный бюджет разбухает, ассигнования на создание новых военных технологий бьют рекорды, превышая совокупные военные расходы и финансирование исследований военной направленности остальных государств мира. В.В. Путин назвал своими именами происходящее в известном выступлении в Мюнхене. Согласно опросам, его оценки встретили поддержку у половины населения Германии.

На Ваш взгляд, это много?

С учетом всего и вся предостаточно. Когда-то следовало расставить точки над *i*.

Наша страна много потеряла в прошлом, да и в настоящее время нередко попадает впросак, принимая желаемое за действительное. Приведу пример из собственной практики. Комитет информации, где я трудился в 1952–1958 годах, был призван анализировать сведения политического, экономического и военного характера для доклада высшему руководству страны. По навету И. Серова, возглавлявшего МВД, – якобы комитет лезет не в свои дела – наше учреждение распустили. Три чудака, один из них аз грешный, обратились к Н.С. Хрущеву с запиской, где доказывалась необходимость создания исследовательского центра, независимого от ведомственных интересов. В аппарате ЦК КПСС появился «отдел информации», которому вменялось к каждому заседанию политбюро готовить обзор международной ситуации и давать оценки вносимым на рассмотрение инстанции материалам по внешней политике. Г.М. Пушкин, заведующий отделом, докладывает Хрущеву, что идея превратить Западный Берлин в вольный город не сработает, а если палку перегнуть, то возможен и вооруженный конфликт. Не дослушав до конца аргументов, первый секретарь изрек: «Ерунда. Даже если мы введем войска в Западный Берлин, войны не будет». Тут же было дано указание больше ему наших материалов не докладывать, а через пару месяцев он спросил членов Политбюро: «Отдел информации еще существует?» Услышав в ответ: «Существует», – переспросил: «ЦК без этого отдела не проживет?» Сочли, что проживет. Большинство сотрудников, меня в том числе, отрядили в Министерство иностранных дел. Так началась моя карьера на официальном внешнеполитическом поприще. Началась с перепадами, отчасти обусловленными моим характером.

В октябре 1982 года Ю.В. Андропов пригласил меня на беседу «без протокола». Тема – ситуация в стране и мире. На вопрос, что в ближайшей и среднесрочной перспективе вызывает повышенное беспокойство, я ответил: больше всего

тревожит дезинтеграция советского общества. Андропов уточнил: «Что ты имеешь в виду под дезинтеграцией?» Поясняю на примере: в Чехословакии, Польше или ГДР кто-то из собравшихся запевает народную или патриотическую песню, и все, зная слова и мелодию, подпевают. У нас же даже члены партии «Интернационал» поют по бумажке. В так называемых языковых школах в начальные классы поступают дети из самых разных семей, а уже в восьмом–десятом классе остаются только отпрыски адвокатов, врачей, чиновного люда. «Для твоего сведения, – заметил Юрий Владимирович, – треть призывников из Средней Азии и с Кавказа не знают русского языка и потому приписываются служить в стройбатах и железнодорожных войсках».

Далее разговор сосредоточился на международных делах. Я обратил внимание Андропова на то, что приближается 40-летие обнаружения катынских захоронений. Сказал, что нам необходимо занять четкую позицию, прояснить все обстоятельства трагедии. Одновременно необходимо возбудить перед польской стороной вопрос о судьбе 120 тысяч солдат и командиров, попавших в плен к полякам в 1921 г. Андропов поручил связаться с руководством КГБ, Генштабом и МИДом и запросить у них все необходимые документы.

Н.В. Огарков сообщил мне: «Точных данных о том, сколько пленных было загублено поляками, нет. Не менее 40–60 тысяч. Таковы оценки. Есть данные, что в 1944 г. останки наших военнослужащих, чтобы замести следы, перезахоронили в местах, где свирепствовали немецкие оккупанты». В.Н. Швед, бывший второй секретарь ЦК компартии Литвы, многие годы занимающийся данной проблемой, утверждает, что в польском плену погибло 84 тысячи красноармейцев. Сами поляки уходят от делового обмена мнениями.

МИД ограничился справкой, что вопрос о наших пленных поднимался в 1920-х годах. Безрезультатно. Ничем закончились наши попытки внести ясность в ходе работы советско-польской комиссии по закрытию белых пятен в отношениях между двумя странами.

В.П. Пирожков, заместитель председателя КГБ, пришел ко мне, оснастившись заключением группы Н.Н. Бурденко, обследовавшей останки захороненных под Катынью польских граждан. На мое замечание, что генеральным секретарем (на момент разговора на этот пост был избран Ю.В. Андропов) нам поручено разобраться в существе случившегося, Пирожков отреагировал довольно неожиданно: «Вы хотите, чтобы я показал Вам досье, на котором проставлен гриф “Вскрытию не подлежит без санкции высшего руководства?”». Вольно или невольно он выдал секрет о существовании документов, которые еще не получили огласки.

Договариваюсь о встрече с председателем КГБ В.В. Федорчуком. В общих чертах ввожу его в курс катынской темы, а затем переключаюсь на Афганистан. При Б. Кармале советский контингент превратился в наемников, втянутых в непрерывные боевые столкновения с моджахедами, тогда как правительственные вооруженные силы были если не погружены в сон, то заняты в основном общением с Аллахом. Говорю, что, видимо, не обойтись без замены Бабрака Кармала энергичным деятелем, готовым и способным взять на себя ответственность за восстановление порядка в Афганистане. Назвал две, на мой взгляд, подходящие кандидатуры: генерала Абдул Кадир Дагарваля и Ахмад Шах Масуда, попросил Федорчука высказать свое мнение. Собеседник первым делом поинтересовался, почему я обращаюсь именно к нему, но пообещал, «посоветовавшись с кем надо», взвесить все «за» и «против».

Правда, есть теорема, которую надобно доказывать рубцами на собственной шкуре. В этом я убедился в очередной раз. Нашелся в аппарате ЦК деятель, который донес Андропову о моих «оживленных контактах» с руководителями КГБ. Генсек не преминул тут же позвонить Федорчуку и от него узнал о моих соображениях по Афганистану. Последнее его разгневало сверх всякой меры.

Тема Афганистана?

Именно. В декабре 1979 г. перед вводом наших войск в эту страну Ю.В. Андропов звонил мне, чтобы посоветовать-

ся, как следовало бы отреагировать на размещение американских ракет «Першинг» на территории ФРГ. «Остается молиться Богу, раз мы не прислушались к предложениям канцлера Г. Шмидта», – был мой ответ. Андропов сказал: «Ладно. Переговорим позже, когда у тебя прояснится настроение». «Простите, – говорю, – у меня к Вам есть вопрос: хорошо ли продумано решение об отправке советского контингента в Афганистан? В XIX веке англичане 38 лет пытались освоить этот забытый Всевышним угол. И ушли не солоно хлебавши. Оружие изменилось, но его носители по-прежнему живут по обычаям средневековья». Андропов спросил: «Откуда тебе известно, что такое решение принято?» «Не важно, – говорю, – откуда мне известно». Андропов возразил: «Как не важно! Если какой-нибудь болтун вовне проговорится, вся операция окажется под угрозой! Если ты кому-нибудь еще об этом скажешь, пеняй на себя!» После чего последовал приказ: отчислить меня из аппарата ЦК. Я настоял на том, чтобы меня перевели в «Известия».

Что в действительности произошло в Катыни?

То, как сейчас подаются события в Катыни, – это только часть правды.

В смоленских лесах было расстреляно примерно пять с половиной тысяч поляков, вдвое больше – под Харьковом и Бологое. Завязка трагедии – в доносе капитана госбезопасности на имя Берии о том, что польские пленные (поскольку Советский Союз Польше войну не объявлял, их следовало именовать интернированными) сговариваются на предмет участия в скорой войне на стороне немцев против Советского Союза. Предлагалось «ликвидировать» заключенных в Новокозельском лагере, чтобы освободить место для содержания других противников сталинского режима. Берия подмахнул соответствующую записку в Политбюро. Под меч попали также поляки, содержащиеся в двух других лагерях.

В декабре 1941 года Сикорский, глава польского правительства в эмиграции, на встрече со Сталиным поинтересовался судьбой плененных польских офицеров. Присутст-

вовавший при этом Берия воскликнул: «Произошла ужасная ошибка!» Сталин перебил его: «Они исчезли. Бежали куда-то».

Не лишне принять во внимание следующий момент. По нашим данным, в 1941 году в ходе летнего наступления вермахта к немцам попало немало поляков, которые использовались Наркоматом обороны СССР на строительстве дорог, мостов и прочих сооружений. Эти пленные были расстреляны и погребены тоже в Катыни. Геббельс приказал убрать все признаки причастности немцев к катынскому беспределу, чтобы остальных убитых представить международному Красному Кресту как свидетельство преступления сталинского режима.

Глава правительства ПНР В. Ярузельский многократно поднимал вопрос о Катыни на встречах со мной. Он подчеркивал: «Время работает против вас и ваших друзей; чем дольше длится молчание, тем хуже будут последствия». Историк Ю.Н. Зоря, работая с документами конвойных войск, обнаружил списки пленных поляков, которых в 1940 году перевозили из Козельска в Катынь на уничтожение. Как только прозвучало слово «Катынь», начальник главного архивного управления закрыл ему и другим исследователям доступ к материалам конвойных войск. Узнав об этом, я пригласил Ю.Н. Зорю к себе в ЦК, выделил ему комнату, пользуясь служебным положением, затребовал из архивного управления нужные досье. Пару недель Юрий Николаевич ходил в наш отдел, как на работу. Именно тогда М.С. Горбачев получил от меня недвусмысленную записку с рекомендацией сказать правду. В комментарии по телефону я процитировал Цицерона: «Чураться какой бы то ни было лжи и не страшиться какой бы то ни было правды». Это было необходимо прежде всего нам, чтобы очиститься от скверны, унаследованной от сталинских времен.

В данном контексте упомяну эпизод из моей служебной биографии. По возвращении из Бонна я принял обязанности первого заместителя заведующего отделом информации ЦК КПСС. Мне было поручено представить руководству сооб-

ражения о реорганизации работы на внутреннюю и внешнюю аудиторию. Довольно пространная записка прошла без особых поправок через М.В. Зимянина и попала на стол к М.А. Суслову. Куратор нашей идеологии вернул ее со следующим примечанием: «Предлагается, чтобы я признался, что всю жизнь занимался не тем, чем надо». Доработка записки велась без меня в обычном бла-бла-стиле. Некоторые правки в эту практику внесла перестройка.

В июне 1986 года М.С. Горбачев созвал совещание, в котором участвовали руководители средств массовой информации, ученые-обществоведы, видные писатели, работники агитпропа. В президиуме – все члены Политбюро. Обсуждался вопрос, как сделать перестройку понятной интеллигенции. Мне дали слово и я сказал: «Китайцам хватило два года, чтобы после смерти Мао дисквалифицировать “культурную революцию”, назвав ее военно-феодальной диктатурой. Мы же по прошествии 30 лет после XX съезда все еще не можем изречь правду не о личности Сталина, а о сталинизме, его идеологии и системе. Не сделаем этого сейчас, и перестройка лишится будущего». Реплика Горбачева: «Мы не можем двигаться вперед и одновременно рассчитывать с прошлым». Я стоял на своем: «Завязнув одной ногой в прошлом, не сделать ни шагу вперед».

Тогда же я поднял вопрос о предстоявшем праздновании тысячелетия крещения Руси и предложил отметить этот юбилей как событие национального значения. Эту мою инициативу зал (полторы сотни присутствующих) встретил молчанием: муха пролетит – услышишь. До февраля–марта 1988 года здесь не наблюдалось никакого конструктивного движения. Тогда я пригласил на совет в АПН ведущих церковных деятелей. Приглашение приняли митрополиты Ювеналий, Питирим, будущий патриарх Алексий II, всего, если память мне не изменяет, 10 человек. Спрашиваю: «Как складывается подготовка к тысячелетию?» Слышу в ответ: «Тысячелетие – повод для воинствующих атеистов унижить церковь. Трансляции праздничных мероприятий по телевидению не будет. Вместо Большого театра отсылают в Октябрьский

зал гостиницы “Россия”. Чинят препоны приглашению зарубежных иерархов». Я предложил гостям посоветоваться с патриархом Пименом и сформулировать программу-максимум и программу-минимум.

Примерно через неделю Питирим принес мне весьма скромный перечень пожеланий. Но уже было от чего оттолкнуться. Без промедления пишу пространный меморандум М.С. Горбачеву, который, минуя бюрократические фильтры, попадает к нему на стол. Кстати, в это время уже сочинялось постановление об освобождении меня от должности председателя правления АПН за «превышение служебных полномочий». Генсек прочитал и, насколько я знаю, начертил на уголке: «Членам ПБ, ваше мнение». Первым проставил «за» А.Н. Яковлев. Тогда Яковлева воспринимали как эхо Горбачева. Атеисты перекрестились, и пошло-поехало...

Что оставило особый след в Вашей памяти в годы, когда Вы занимались советско-германскими отношениями?

Таково уж свойство человеческого сознания – первыми чаще всего всплывают драматические события.

В 1989 году погиб глава Deutsche Bank Альфред Херрхаузен. Тесные отношения с ним завязались у меня в 1973 году. И смею вас заверить, это не были протокольные контакты. Незадолго до смерти Херрхаузен поставил меня в известность о планируемой им и его единомышленниками очень серьезной инициативе. «Мы работаем над планом Маршалла для Советского Союза», – сказал он. Как можно было его понять, речь шла о предоставлении Москве многомиллиардного льготного кредита. В то утро, когда он ехал на заседание правления банка, направленный кумулятивный взрыв не только смял его бронированную машину, но и убрал с дороги личность, которая противилась ставке на развал Советского Союза. Я был дружен с бывшим главой разведки ГДР Маркусом Вольфом и мог говорить с ним на любые темы. После убийства Херрхаузена поинтересовался у Вольфа, не могли ли быть причастны к случившемуся службы ГДР. В ответ услышал: «Нет, ни в коем случае». Вольф полагал, что Херрхаузена убрали профессионалы западной выделки.

В 70-е годы жертвой террористов стал руководитель Dresdner Bank...

Там был другой сюжет. В дом Юргена Понто заявила группа молодых людей, близких к RAF, и потребовала деньги. Понто отверг это требование, и его тут же пристрелили. До сих пор, насколько мне известно, убийц не идентифицировали. Как, впрочем, и убийцу еще одного моего знакомого, видного экономиста Детлева Карстена Роведдера.

Позвольте пример из другой области. Американские самолеты-разведчики с конца 1945 г. постоянно проникали в советское воздушное пространство и фотографировали военные и прочие объекты. Вашингтон выдавал их за посланцев своей метеослужбы. Наши средства ПВО сбивали нарушителей, экипажи погибали, а инициаторы нарушения элементарных норм международного права клеймили Москву как империю зла.

Пристальное внимание американских спецслужб и военного командования распространялось и на ГДР, где размещалась мощная советская группировка. Сначала мы приземлили одного из любопытствовавших. Вскоре пришлось сбить другого. Американцы «закусили удила». Экипаж сбитого самолета состоял из офицеров достаточно высокого ранга. По версии американского командования, никакой разведывательной аппаратуры на самолете не было, пилот сбился с курса и невзначай оказался непрошеным гостем.

По поручению Н.С. Хрущева я пригласил к себе сотрудников Министерства обороны, курировавших службу ПВО. Они сообщили, что разведывательная аппаратура на сбитом самолете обнаружена, но никаких фотопленок не найдено. Я поинтересовался, не наткнулись ли наши дознаватели на металлический провод, ибо американцы, насколько было известно, использовали его вместо пленки. На следующий день эксперты принесли мне множество снимков, отображавших работу нашего электронного оборудования, которое включалось во внештатных ситуациях.

Спрашиваю представителей Минобороны, какой снимок можно было бы передать американцам в качестве дока-

зательства нашей правоты. Генералы и полковники в один голос запротестовали: любой из снимков добывается ценой жизни. «Не дожидайтесь, когда Хрущев, получив наш доклад, распорядится отдать американцам все снимки без разбора». Закончилось тем, что администрации Джонсона было передано два или три отпечатка, после чего глава Белого дома отдал приказ, запрещающий самолетам ВВС приближаться к границе ГДР ближе, чем на 30 км. Другой вопрос, насколько это распоряжение выполнялось.

Удовлетворены ли Вы тем, как подается история раскола Германии после 1945 года и все, что с этим связано?

Ни в коем случае. Беспочвенно наша сторона принимает на себя ответственность за чужие деяния. Кто предлагал на Потсдамской конференции сохранить политическое и экономическое единство Германии? И кто этому воспротивился? Кто выступал в 1946 году за проведение в Германии по единым правилам свободных выборов, по результатам которых должно было быть сформировано национальное правительство, заключен мирный договор с Германией и через год-два выведены из страны оккупационные войска?

Французы примкнули к потсдамским решениям с оговоркой, что они не связаны какими-либо положениями, которые прямо или косвенно могут быть ориентированы на воссоединение Германии. Госсекретарь Маршалл цинично заявлял, что у США нет оснований верить в демократическую волю немцев, а касательно мирного договора добавлял, что таковой будет продиктован побежденному, когда и если американцы сочтут это для себя необходимым. Англичане подыгрывали как американцам, так и французам.

Меня, честно говоря, больше всего обескураживала наша собственная правовая безграмотность. В 1948 году, реагируя на подготовку тремя державами сепаратной денежной реформы, распространяемой на Западный Берлин, Сталин распорядился перекрыть сообщение с западными секторами города по суше и воде. Полагаю, что он мог бы принять иное решение, если бы ему вовремя сообщили содержание доклада Контрольного совета Совету министров иностран-

ных дел. В нем говорилось: «Большой Берлин – это место пребывания контрольных органов четырех держав. Большой Берлин – это столица советской зоны». Не Восточный сектор, а именно Большой Берлин.

Когда Н.С. Хрущев задумал превратить Западный Берлин в «вольный город», его тоже не посвятили в содержание доклада Контрольного совета. После моего перемещения из аппарата ЦК в МИД я поставил перед Громыко неудобный вопрос: «Почему в контактах с американцами, англичанами и французами не используется формула, зафиксированная в документах Контрольного совета?» «Почему мне, – удивился министр, – об этом никто не говорил?» – «Не знаю. Я тогда в МИДе не работал». Мне дали понять, что поезд ушел, и Хрущеву не обязательно докладывать о названном документе.

А в чем была суть интриги Берии, его германские инициативы 1953 года?

Лучше всех это описал Павел Судоплатов. Дополню его повествование парой штрихов. До самой смерти Сталин пристально следил за развитием ситуации в Германии. В частности, его интересовала разногласия в правящей коалиции Аденауэра, возможность выхода из нее свободных демократов. В декабре 1952 г. комитет информации направлял соответствующий материал, перекликавшийся с его оценкой, что единство страны может быть восстановлено в ближайшие пять–семь лет.

Вскоре после кончины Сталина Комитету информации поручили составить аналитическую записку о тенденциях развития ФРГ в преддверии сентябрьских (1953 года) выборов в бундестаг. Готовить сию записку выпало мне. Вывод, синтезировавший все закрытые и общедоступные материалы, гласил: шансы на успех социал-демократов минимальны, но если бы даже они опередили ХДС и сформировали правительство, то разорвать пуповину, связывавшую ФРГ с Соединенными Штатами, не были бы в состоянии. Федеративная Республика находилась полностью под пятой США.

Л.П. Берия позвонил И.И. Тугаринову (он де-факто возглавлял наш комитет) и раздраженно спросил: «Что там твои эксперты ерунду пишут?!» Я присутствовал при этом разговоре. Берия продолжал: «Мои ребята докладывают, что социал-демократы вполне могут победить! И есть шансы повернуть развитие Германии». Тугаринов, отстаивая вывод нашей записки, подчеркнул, что три державы в случае непослушания Бонна вправе восстановить в западногерманском государстве оккупационный режим. «Тогда почему вы пишете так, что ничего понять невозможно?!» – с акцентом сказал Берия. Я пробурчал: «Если члены политбюро не могут понять, что им пишут, может, им вообще не писать?» Берия на это: «Кто там у тебя шепчет?» Знал бы Берия, кто бурчит! В это время меня вели в Грузию по сфабрикованному «мегрельскому делу» как резидента французской разведки. Главным заговорщиком числился министр внутренних дел Г.Т. Каранадзе, отец моего сокурсника и друга Како...

До самой смерти Сталина, когда «мегрельское дело» сразу же было закрыто, я ничего не знал. Время от времени чувствовал слежку, но приписывал себе повышенное внимание к моей персоне тому, что работаю с совершенно секретными документами.

Коротко об инициативах Берии на германском направлении. Он дал команду своим «личным агентам» – Ольге Чеховой, князю Радзивиллу и верным людям в Великобритании и других странах – прояснить, сколько Москве заплатят, если она согласится восстановить единство Германии на западных условиях? Сам Берия считал, что в соревновании с Бонном у Германской Демократической Республики шансов на выживание мало. Свои действия он не согласовал с Политбюро и подставился Хрущеву. В обвинительном заключении основной упор делался на то, что Берия пытался продать ГДР, нашего социалистического друга и союзника. Сталин в отличие от Хрущева считал расчленение Германии неудачей нашей политики, а в отличие от Берии вел дело не к нейтрализации этой страны, а к ее неучастию в каких-либо военно-политических группировках.

Иначе говоря, сильная Германия как противовес Соединенным Штатам?

Да. Немцы, по мысли Сталина, могли стать экономическим противовесом Вашингтону, естественным конкурентом американцев на мировом рынке.

Существует ли некое соглашение, по которому Германия фактически подчинена Соединенным Штатам до 2100 года? Так утверждают некоторые эксперты...

Такого соглашения, насколько я могу судить, нет. Германия зависит от США не по причине каких-то документально зафиксированных обязательств перед заокеанским союзником, а в силу того, что, во-первых, на ее территории по сию пору находится американское ядерное оружие; во-вторых, вся стратегическая инфраструктура блока НАТО проходит через немецкую территорию. Задолго до возведения пресловутой Берлинской стены американцы протянули через территорию Западной Германии «атомный пояс» от Дании до Швейцарии. Ядерные заряды были заложены под все мосты, под скалы, которые в случае конфликта должны были обрушиться и перегородить реки. И так далее и тому подобное. Между прочим, «Правда» по приказу Хрущева опубликовала документы разведки, дабы известить европейцев о том, какая участь уготована им в случае войны...

Случалось ли, что в истории российской внешней политики строили планы на 100 лет вперед?

Иван Грозный, ликвидируя вольницу Пскова и Новгорода, обустроивал позиции России на долгую перспективу. Петр I, «прорубив окно в Европу», оставил в назидаение потомкам: «Оградив отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государства через искусства и науку».

В одном из разговоров с Л.И. Брежневым я познакомил его с этой петровской мыслью. Через 20–30 лет нынешние виды оружия сменят на более совершенные, то же произойдет со станками, автомобилями, самолетами. Но достижения в области науки и искусства сохранятся в памяти на века, как сохранились произведения художников, скульпторов, архи-

текторов Античности и Ренессанса, великих композиторов и писателей.

Л.И. Брежнев не возражал. Для него вновь было услышать, что за 60 лет советской власти в Москве открылась пара концертных залов и столько же новых музеев.

Брежнев принимает американского проповедника Франклина Грехэма, и об этом сообщается в средствах массовой информации. Я звоню ему: «Леонид Ильич, народ вас не поймет. Вы принимаете заокеанского проповедника и не встречаетесь с русским патриархом». – «Пожалуй, ты прав, подумаю». Минут через 15 связывается со мной по телефону: «Валентин, скажи Косыгину, пусть он примет патриарха. Я не знаю, что ему сказать».

Что собой представлял Брежнев в интеллектуальном плане?

Леонид Ильич не был суперинтеллигентом, но обладал отменным чутьем и до конца сохранил здравый рассудок. Его цепкая память лично меня порой поражала.

В ходе первого визита Брежнева в ФРГ имел место такой эпизод. В. Брандт пригласил меня к себе после завершения очередного официального мероприятия и попросил убедить советского руководителя принять приглашение Х. Кюна посетить замок Бург, что в Северной Рейн-Вестфалии. Был поздний час, но Леонид Ильич принял меня, чтобы выслушать просьбу Брандта. Он вызвал к себе всех официальных лиц, сопровождавших его в поездке, и заявил: «Завтра летим в Бург». А.А. Громыко принялся его отговаривать, но Брежнев был непреклонен: «Кто не хочет, пусть остается».

Выходим от генсека, и министр выговаривает мне: «Что Вы суетесь не в свои дела? Леонид Ильич только что перенес операцию, вибрация ему противопоказана. Случись что-нибудь, с Вас что ли спрос?» В ответ услышал: «Я исполнил долг посла – проинформировал Брежнева об обращении Брандта».

Прилетели на вертолете в Бург. Никаких политических разговоров, хозяева приняли Л.И. Брежнева радушно, с немецким гостеприимством. На столе из толстых дубовых до-

сок угощение: квашеная капуста, ветчина, нарезанная крупными ломтями, копченые угри, пироги. Леонид Ильич говорит мне: «Первый раз за все время человеческая еда. Спасибо тебе».

Как было принято, в конце визита генсек пригласил к себе сопровождавших его лиц, а также посла и торгпреда. Он выразил неподдельное удовлетворение результатами переговоров с В. Брандтом, его министрами, представителями разных партий. Затем Леонид Ильич спросил: «Какие у кого вопросы?» Все молчат. Прошу слова: «Послы, как правило, обращаются к Вам с просьбой повысить зарплату сотрудникам. А я хочу попросить не понижать зарплату нашим сотрудникам». Генсек делает большие глаза: «Как так?» «Нам начисляют зарплату в долларах, а поскольку курс доллара падает, то в марках сотрудники каждые полгода получают меньше, чем прежде. Кроме того, ежегодно три сотрудника торгпредства тратят по месяцу и больше на составление бумаг о бюджетном наборе, естественно, без учета расходов на лекарства, книги, театр и так далее. Наверное, это непорядок». Обращаясь к Патоличеву и Громыко, Леонид Ильич спрашивает: «Это действительно так?» Оба подтверждают, ссылаясь на инструкции Министерства финансов. Брежнев: «Что, сильнее финансистов зверя нет? В недельный срок подготовить проект постановления. В каждой стране следует выплачивать зарплату в местной валюте».

Эти эпизоды характеризуют Леонида Ильича как человека. Наверное, что-то скажет интересующимся и такой случай. У меня был с Брежневым долгий разговор относительно создания музея Малой земли в Новороссийске. Генсек положил на стол альбомы с фотографиями боевых товарищей и стал в уважительном тоне о них рассказывать. Каждого называл по фамилии, имени и отчеству – этот погиб, этот в отставке, этот на пенсии, этот еще трудится.

В 1978 году мне довелось сопровождать его в поездке в Азербайджан. В программе было посещение музея Малой земли – в Баку базировалась 41-я армия. Выходим из музея, и Брежнев говорит мне вполголоса: «Не очень сведущий

человек, посетив музей, может подумать, что судьба Великой Отечественной решалась на Малой земле».

Леонид Ильич в деталях рассказывал мне, где его застало 22 июня 1941 года, как он останавливал эшелоны с зерном, ожидавшие отправки в Германию. Он, секретарь обкома, равно как и военное командование и все партийное и советское руководство на местах, был застигнут событиями врасплох.

Если бы не существовало Советского Союза, каким был бы ход истории?

В 1913 году Николай II подписал приказ о реорганизации русской армии. Она должна была проходить с 1914 по 1917 год. Получив соответствующее донесение, Вильгельм II изрек: «Зачем нам ждать, когда Россия станет сильной, не воспользоваться ли сейчас ее слабостью?» После финской войны 1939-1940 годов Сталин распорядился качественно реорганизовать Красную Армию. Вчерне обновление советских вооруженных сил должно было закончиться к осени 1942 года. Гитлер решил: «Ни к чему ждать, когда русская армия станет обороноспособной». Вот такие параллели...

Без системного мышления, анализа всей совокупности фактов – приятных и неприятных – достоверное исследование для меня немыслимо. Мудрые арабы говорят: не смотри потерянному вслед. А меня печалят потерянные опыт и знания, без которых непонятно многое из ныне происходящего.

В 1986 году Лазарь Моисеевич Каганович выражал готовность встретиться со мной, чтобы во взаимоуважительном разговоре поделиться сведениями о том, как с участием Сталина принимались решения в узком кругу, то есть без ведения протокола. Если бы разговор получился, Каганович допускал, что к нему может присоединиться В.М. Молотов. Пишу записку в Политбюро: есть уникальная возможность устранить некоторые белые пятна. Примерно через полтора месяца мне звонит заведующий общим отделом В.И. Болдин: «Ваше предложение рассмотрено. Признано нецелесообразным оживлять политический труп». Ни к чему не привели и мои попытки предотвратить растаскивание личной библио-

теки И.В. Сталина. Сталин особенно увлекался публикациями по военной истории. Без его пометок и комментариев к прочитанному порой трудно разрешить пушкинский парадокс о совместимости «гения и злодейства».

Как долго сохранялась библиотека Сталина?

До М.С. Горбачева. Чудна страна наша...

ИЗЛУЧЕНИЕ ФАЛИНА

А.И. Агеев

*генеральный директор Международного
научно-исследовательского института проблем управления,
доктор экономических наук, профессор МГИМО,
НИЯУ МИФИ, МГУ им. М.В. Ломоносова,*

Валентина Михайловича Фалина знают многие, но есть в этом некий парадокс – его известность разная. Для одних Фалин – дипломат, для других – ценитель и покровитель искусства и его деятелей, для третьих – секретарь ЦК КПСС и беспощадный критик действий Горбачева, для четвертых – автор исключительно важных публикаций по истории Второго фронта и Второй мировой войны, «сумеркам богов», германскому вопросу и многим другим сюжетам, для пятых – «свидетель эпохи», как это представлено в редких документальных фильмах... Ни одно из этих представлений не исчерпывает всю глубину личности и судьбы нашего героя. Не претендует на это и наш короткий эскиз, в котором я поделюсь частью своих впечатлений и соображений о Валентине Михайловиче. Более обширная версия моих воспоминаний о нем и попытка осмысления его личности, надеюсь, увидит свет позже.

Мои впечатления сложились за относительно недолгий интервал нашего общения, лет десять, но это общение было со стороны Валентина Михайловича бесконечно щедрым. Наверное, оно не достигло ста часов «чистого време-

ни», но приблизилось к этой планке. Соответственно, остался огромный массив впечатлений. К счастью, значительная часть нашего общения была записана. Из того, что записано, многое в свое время было «не для печати». Всегда с нами была рядом Нина Анатольевна, с неохотой, мягко, но справедливо и неумолимо прерывавшая наше затягивающееся обычно сверх запланированного общение. И всегда оно, где бы ни происходило – на Якиманке, в Подмосковье или на официальных мероприятиях, было незабываемо содержательным, открытым и по темам, и в смысле «продолжение следует». И оно следовало. Светлое и мудрое излучение Фалина продолжается.

Каким был Валентин Михайлович в эти последние 10 лет, по крайней мере, каким он представал в нашем общении? Три обобщения мне кажутся наиболее существенными. Во-первых, как человек с исключительно большой, беспрецедентной жизненной историей. Во-вторых, как человек, сам пребывавший в Большой Истории, и не только нашей страны, но мира, всех его международных дел. В-третьих, как человек, осмысливший эту Историю, связавший века, события и смыслы. Во всех этих аспектах Валентин Михайлович был, безусловно, исторической личностью. Таких сегодня, кажется, не осталось.

Обозревая жизнь Валентина Михайловича, мы обнаружим целый ряд уникальных обстоятельств. Они не в том, что его жизнь складывалась в эпоху колоссальных перемен в России и мире, всех надломов траекторий. Так «повезло» многим, если не всем представителям поколения, родившегося в конце 20-х годов. Уникальность жизни В.М. Фалина, как представляется, состоит в беспрецедентном сочетании возможностей, доступа к информации и лицам, принимавшим в конце концов судьбоносные для мира и страны решения, испытаний, выпавших на его долю, и в тех его поступках, которые он совершал в сложных условиях персонального выбора, оставаясь при этом человеком, ученым и гражданином. Уникальность связана и с посмертной судьбой не только его научных идей, понимания и оценок клю-

чевых событий XX века и более глубокой ретроспективы, но и самого его имени. Голос Валентина Михайловича еще будет принципиально значим в событиях, которые произойдут в будущем и которые без контекста, ясно и компетентно определенного Фалиным, не могут быть адекватно поняты.

Напомню несколько эпизодов, в которых Валентину Михайловичу довелось быть непосредственным участником. Его знание об этих эпизодах Большой истории бесценно.

Берлинский кризис 1961 года. 13 августа была возведена Берлинская стена, и «бряцание оружием едва не переросло в его скреещение». Валентин Михайлович оставался в момент нашего разговора единственным живым участником кризисного штаба, наряду с А.А. Громыко и И.И. Ильичевым, как «эксперт, сведущий в германских делах». В тот день в рабочем кабинете Хрущева собрались маршалы И.С. Конев и Р.Я. Малиновский, а также первый заместитель начальника Генштаба С.П. Иванов. «Военные, – обратился к нам Хрущев, – в курсе дела. Повторю для вас, дипломатов. Передо мной перехват: Кеннеди приказал снести пограничные заграждения, отделившие американский сектор от Восточного Берлина. У КПП „Чарли“ бульдозеры на танковых шасси уже прогревают моторы. Я назначил Конева главным командующим Группой советских войск в Германии. Наши танки с полным боекомплектом будут выдвинуты к секторальной границе и, если американцы вторгнутся в пределы ГДР, откроют огонь на поражение».

«Сторонам удалось превозмочь амбиции, – подчеркивал Валентин Михайлович, – и разойтись по-хорошему... начался даже неформальный обмен мнениями... сближение позиций по германской проблеме».

Карибский кризис. Возникнув как следствие каскада шагов со стороны США и СССР, комплексных спецопераций «Мангуст» и «Анадырь», остававшихся до определенного момента тайными друг для друга... Октябрь 1962 года едва не закончился мировой ядерной войной. Поводов для этого было более чем достаточно: сбитый советскими раке-

тами У-2, морская блокада и глубинная бомбардировка советских подводных лодок с ядерными торпедами и многое другое. Наступил момент, когда нервы высшего руководства и в Кремле, и в Белом доме были на пределе, а силы стратегического назначения сторон приведены в полную боеготовность. Хрущев «вдруг» обращается с посланием к Кеннеди. Посланием экспрессивным, но человечным: «Да, у нас разные взгляды, но мы же с Вами люди! Задумайтесь! Если Вы не потеряли самообладания и имеете разумное представление о том, к чему это может привести, тогда, господин Президент, мы с Вами не должны тянуть за концы каната, на котором Вы завязали узел войны, потому что, чем крепче мы оба будем тянуть, тем сильнее стянется узел, и придет время, когда узел придется разрубить, а что это означает, не мне Вам объяснять, потому что Вы сами прекрасно понимаете, какими страшными средствами обладают наши страны». Основа текста послания была подготовлена В.М. Фалиным.

Германия. В 1970-е годы В.М. Фалин – посол Советского Союза в ФРГ. Германия – ключ к европейскому миру, Фалин – один из архитекторов советской внешней политики на этом важнейшем направлении. Как распорядились Горбачев и Ельцин, и отчасти Андропов, достигнутым благодаря Фалину качеству отношений и возможностями разрешения германского вопроса – это иной сюжет.

Афганистан. В.М. Фалин был одним из немногих в руководстве ЦК, кто активно протестовал против ввода советских войск в Афганистан. В декабре 1979 г., перед вводом войск в Афганистан, Фалину позвонил Андропов. В разговоре с ним, сыгравшим решающую роль в принятии этого решения, Валентин Михайлович буквально сказал следующее: «Простите, у меня к Вам есть вопрос: хорошо ли продумано решение об отправке советского контингента в Афганистан? В XIX веке англичане 38 лет пытались освоить этот забытый Всевышним угол. И ушли несолоно хлебавши. Оружие изменилось, но его носители по-прежнему живут по обычаям средневековья».

Андропов был резко недоволен осведомленностью собеседника о секретнейшей операции. После этого разговора В.М. Фалин был отчислен из аппарата ЦК и на несколько лет оказался в политической опале.

Валентин Михайлович дал абсолютно четкий, мировоззренчески определенный диагноз распаду СССР и роли в этом Горбачева: «Я не верю, что Горбачев принял в 1985 году бразды правления, имея в заглавнике программу слома Советского Союза. Ему не терпелось порулить. А каким румбом вести государственный корабль, ясности у него не было. „Ввяжемся в бой, потом оглядимся“, – вещал новый генсек. Но отсутствие лоции – тоже программа. Она обслуживает собственное эго, ее данником являются коренные национальные интересы. Как личностный кризис Хрущева, так и кризис Горбачева обрек на кризис режим власти и в конечном счете страну. Нет, это не был кризис социализма, ибо социализм существовал лишь на транспарантах. Это был кризис антисоветской системы. Не идеи подлинного народовластия, социальной справедливости, межнационального согласия виной тому, что случилось в 1991–1992 годах. Катастрофа была рукотворной. Она не была фатально неизбежной. А дальше возникли душеприказчики – Ельцин, Гайдар, Чубайс. Они – все равно что Грабовой в политике и экономике. Все и всех стали измерять в условных единицах. Саму Россию превратили в условную единицу. Можно ли думать о стране как о самостоятельном и независимом субъекте, когда ее бюджет составлялся в Вашингтоне?».

Это лишь некоторые из эпизодов, о которых Валентин Михайлович рассказывал и в своих публикациях, и в наших разговорах. Они свидетельствуют о двух особенностях присутствия Фалина в высшем эшелоне советской политики. Во-первых, его высокое положение в руководстве страной определялось безукоризненным и никем не заменимым профессионализмом, знанием всего международного ландшафта в его исторической динамике и персональных конфигурациях, исключительным опытом работы в сфере стратегической информации, начиная с Комитета информации, который, по

сути, был попыткой создать целостную систему стратегической разведки и планирования развития СССР. То, что не получилось на уровне институции, сложилось в личностный профессионализм В.М. Фалина.

Во-вторых, его знание, получавшееся как сплав образованности, информированности, наблюдательности, опыта и включенности в принятие важнейших стратегических решений на протяжении политических эпох от Сталина до Горбачева, предопределяло сильную и часто именно критическую по отношению к наивысшему руководству позицию В.М. Фалина. Не всегда была возможность эту позицию провести в официальное решение или курс. Но всегда он пытался отстоять, невзирая на личные карьерные риски. В ряду таких эпизодов и Пакт Молотова – Риббентропа, Катынь, объединение Германии, празднование 1000-летия принятия христианства, благодарность Тито за поддержку в годы Второй мировой войны и т.д. В своих мемуарах Валентин Михайлович откровенно описал «сумерки богов». И у нас не возникает сомнения в том, что это не задним числом формируемая правда, а убежденная позиция, которую он формировал и отстаивал в крайне непростой обстановке в советских верхах.

Как справедливо заметил однажды Ю.М. Лотман, «история проходит через Дом человека, через его частную жизнь. Не титулы, ордена или царская милость, а „самостоянье человека“ превращает его в историческую личность». Действительно, обозревая жизнь Валентина Михайловича Фалина, мы это видим во всей отчетливости. Его деятельность в высших сферах СССР была ярким примером именно «самостоянья». Строго говоря, таких примеров мы найдем немного, если найдем вообще в новейшей истории СССР.

Но есть и особенно уникальное свойство личности и судьбы Фалина – его Дом – Дом человека, его частная жизнь. О ней, «подлинной истории жизни и любви», поведали Нина Анатольевна и некоторые друзья Валентина Михайловича. Книга удивительная. Высший такт и пронзительная откровенность: « – Если хочешь меня понять, послушай это.

...Вечером, закрывшись в комнате, в сумерках я слушала музыку Бетховена (*в исполнении Вана Клиберна, подарившего нашему герою эту пластинку. – А.А.*). Слушала не ушами – сердцем. Плакала. Смотрела на икону Владимирской Божьей Матери... впервые молилась за Валентина. Как умела. Самые разные оттенки переживаний перекликались в моем сердце. Здесь он радуется, а тут тревога... А вот – глубокая, философская печаль. Да такая, что тоска сжимает грудь... Но что это? Робкие, нерешительные всплески торжества?.. Ликующая музыка нарастает лавинообразно, рвется из динамиков в мир!.. Так, еще не зная примечательной истории этого человека, я приоткрыла в нее дверь...».

Во всех наших встречах с Валентином Михайловичем их непременным участником была Нина Анатольевна. Не только как радушная хозяйка, создававшая не гостеприимство даже, а атмосферу Дома, которая мягко, как уютный свет свеч, встречала, очаровывала и настраивала на разговор о важном в интонации поиска сокровищ знания. Нина Анатольевна всегда участвовала в наших беседах как надежный хранитель Валентина Михайловича, его знаний и здоровья. Мы с Александром Петровичем Исаевым после каждой нашей встречи в Доме Фалиных выходили в состоянии тихого восторга. Не одни лишь откровения Валентина Михайловича были тому причиной, но беспрецедентный, невиданный более нигде на этом свете, во всяком случае нами, безусловно счастливый союз. В начале этого мемуарного эскиза я сказал об «излучении Фалина». Требуется уточнение – все-таки речь идет о феномене «излучения Фалиных».

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОДЕКС РОССИЙСКОГО АНАЛИТИКА

1. Цель кодекса

Целью настоящего Кодекса российского аналитика (далее – Кодекс) является установление высокого уровня этических стандартов аналитической деятельности аналитиков, привлекаемых к исследованиям, понимания ими своей ответственности за судьбы как российского исторического субъекта, так и российского мирового проекта и исключения возможности возникновения конфликтов интересов и какой-либо ангажированности.

Цивилизационное развитие России, безопасность и конкурентоспособность ее как исторического субъекта в глобальном мире в современных геополитических реалиях недостижимы без продуманности, целостности, единства и комплексности принимаемых управленческих решений. В этих условиях аналитическая деятельность, обеспечивающая принятие решений во всех сферах жизнедеятельности общества, народа и страны, прежде всего в сфере государственного и муниципального управления не только фактор, влияющий на эффективность управления, но и одно из ключевых условий ее цивилизационного выживания и дальнейшего развития. Основой таких решений могут быть только объективные знания о конкретных явлениях и процессах в сфере деятельности органов управления, которые получают в процессе интеллектуальной – обработки информации – аналитической деятельности.

Вместе с тем возможности аналитической деятельности могут быть существенно снижены нарушением аналитиками ее этических стандартов.

Правильно понятый личный интерес каждым отечественным аналитиком есть основа Кодекса, для чего необходимо позаботиться о том, чтобы их личные интересы совпадали с интересами российского народа как исторического субъекта.

2. Сфера применения Кодекса

Сферой применения Кодекса является аналитическая деятельность по поддержке принятия решений в системах управления развитием и обеспечения безопасности.

Аналитики, осуществляющие свою деятельность, добровольно принимают на себя обязательство соблюдать нормы Кодекса.

Никакая норма Кодекса не должна толковаться как предписывающая или допускающая совершение действий либо бездействия, противоречащих требованиям действующего законодательства Российской Федерации.

3. Основные этические принципы деятельности аналитика

Нравственная ответственность

Высшей ценностью для отечественного аналитика являются субъектная истина и цивилизационные интересы России как мирового исторического субъекта.

Аналитик осознает нравственную ответственность за свои анализ, оценки и выводы перед российским обществом в целом и теми лицами, интересы которых непосредственно затрагивает его деятельность, и готов с достоинством отстаивать их в случае возможного неприятия.

Независимость и неангажированность

Отечественный аналитик, выполняя свои исследования, давая необходимые оценки, приходя к определенным выводам, исходит из следующих принципов:

1) отсутствие у какой-либо силы российского общества права на монополию на обладание истиной;

2) обладание экспертом правом на полную независимость от сложившихся в российском обществе представлений и настроений, предпочтений заказчика и желаемых им результатов и иных не имеющих отношения к его аналитической деятельности обстоятельств.

Профессионализм

Важнейшими профессиональными качествами аналитика должны являться:

– способность аналитически мыслить, глубина и гибкость профессионального мышления;

– владение приемами и методами системного анализа, прогнозирования и моделирования явлений, событий, ситуаций;

– стремление к взвешенным оценкам и выводам, наличие собственной позиции (точки зрения) по исследуемым проблемам, умение аргументированно доводить свою позицию до окружающих.

Реалистичность и научность

Отечественный аналитик стремится видеть сущностную и смысловую сторону явлений, процессов, событий, ситуаций и обстоятельств с позиций адекватного отражения реальности и существования проблем не только внутри исследуемой системы, но и вокруг нее.

Рассматривая явления, процессы, события, ситуации и обстоятельства, аналитик выделяет главное и существенное в исследуемой системе и предлагает решения ее проблем с позиций междисциплинарного научного подхода и принципа целостности, единства и комплексности.

Объективность и достоверность

Отечественный аналитик предпринимает все возможное, чтобы осуществлять свою деятельность максимально беспристрастно и использовать для исследований и оценок достоверные данные.

Аналитик стремится к максимальной объективности выполняемых оценок, обеспечиваемых имеющейся полнотой используемой им информации.

Получение субъектной истины

Отечественный аналитик, не обладая монопольным правом на истину, как профессионал обязан предпринимать все возможное, чтобы устанавливать субъектную истину, то есть истину для российского народа как мирового исторического субъекта.

Открытость

Аналитик заинтересован в том, чтобы общество имело исчерпывающую информацию о результатах его деятельности.

Аналитик открыт для обмена мнениями и опытом с другими членами российского экспертно-аналитического сообщества.

Раскрывая информацию о своей деятельности, отечественный аналитик обязан принимать во внимание наличие веских оснований, которые могут запрещать это.

Конфликт интересов

Отечественный аналитик обязан ставить цели осуществляемых им исследований выше личных интересов.

Под личными интересами понимаются сугубо личные интересы отечественного аналитика: материальное благополучие, душевное спокойствие, благосклонность заказчиков, минимальность затрачиваемых на исследования усилий.

Правильно понятый личный интерес отечественного аналитика есть основа Кодекса. Для чего необходимо, чтобы личные интересы отечественного аналитика совпадали с интересами российского народа как мирового исторического субъекта в целях развития российского мирового проекта.

Конфликт интересов возникает в ситуации, когда личный интерес отечественного аналитика вступает в противоречие с объективностью и достоверностью оценок, установлением субъектной истины.

4. Выполнение положений Кодекса

Выполнение положений Кодекса является делом профессиональной чести и человеческого достоинства для каждого российского аналитика и устанавливает отношение каждого из них к российскому экспертно-аналитическому сообществу, объединенному неравнодушием к судьбе России как исторического субъекта, ее цивилизационному развитию и безопасности, независимо от области их деятельности и принадлежности к аналитическим школам.

*Кодекс утвержден
на I Всероссийской научно-практической
конференции аналитиков,
декабрь, 2013 г.*

Научно-популярное издание

**ЛУЧШИЕ АНАЛИТИКИ РОССИИ –
НАШИ СОВРЕМЕННОКИ**

Выпуск 1

Редактор *Ж.В. Медведева*
Технический редактор *Е.В. Попова*
Компьютерная верстка *М.Н. Закиной*
Дизайн обложки *Ю.Н. Ефремовой*

Подписано в печать 05.10.2021 г. Формат 60×90/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22,0. Тираж 00 экз. Заказ 872

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. (495) 952-04-41

Для заметок
